

Б. Т. РУБЦОВ

ГУСИТСКІЕ ВОЙНЫ

ГУСИТСКІЕ
ВОЙНЫ

Б.Т.РУБЦОВ

УСИТСКІЕ ВОУНЫ

*(Великая крестьянская война
XV века в Чехии)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва * 1955

Ответственный редактор
В. Д. КОРОЛЮК

Трудящиеся массы Чехословацкой народно-демократической республики имеют славную и героическую историю. Одним из наиболее ярких и величественных периодов прошлого народов Чехословакии является первая половина XV века — время так называемых гуситских войн. Гуситские войны представляли собой мощное и грозное крестьянское восстание — подлинную крестьянскую войну.

Среди народных восстаний эпохи феодализма чешская крестьянская война XV века занимает особое место. По своему значению в истории эта война заслуженно может быть названа Великой. Восставшие против феодальной эксплуатации и попыток иноземной агрессии крестьяне выступали под знаменем идей, подготовленных учением и деятельностью Яна Гуса — замечательного чешского патриота и борца против католического мракобесия. Поэтому многолетнюю борьбу крестьян и всего народа Чехии против феодально-католической реакции в первой половине XV века и называют гуситскими войнами.

Крестьянская война в Чехии была вызвана усилением феодальной эксплуатации. К началу XV века в хозяйстве Чехии наблюдался значительный подъём, вызванный ростом производительных сил общества. Однако, несмотря на это, положение трудящихся не улучшалось. Феодалы-землевладельцы увеличивали эксплуатацию крестьян на барщине, требовали с них всё больше продуктов, всё

возрастающих денежных платежей. Ввиду этого положение чешских крестьян — главных производителей материальных благ — значительно ухудшилось. В ответ на усилившийся нажим феодалов крестьяне поднялись на вооружённую борьбу. Крестьянство вместе с восставшими низами городского населения, положение которого тоже ухудшилось, было главной движущей силой гуситских войн.

Гуситские войны отличались от обычных восстаний крестьян, которые часто происходили в разных странах средневекового мира. Они вылились в революционное по методам борьбы вооружённое выступление всего чешского народа, в первую очередь крестьян и городской бедноты, и были направлены против всесильной католической церкви — крупнейшего феодала Чехии, против светских магнатов и одновременно против попыток иноземного порабощения свободолюбивого чешского народа.

Основоположники марксизма уделяли большое внимание этому наиболее выдающемуся событию средневековой истории Чехии. «...Национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора»¹, — так определил революционную борьбу чешского народа Карл Маркс.

Гуситские войны отличались от других крестьянских восстаний своим размахом, продолжительностью и сравнительно высокой организованностью. В ходе борьбы восставшие пытались приступить к переустройству всей жизни общества на новых, справедливых началах. Они мечтали о том времени, когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, когда все люди будут трудиться и жить, как братья. Наиболее последовательные борцы пытались и в тогдашних условиях приблизиться к осуществлению этих идеалов.

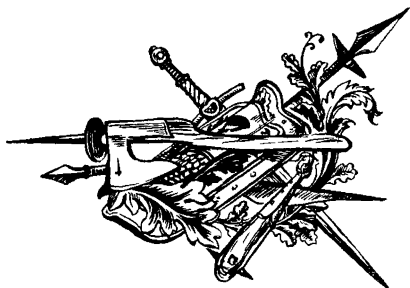
Гуситские войны стали событием огромного международного значения, превратились в важный этап истории всего европейского крестьянства. Славная борьба восставших чешских крестьян находила братскую поддержку и сочувствие трудящихся масс не только в соседних странах, но и далеко от границ Чехии. В рядах отважных армий Тавора бок о бок с чехами и присоединявшимися к

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 275.

ним словаками сражались поляки и немцы. В борьбу чешского народа активно включались и выходцы из русских земель. Так уже в далёкие времена средневековья в справедливой войне против эксплуататоров крепла дружба между трудящимися массами различных стран.

Чешский народ, поднявшийся на самоотверженную борьбу против феодальной эксплуатации и гнёта, против папы и императора, потерпел поражение. Но подвиги и жертвы народа не пропали даром. Пусть смутные мечты крестьян и городской бедноты о светлом царстве социальной справедливости и братства были в XV веке очень далеки от возможности осуществления, но, вдохновлённые ими, народные воины отдавали свою жизнь за приближение окончательной победы трудящихся, за уничтожение эксплуатации. Славная эпопея гуситских войн стала источником неумирающих революционных традиций чешского народа в его борьбе за социальное и национальное освобождение, источником высокого народного самосознания чехов, их национальной гордостью. Только в наши дни, вооружённые великими идеями марксизма-ленинизма, руководимые славной Коммунистической партией, при братской помощи трудящихся Советского Союза и стран народной демократии, народы Чехословакии закладывают незыблемый фундамент бесклассового социалистического общества.

О том, как жили чешские крестьяне в XV веке, что заставило их поднять оружие, об их героической борьбе и замечательных победах рассказано в этой книге.

ЧЕХИЯ НА РУБЕЖЕ XIV — XV ВЕКОВ

В XIV—XV веках Чехия была одной из наиболее развитых стран Европы. Чешские крестьяне и ремесленники производили большое количество сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий. Через чешские земли проходили купеческие караваны, двигавшиеся от берегов Балтийского моря к Праге и оттуда в придунайские страны и в Италию. Развивались экономические связи между Чехией и Германией. Со времён глубокой древности между Чехией и славянскими странами — Русью и Польшей существовали тесные хозяйственные, политические и культурные связи. Купцов из славянских земель часто можно было видеть в Праге и других чешских городах. Через Чехию они вели свои торговые дела с Германией и другими европейскими странами.

На протяжении почти всего XIV века Чехия не знала серьёзных неприятельских вторжений. Грабительские нападения немецких князей и рыцарей, которые в прошлом неоднократно пытались захватить богатые чешские земли,

в XIV веке не повторялись: германские феодалы-агрессоры получили достойный отпор со стороны свободолобивых чехов и других славянских народов. В самой Германии в это время кипела жестокая борьба между князьями, рыцарями и городами. В связи с этим германские феодалы вынуждены были перейти к попыткам мирного проникновения в Чехию. На деле это «мирное проникновение» было в скрытой форме всё той же феодальной агрессией.

Страшную опасность для всех народов Европы представляли татаро-монгольские захватчики. Ещё в первой четверти XIII века татаро-монгольские орды обрушились на русские земли. Великий русский народ встал на защиту отчизны, но, погрязшие в междоусобных распрях, феодалы не смогли тогда объединить народ на борьбу с захватчиками.

Находясь под игом татаро-монголов, русский народ продолжал борьбу. Длительная героическая борьба русского народа с захватчиками, которая приковывала основные силы татаро-монголов, спасла европейские страны, в том числе и славянскую Чехию, от жестокого татаро-монгольского гнёта.

Отражение нападений германских феодалов и татаро-монгольских захватчиков способствовало экономическому подъёму чешских земель, который наметился ещё в XIII веке. В XIV веке Чехия превратилась в единое феодальное государство. Богатые чешские земли заняли ведущее место в составе так называемой Священной Римской Империи германской нации — сложного конгломерата фактически независимых друг от друга феодальных владений на территории Германии, Северной Италии и Нидерландов. Во второй половине XIV века чешский король был одновременно и императором Священной Римской Империи германской нации. Это способствовало улучшению международного положения и увеличению авторитета Чехии. Столица её — Прага являлась одним из главных центров ремесла и торговли во всей центральной Европе. В Праге производились ткани, металлические изделия, оружие, мебель, одежда, обувь, скобяные товары, книги, предметы роскоши, а также продукты питания для городских жителей. В Прагу часто приезжали купцы, привозившие разнообразные и редкие товары со всех концов Чехии и других стран. Не выезжая из Праги, можно было

Пахота

(из рукописи 2-й половины XIV века)

приобрести на устраивавшихся регулярно дважды в год больших ярмарках самые различные изделия стран Запада и Востока. В столице Чехии находился пышный двор императора, куда прибывали послы из Англии, Франции, Испании, Польши, Венгрии и других стран.

Средневековая Чехия была типичной феодальной страной. Её подъём в XIV веке был достигнут ценой жесточайшей эксплуатации народных масс. Большинство трудящегося населения составляли феодально-зависимые крестьяне — основные производители материальных благ, необходимых для существования всего общества.

Главным занятием населения Чехии в средние века было сельское хозяйство. Виды его менялись внутри отдельных районов страны в зависимости от почвы и климата, но господствующее место везде занимало земледелие. К XIII—XIV векам трёхполье распространилось уже повсеместно. Ведущими озимыми культурами являлись пшеница и рожь, а в качестве яровых сеяли помимо пшеницы ячмень, овёс и просо. Большие площади земли были заняты под посевы гороха и репы. Так как в те времена европейцам не был известен картофель, роль заменявшей его репы была очень велика. Репу выращивали главным образом на корм скоту, однако вместе с горохом и чечевицей она составляла также основную пищу бедняков.

Сравнительно высокого уровня достигали в Чехии огородничество и садоводство. На огородах росли свёкла, морковь, лук, чеснок, капуста, а также всякая зелень для приправы — укроп, сельдерей, шафран. В садах выращивались разнообразные плоды — яблоки, груши, сливы, орехи, а иногда даже персики. Важное место занимали в хозяйстве Чехии виноградарство и хмелеводство. Чешский хмель и моравское вино в больших количествах вывозились в другие страны.

Из технических культур чехам были хорошо знакомы лён и конопля, из волокна которых крестьяне изготовляли грубые домотканые материи.

В XIV веке в некоторых местах Чехии встречались ещё никем не обрабатывавшиеся, целинные земли. Частично они использовались в качестве лугов и выгонов для скота, а другая их часть постепенно осваивалась крестьянами под зерновые и другие культуры. Но это было очень тяжёлым делом. Особенно трудно было осваивать леса: деревья приходилось вырубать или выжигать, а пни выкорчёвывать. В упорной борьбе с природой крестьяне расширяли площадь возделываемых земель. Так как в распоряжении крестьян были только самые простые орудия земледелия, обработка целин и пустошей требовала каторжного труда. А результаты его присваивали владельцы земли — феодалы.

В XIII—XIV веках в сельском хозяйстве Чехии наблюдался заметный подъём. Это выражалось в развивавшемся правильном севообороте, в усовершенствовании орудий труда и, наконец, во всё более частом применении удобрений (главным образом, разумеется, навоза). Всё чаще на полях можно было встретить пароконные плуги с отвалом. Иногда применялись большие, тяжёлые плуги, в которые запрягали по несколько пар лошадей или волов. Все хозяйственные усовершенствования внедрялись чрезвычайно медленно — рутинность и застойность техники, крайне низкие темпы её развития вообще свойственны феодальному способу производства. Улучшенные орудия производства (например, большие, тяжёлые плуги) оставались недоступными для подавляющей массы феодально-зависимого крестьянства и потому, что они стоили слишком дорого, и потому, что требовали достаточного количества хорошего скота. Ввиду этого плуг не мог окончательно вытеснить старинное сельскохозяйствен-

ное орудие — соху. В соху впрягали обыкновенно одну лошадь, но соха не переворачивала пласты земли, а только проводила по поверхности почвы борозду, да и то для этого нужно было с силой налечь на неё. После пахоты поля бороновали, а иной раз приходилось ещё разбивать комья земли вручную — лопатами или кольями. Огороды обычно обрабатывали также вручную — заступами или мотыгами.

Вскапывание почвы
(из рукописи XIV века)

Уборку урожая производили преимущественно женщины — серпами, иногда косами. Лён и коноплю выдёргивали из земли просто руками. После уборки наступало время молотбы. Хлеб молотили, как правило, цепами, а веяли на ветру. Зато молоть зерно обычно не приходилось ручным способом: в Чехии было много мельниц. Жернова приводились в движение водой многочисленных рек и ручьёв, а в XIII—XIV веках появилось много ветряных мельниц. На многих мельницах насчитывалось по семь, восемь, даже по десять колёс.

Низкая техника сельского хозяйства и жестокая феодальная эксплуатация приводили к тому, что даже при благоприятных климатических условиях тяжёлый труд крестьян мог обеспечить лишь очень невысокие урожаи. Урожай сам-четвёрт считался отличным, но часто

удавалось собрать лишь немногим больше посеянного. Поэтому голод, болезни и нищета всегда стояли за плечами чешских земледельцев.

Сельское хозяйство Чехии включало в себя и развитое животноводство. Рабочим скотом служили волы и лошади. Молочный скот был представлен коровами и козами. На юге разводили много свиней, на севере к началу XV века среди мелкого скота преобладали овцы. В связи с развитием скотоводства к этому времени приобретает серьёзное значение травосеяние — при описании хозяйств крупных феодалов встречаются упоминания о возах семян вики. Из продуктов животноводства в документах этого времени часто упоминаются сыр и сало, реже — масло и сметана. Из сельскохозяйственного сырья большое значение имела шерсть, которая шла на изготовление тканей и войлока. Из воловьих кож шили обувь, выделявали упряжь, сёдла и т. п. Важной отраслью сельского хозяйства было также птицеводство. Разводили кур, уток и гусей. Цыплята и яйца являлись одной из главных частей натуральных поборов с чешских крестьян.

На юге и в других районах страны большое значение, особенно к началу XV века, приобрели пчеловодство и рыбоводство. В искусственных прудах и естественных водоёмах разводились различные виды рыб — карпы, форель и другие. Рыба пользовалась большим спросом не только внутри Чехии, но и в соседних странах. В то же время увеличилось количество виноградников и хмельников. Торговля вином, пивом, мёдом и сушёным хмелем приносила большой доход.

По мере сокращения площади лесов, которые вырубались и на месте которых появлялись поля и огороды, ценность сохранившихся лесных массивов заметно увеличивалась. Если прежде в лесах, принадлежавших феодалам, зависимые крестьяне могли свободно собирать по мере надобности хворост, жечь уголь, заготавливать брёвна и дрова, гнать дёготь и смолу, то теперь феодалы стали всячески ограничивать крестьян в пользовании лесными богатствами, а иногда и вовсе лишали их лесных угодий. Феодалы стали заводить лесопилы, смолокурни и угольные ямы, извлекая из этого немалые доходы. Особенное значение приобрело лесное хозяйство в южных областях Чехии, откуда ежегодно по течению рек сплавлялось большое количество лесоматериалов в центральные и северные

районы страны. Охота потеряла к этому времени бывшее хозяйственное значение. Она всё больше становилась забавой феодалов и играла серьёзную роль только в деле подготовки молодёжи к военному ремеслу.

Сельское хозяйство было не единственным занятием населения Чехии. Наличие большого количества рудных ископаемых с давних пор делало страну одним из главных

Рубка леса
(из рукописи XIV века)

районов добычи металлов во всей тогдашней Европе. Горные хребты, со всех сторон окружающие Чехию, и их отроги, прорезающие её в нескольких направлениях, очень богаты железом и цветными металлами. В Чехии разрабатывались и золотоносные жилы, дававшие в ту пору немалое количество драгоценного металла. Особенно велика была роль добычи серебра. До открытия Америки Чехия была главным поставщиком серебра в Европе. Крупнейшими месторождениями сереброносных руд были Ййглава в Моравии, Кутная Гора и Стршибро в собственно Чехии. Серебро шло в большом количестве на изготовление монет — пражских грошей¹, которые были

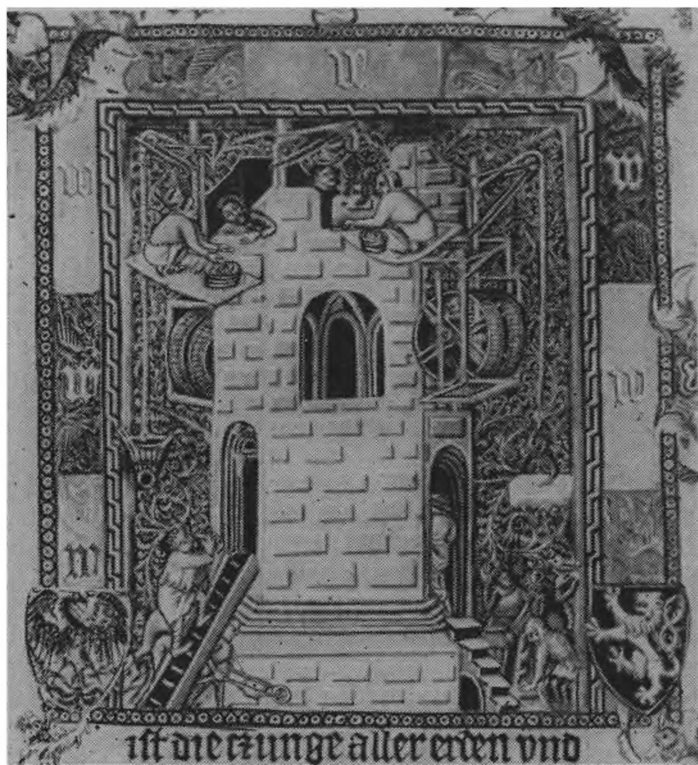
¹ В 1300 году, в правление короля Вацлава II, была проведена важная денежная реформа — начата чеканка единой монеты для всей Чехии. Выпуск монеты стал монополией короля. Были закрыты многочисленные монетные дворы по всей Чехии. Вся деятельность

широко распространены особенно в странах восточной Европы. Кроме того, значительное количество серебра вывозилось в слитках.

В рудниках, где добывалось железо, серебро и другие металлы, все работы производились вручную. Извлечённую из шахты руду перемалывали или толкли, а из размельчённой породы выплавляли металл. Все этапы добычи металла были очень трудоёмкими и требовали больших затрат физической силы. В XIII веке появились, правда, некоторые усовершенствования. Прежде добыча и плавка железа совершались самым примитивным образом. Руду загружали в ямы попеременно с древесным углем и через глиняные трубки — сопла — подводили необходимый для горения воздух. В XIII веке железо научились плавить в специальных наземных печах, а воздух подавали мехами, которые приводились в движение силой падающей воды. В XIV веке впервые появились и молоты, также приводимые в движение водной энергией.

При таком способе добычи железа (он называется сыродутным) металл получался в виде губчатой массы, которую необходимо было подвергнуть проковке. Поэтому появление механического молота было очень важно для развития средневековой металлургии, а кроме того, высвобождало значительную часть рабочей силы. Чешское железо, полученное сыродутным способом, превосходило по своему качеству привозное и шло на продажу в другие страны. Главные районы добычи железной руды находились у северных границ Чехии в горах, которые так и назывались Рудными горами, а также в центре страны, у Бероуна. Из нерудных ископаемых в Чехии добывали много строительного камня. В XIV веке не только в Праге, но и во многих других городах Чехии были мощённые камнем улицы и много каменных зданий.

по производству монеты отныне сосредоточилась в Кутной Горе, где был создан королевский монетный двор — единственный в стране. При организации нового монетного двора туда было переведено оборудование из 17 прежних монетных дворов. Сама возможность проведения подобной реформы является показателем высокого уровня экономического развития Чехии. В соседней Германии, например, монета чеканилась одновременно в нескольких центрах, причём в каждом из них выпускались монеты разного достоинства, веса и из различного по качеству металла. Введение единой монеты в Чехии в XIV веке может рассматриваться как одна из предпосылок формирования в дальнейшем единого общечешского рынка.

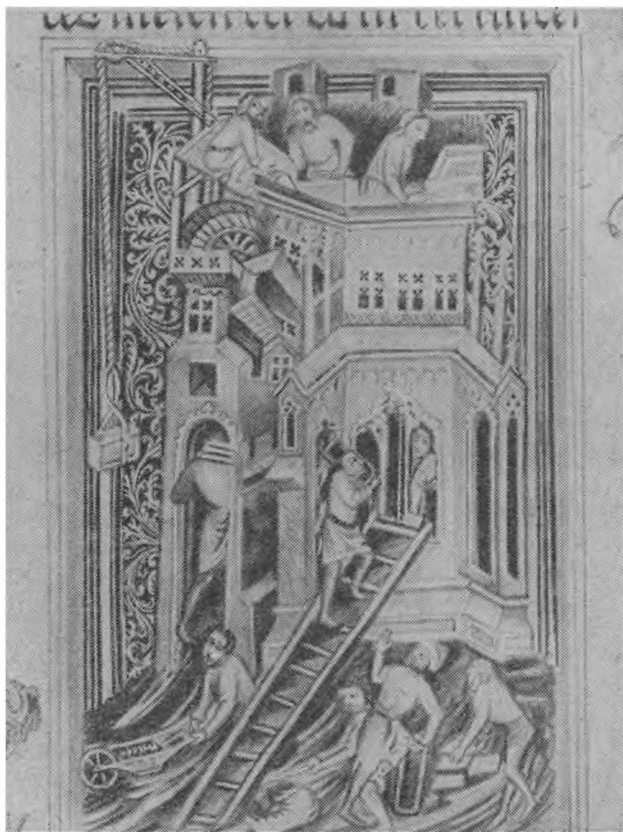
Строительные работы
(из библии короля Вацлава IV, XIV век)

Чехия XIV — начала XV века была страной со сравнительно развитой городской жизнью. Разумеется, города средневековой Чехии лишь отдалённо напоминали современные. В таком большом городе, как Прага, было не больше 30—35 тысяч жителей. Но по тому времени это был один из самых крупных городов Европы. Остальные города были значительно меньше. В среднем чешском городе насчитывалось обычно несколько сот домов. Наиболее крупными городами после Праги были Брно с восьмьютысячным населением, Градец Кралёвский и Пльзень, где было примерно по пяти тысяч жителей, Хрудим, Йиглава и другие.

Многие горожане не бросали окончательно земледельческого труда — имели огороды, сады, виноградники, а иной раз и обрабатывали полевые участки. В их хозяйстве были коровы, козы, свиньи, домашняя птица. Но сельское хозяйство не было для городских жителей главным и тем более единственным занятием. Горожане были прежде всего мастеровыми людьми — ремесленниками, подмастерьями, учениками ремесленников, а также владельцами лавок или мелочными торговцами.

Чешские ремесленники были искусными мастерами и занимались самыми разнообразными видами ремесла. В крупных городах и в небольших местечках имелись кузнецы и литейщики, оружейники и ножовщики, слесари и медники, плотники и столяры, тележники и бондари, гончары и каменщики. В чешских городах и сёлах изготовлялось много ножей, пил, лопат, кос, серпов, вил, топоров, плужных лемехов, а также проволоки, иглол, бритв и т. п. Весьма развито было чешское оружейное дело, выделялись шлемы, щиты, доспехи, мечи, копья, судлицы, боевые ножи, а со второй половины XIV века производилось огнестрельное оружие; при изготовлении больших орудий — бомбард использовался богатый опыт чешских литейщиков, уже в течение длительного времени отливавших колокола. Чешские пушки вывозились за границу; особенно широкое применение огнестрельное оружие получило во время гуситских войн.

Представители других профессий занимались переработкой продуктов сельского хозяйства. К этой группе ремесленников принадлежали ткачи, красильщики, портные, шорники, сапожники, а также пивовары и пекари. Большое значение в хозяйстве страны имело сукноделие и производство полотна. Изготовление грубых шерстяных сукон было распространено по всей стране; в Праге изготавливали и более тонкие сукна (правда, значительная часть высокосортных шерстяных тканей ввозилась в Чехию из Фландрии и Северной Италии). В Градце Кралёвом и Литомышле существовали особые улицы суконщиков. Крупная торговля сукном производилась в Праге, Лоуни, Пльзене, Литомержицах. Именно в сукноделии разделение труда уже к концу XIV века стало настолько значительным, что определяло собой многие особенности производства. Среди ремесленников-сукноделов различались такие

Строительные работы
(из библии короля Вацлава)

профессии, как чесальщики шерсти, сучильщики нитей, ткачи, красильщики, ворсовщики и т. п.

Значительную группу мастеровых людей в чешских городах составляли переписчики книг, переплётчики, цирюльники, ювелиры, часовых дел мастера, врачи, аптекари. Особенно ценилась профессия стекловаров и стеклодувов. Чехия одной из первых стран Европы наладила стекольное производство, поставлявшее на рынки и оконное стекло, и гранёное, и дутое; всего более было развито стекольное дело в Крконошах и Крушных горах, а также

на юге Чехии. Уже в те времена славился богемский хрусталь.

Так как города Чехии были центрами ремесленного производства или горного дела, население их не могло само обеспечивать себя продуктами питания, не говоря уже о необходимом промышленном сырье. Поэтому развитие городов приводило к росту и расширению торговых связей между городами и окружающими их сельскими районами. Конечно, единого для всей Чехии рынка в XIV веке ещё не существовало, хотя на ярмарки в города и местечки съезжались не только крестьяне окрестных сёл, но и купцы со всех концов страны, а иной раз из соседних и даже отдалённых государств. В то же время из Чехии вывозились многие виды сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий в Польшу, в Литву, на Русь, в Австрию и немецкие земли, в Италию, Фландрию, Венгрию.

По своему экономическому развитию Чехия выдвинулась к концу XIV века на одно из первых мест в Европе. Чешские крестьяне и ремесленники производили всё большее количество сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла. Но это не приводило к сколько-нибудь существенному улучшению положения трудящихся. Напротив, подавляющему большинству населения рост производительных сил принёс лишь ухудшение. Дело в том, что в Чехии, как и в других странах феодального мира, земля и все её богатства не принадлежали народу, а составляли собственность феодалов. Землевладельцы-феодалы жестоко эксплуатировали чешских крестьян, а в городах богатое купечество и ростовщики пользовались всеми плодами тяжёлого труда горнорабочих, ремесленников и городской бедноты.

Что же представляло собой феодальное общество?

При феодальном строе в основе производственных отношений лежала феодальная собственность на землю, являвшаяся краеугольным камнем всего общественного строя. Главное средство производства — земля с её недрами и богатствами принадлежала феодалам, которые составляли господствующий класс общества, существовавший за счёт эксплуатации крестьянства. Феодалы не обрабатывали сами принадлежавшую им землю, но присваивали труд и продукты труда главных производителей материальных благ — крестьян. Это было возможно

благодаря тому, что феодалы обладали не только собственностью на средства производства, но и неполной собственностью на крестьян, хотя крестьяне были единоличными собственниками орудий труда и вели самостоятельное мелкое хозяйство¹.

Земля феодала делилась на две части. На одной феодал вёл своё хозяйство, используя принудительный труд крестьян. Другая часть находилась в пользовании крестьян, которые должны были за это обрабатывать господскую землю и вносить различные поборы и платежи. Совокупность повинностей — барщины, натуральных поборов и денежных платежей — составляла феодальную ренту. В ренте находила своё выражение эксплуататорская сущность феодального способа производства. Источником её являлся труд крестьян. Рабочее время феодально-зависимого крестьянина распадалось на две части: работая на своём наделе, крестьянин создавал продукты, необходимые для его собственного существования, а также те, которые он отдавал феодалу натурой или в виде денег. Время, затраченное на создание средств существования крестьянина или его семьи, называется необходимым временем. Время, в течение которого крестьянин производил те продукты, которые непосредственно или в виде денежного оброка присваивались феодалом, называется прибавочным временем. В течение прибавочного времени крестьянин и создавал ту часть феодальной ренты, которая выражалась в натуральных и денежных оброках. Всё то время, когда крестьянин трудился на барщине в хозяйстве феодала, также является прибавочным временем. Прибавочный труд крестьян на барщине или прибавочные продукты, создаваемые крестьянином в его хозяйстве и присваиваемые феодалом, образуют феодальную ренту.

Поскольку крестьянин был всё же собственником орудий труда, а также располагал рабочим скотом, феодал мог систематически выжимать из него феодальную ренту лишь при определённых условиях². Прежде всего, феодальный способ производства был устойчив и прочен только при сравнительно низком уровне производительных сил, когда каждое феодальное хозяйство — вотчина —

¹ См. *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11, М. 1953, стр. 595.

² См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 157—159.

было слабо связано с окружающим миром, составляло самодовлеющее, замкнутое целое. Помимо этого для существования феодальной вотчины необходимо было, чтобы крестьянин был прикреплен к земле, превращен в неполноправного, зависимого от феодала крепостного. Бесперебойно выколачивать из крестьян феодальную ренту можно было только путём использования прав феодала над личностью крестьян, путём постоянного применения насилия, то есть внеэкономического принуждения. Орудием этого насилия было в первую очередь феодальное государство — сложный и громоздкий аппарат, который объединял в подчинении крепостникам-землевладельцам огромное большинство населения любой феодальной страны. В деле удержания масс в повиновении феодалам велика была роль средневековой церкви. Церковь веками держала народные массы в темноте и невежестве, усиленно внушая им, что существующие феодальные отношения извечны и непоколебимо установлены богом. Так церковь освящала эксплуататорский феодальный строй.

Долгое время феодальные производственные отношения соответствовали уровню развития производительных сил общества, а государство феодалов-крепостников успешно выполняло свою главную функцию — удерживать угнетённые массы крестьян в бесправии и повиновении. В самом деле, феодальное общество развивалось очень медленно. Так как крестьяне были задавлены нуждой, бесправием и темнотой, технический прогресс был чрезвычайно замедлен. Однако в течение ряда веков феодальные отношения всё же способствовали росту производительных сил. В отличие от раба крепостной крестьянин работал на своём наделе и был кровно заинтересован в том, чтобы получить такое количество продуктов, которое позволило бы ему не только уплатить многочисленные феодальные поборы, но и прокормить себя и свою семью, улучшить своё материальное положение. Давая большой простор для развития производительных сил, феодальный способ производства явился следующим, более высоким этапом развития общества по сравнению с рабовладельческим строем.

Поскольку при феодализме сохранялась жестокая эксплуатация трудящихся и многочисленный класс феодалов целиком существовал за счёт крестьян, феодальному строю на всех ступенях его развития была присуща упор-

ная классовая борьба между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Эта классовая борьба составляла неотъемлемую черту феодальной формации, построенной на непримиримом, антагонистическом противоречии эксплуататоров и эксплуатируемых. Постоянная борьба угнетённых против угнетателей со временем становилась всё более напряжённой. С ростом производительных сил в феодальном обществе, с развитием городов обмен и деньги получали всё большее значение в хозяйстве. Вместе с тем крепостные всё острее ощущали гнёт феодальной эксплуатации, возраставшей по мере вовлечения хозяйства феодала в рыночные связи. Крестьянские восстания становились всё более частыми и всё более грозными. Они расшатывали устои феодализма и способствовали зарождению капиталистических отношений. По мере дальнейшего роста производительных сил и созревания капиталистических отношений в недрах феодального общества существовавшие производственные отношения превращались в тормоз дальнейшего развития производительных сил, а следовательно, и всего общества. Это означало, что феодальный строй уже выполнил свою историческую роль, что приближалась эпоха буржуазных революций.

Чехия в XV веке была ещё очень далека от тех революционных боёв, которые могли бы положить конец феодализму. Уровень развития производительных сил, достигнутый чешскими землями в XIV—XV веках, был ещё явно недостаточен для зарождения прочных ростков капитализма и, напротив, соответствовал феодальным производственным отношениям. Чтобы убедиться в этом, а вместе с тем понять причины и особенности мощной крестьянской войны, пламя которой не только охватило в первой половине XV века Чехию, но ярко озарило всю феодальную Европу, необходимо познакомиться с характерными чертами общественного строя Чехии, рассмотреть положение и порождённые этим положением интересы отдельных классов чешского общества.

В XIV — начале XV века в Чехии основная масса материальных благ производилась в области сельского хозяйства, которое являлось главным занятием большинства населения, руками феодально-зависимых крестьян. Однако самое важное средство производства — земля принадлежала не крестьянам, а феодалам. Феодалы и крестьяне представляли собой два противостоящих друг другу

антагонистических класса. Класс феодалов отличался сложной структурой. Светские феодалы делились на крупных магнатов, владевших чуть ли не целыми областями, и мелких рыцарей, среди которых встречались даже безземельные. Первые назывались в Чехии панами, вторые — земанами, или владыками. Обе группы феодалов вместе именовались шляхтой. Наряду со светским землевладением шляхты существовало и землевладение духовных феодалов. Среди католических церковников и монахов, составлявших целую армию эксплуататоров-тунеядцев, также следует различать верхушку католической иерархии — архиепископа, епископов и настоятелей богатых монастырей, высший клир крупных городских церквей, владевших подчас огромными имениями, — и рядовых представителей низшего духовенства, часто не имевших земли. Хотя интересы этих различных групп чешских феодалов во многом расходились, все они представляли собой единый класс, живший за счёт эксплуатации крестьян.

Первым феодалом страны был король, владения которого к концу XIV века, правда, уже порядком уменьшились в результате пожалований и дарений вассалам, а порой и самовольных захватов непокорными магнатами.

Основной ячейкой феодального хозяйства была вотчина. Феодальная вотчина представляла собой совокупность земельных владений одного феодала, тяготевших в хозяйственном отношении друг к другу и управлявшихся едиными органами феодальной администрации.

Несмотря на то, что некоторые вотчины чешских панов и монастырей представляли собой громадные комплексы земель, они отнюдь не являлись сплошными территориями. Напротив, подавляющее большинство вотчин в Чехии состояло в XIV веке из множества мелких участков, которые располагались вблизи друг от друга, но в разных сёлах и были разделены землями других феодалов. Вместе с тем, хотя иногда границы вотчины совпадали с границами входивших в неё сёл, нередко были случаи, когда даже отдельная деревня делилась между несколькими владельцами. Село Незбаветице (в Пльзеньском крае), к примеру, принадлежало четырём феодалам, село Щеглавы (там же) — даже семи. Само собой разумеется, что владения одного феодала далеко не всегда ограничивались такими клочками — часто крупные паны и монастыри имели большие вотчины, состоявшие из ряда не-

больших владений, каждое из которых в отдельности не намного превосходило размеры крестьянских наделов.

Не только вотчина имела в Чехии такой сложный, мозаичный характер. Владения крупнейших магнатов, состоявшие из десятка больших вотчин, не были сплошными территориальными княжествами. Самые богатые и могущественные светские феодалы страны — паны из Рожмберка — владели колоссальными, но не сплошными массивами земель. Главные их вотчины находились на юге Чехии и объединялись в большие вотчинные комплексы — панства. Начиная от южных границ страны располагались панства Витоньское, Фримбургское, Рожмберкское, Крумловское, Майдштейнское, Новоградское и Виттингаусское. Далее к северу находились вотчины, составлявшие Буковское, Подейгусское и Гельфенбургское панства. Ещё ближе к центру страны лежали Хоустницкое, Пршибеницкое, Пршибеническое, Миличинское панства и часть Седльчанских вотчин. На западе, в Пльзеньском крае, находились панства Страшицкое и Вильдштейнское, а также остальные вотчины обширного Седльчанского панства. Восточнее Праги, в Коуржимском крае, Рожмберкам принадлежали сёла, входившие в Жижелицкое панство. В общей сложности в руках Рожмберков находились десятки городов, сотни сёл, тысячи ланов¹ земли с десятками тысяч крепостных или зависимых крестьян. Но помимо перечисленных владений у панов из Рожмберка были ещё земли в Моравии и даже в Австрии (Хазлахское панство), не говоря уже о мелких вотчинах, рассеянных по всей Чехии, домах в Праге и других городах и т. п. Подобным образом были разбросаны по стране и владения других панов или крупных духовных феодалов. Например, Страговский монастырь (около Праги) владел в начале XV века десятком сёл в непосредственной близости от своих стен, четырьмя сёлами на противоположном берегу Влтавы, 16 сёлами на севере, в долине Огрже, близ Лоуни. Сверх того «благочестивым» монахам принадлежало семь сёл недалеко от Колина, несколько сёл в юго-западной Чехии, в окрестностях

¹ Лан — земельная единица в средневековой Чехии, размеры которой в XIV—XV веках колебались от 15 до 20 гектаров. В большинстве случаев лан делился на четыре квартала, каждый из которых составлял обычно 15—16 мелких единиц — югеров, или априхонов. Были, однако, ланы, достигавшие 96 и даже 128 югеров. Иногда в документах попадают и ланы значительно меньше 60 югеров.

Пацова и, наконец, 18 сёл на крайнем юге, между землями Рожмберкского, Фримбургского и Крумловского панств Рожмберков. Подобную картину представляли и владения архиепископа Пражского, Златокорунского и Бржевновского монастырей, панов из Градца, из Газенбурка, из Вартенберка и других крупнейших феодалов. Многие из них владели вотчинами или группами вотчин в соседних государствах и даже далеко от границ Чехии. С другой стороны, и иноземным феодалам принадлежали в Чехии отдельные сёла, вотчины. Поэтому карта феодальных владений средневековой Чехии, как и многих других стран того времени, представляла собой настолько пёструю и мозаичную картину, а границы отдельных феодальных владений и вотчин были настолько запутаны и переплетены, что начертить её со всей точностью было бы почти невозможным делом.

Крупное землевладение в эпоху феодализма было неразрывно связано с властью над крестьянами, с политическим могуществом. Феодалы владели не только сёлами и городами, но и имели на территории своих вотчин укреплённые замки, содержали войска, собирали налоги, взимали проездные пошлины и торговые поборы. Они были привилегированным сословием, именовали себя «благородными», имели наследственные прозвища, знамёна и гербы. Феодалы могли судить своих крестьян, подвергать их заключению, пыткам, даже казнить. Помимо государственной администрации в вотчинах у крупных панов и монастырей были свои военачальники и воины, сборщики податей и пошлин, следователи и судьи, тюремщики и палачи. Крупные духовные и светские феодалы очень мало зависели от центрального правительства, не соблюдали его законов, многие магнаты чувствовали себя почти самостоятельными государями. Они воевали между собой, имели своих вассалов — рыцарей, раздавали им земли либо отдельные доходные статьи, которые отнимали по своему усмотрению. В самом низу феодальной иерархической лестницы находились мелкие земаны, державшие земли более крупных феодалов и обязанные за это нести службу, чаще всего военную, в пользу последних. Крупные феодалы в свою очередь являлись вассалами могущественных панов или богатых монастырей. Такая феодальная лестница насчитывала иной раз немало ступеней от мелкого шляхтича до короля, который считался верхов-

ным сюзереном всех феодалов страны. На практике королям приходилось покупать верность своих сильных вассалов подачками и уступками, так что земельные владения чешских королей постепенно сокращались, а вотчины панов, епископов и монастырей неуклонно росли.

Вотчины, принадлежавшие одному феодалу-владельцу, были фактически не связаны между собой сколько-нибудь прочными экономическими нитями. Хозяйство в них велось одинаково, результат был примерно один и тот же, и потому отдельные вотчины вполне могли обходиться одна без другой. Связующим звеном между ними выступал феодал, собственностью которого они являлись. При таком положении дел хозяйство велось в сущности одинаковым способом и во владениях магната, насчитывавшего десятки вотчин, и во владениях земана, всё имущество которого составлял полуразвалившийся, но укрепленный двор да несколько ланов земли.

Посев

(из рукописи начала XIV века)

В каждой вотчине пан или монастырь обычно присваивали себе лучшие и наиболее удобно расположенные участки. Поэтому барская запашка не представляла собой сплошного массива. Она была разбросана самым причудливым образом попеременно с крестьянскими наделами. Неизбежная при этом чересполосица создавала в каждом феодальном хозяйстве принудительный севооборот. Господские участки обрабатывались и убирались принудительным барщинным трудом крестьян — держателей наделов. Сельскохозяйственная техника оставалась чрезвычайно низкой. Собственного сельскохозяйственного инвентаря феодалы обычно не имели или почти не имели. Крестьяне работали на барской запашке с помощью тех же орудий и скота, которыми пользовались на своих полях. Так как подневольный труд крестьян был малопродуктивен, общий уровень сельскохозяйственного производства в стране поднимался очень медленно и главным

источником повышения доходов феодала было усиление эксплуатации крестьян.

Положение чешского крестьянина в XIV — начале XV века было чрезвычайно тяжёлым. Обрабатывая принадлежавшую светским и духовным феодалам землю, крестьяне, помимо работы на господских полях, отдавали и значительную часть производимых на их наделах продуктов в качестве натуральной ренты, а также платили многочисленные денежные поборы в пользу панов, церкви и короля.

Так как зерновое хозяйство господствовало по всей стране, крестьяне должны были пахать, боронить и засеивать поля, обрабатывать огороды, убирать урожай. Хлеб нужно было перевезти на господский двор, обмолотить и ссыпать в господский амбар. Во всех полевых работах крестьяне были обязаны обслужить в первую очередь потребности барского хозяйства. Сплошь и рядом случалось, что они не успевали своевременно убрать и обмолотить свой хлеб, так как помимо полевых работ они обязаны были совершать перевозки господских продуктов, подчас на весьма значительные расстояния. Извозная повинность была очень тяжёлой для крестьянского хозяйства. Она надолго отрывала крестьянина от его хозяйства, а также пагубно отражалась на состоянии крестьянского скота.

Если в господском хозяйстве появлялся виноградник или хмельник, для крестьян прибавлялись новые повинности. Они должны были заготавливать колья, подвязывать к ним лозы и побеги хмеля, окапывать виноградные кусты, убирать урожай, сушить хмель, давить виноград, изготавливать вино и перевозить его по приказанию господского управителя. Если господин заводил рыбное хозяйство, крестьяне должны были копать пруды, устраивать плотины, ремонтировать их и выполнять другие необходимые работы. Когда феодал разводил овец, это означало, что обязанность пасти и стричь их, мыть, чесать и прясть шерсть снова ложилась на крестьян. Кроме того, крестьян заставляли иногда в самую страдную пору участвовать в господской охоте, в роли загонщиков дичи. Охота не только отрывала крестьян от производительного труда — во время охоты нередко вытаптывались крестьянские посевы. Помимо всего этого крестьяне должны были ремон-

тировать дороги, чинить мосты, строить замки и укрепления.

Буквально каждая отрасль крестьянского хозяйства была обложена разными оброками в пользу феодалов. Крестьяне несли в панские амбары и монастырские кладовые пшеницу и ячмень, овёс и горох, лён и коноплю, хмель и мак, мёд и воск. Когда крестьянин резал скот, лучшую часть он должен был отдать господину. С приплода крестьянского скота феодалы также получали свою долю. Они требовали мяса и сала, кур и гусей, яиц и сыра.

Наконец, крестьяне несли в пользу феодалов высокие денежные повинности. Главной из них являлся чинш, который взимался с каждого крестьянского хозяйства и поступал в казну феодала обычно в два срока. Время сбора чинша приурочивалось в средневековой Чехии ко дню празднования дня св. Георгия (в апреле) и св. Галла (в октябре). Особые денеж-

Уборка сена
(из рукописи начала XIV века)

ные платежи поступали в господскую казну и в дни других христианских праздников — на рождество, на пасху, на троицу, в день св. Михаила и т. п. Кроме того, крепостные должны были платить господину поголовную подать, а при вступлении в брак со свободными или крепостными других вотчин — особую брачную пошлину. Далее, при переходе крестьянского имущества по наследству господин взимал по так называемому «праву мёртвой руки» особый денежный (а иногда и натуральный) сбор. Сверх всех перечисленных поборов феодал мог подвергать своих крестьян и обложению в связи с какими-либо чрезвычайными событиями (например, при выдаче замуж дочери феодала, на выкуп попавшего в плен господина и т. п.) или даже просто без всяких причин.

Кроме многочисленных видов барщины и взносов в пользу непосредственного господина на плечи крестьян ложилась обязанность содержать короля и государственный

аппарат. В феодальной Чехии народные массы были обложены большим количеством разнообразных налогов и повинностей в пользу государства. Наиболее тяжёлым налогом была так называемая «общая берна», которая собиралась сначала от случая к случаю, а затем регулярно каждый год. Величина берны с полнонадельного хозяйства (таким хозяйством считалось хозяйство, имевшее один лан земли) превосходила стоимость хорошей коровы. По временам собирали также и «королевскую берну», которая была несколько меньше первой. Хотя юридически берну должны были уплачивать и феодалы, они на практике полностью перекладывали этот налог на крестьян. Поскольку сбор берны производился самими представителями класса феодалов, значительная часть собранных средств оседала в их кошельках, не доходя до королевской казны. Кроме того, во многих случаях феодалы узурпировали право собирать берну и превращали её в регулярный налог в свою пользу. К числу других государственных денежных налогов, взимавшихся с крестьян, относились подымный сбор и разнообразные проездные и торговые пошлины. Крестьяне обязаны были давать кров, пропитание и перевозочные средства королевским воинам, а также ремонтировать дороги, строить мосты, возводить укрепления и т. п.

На плечи крестьян и городских трудящихся масс ложились все расходы по содержанию целой армии паразитического католического духовенства. Средневековая католическая церковь была особенно изобретательна в деле увеличения своих доходов. В пользу церкви шла десятина — сбор, взимавшийся в размере одной десятой доли урожая. Пользуясь темнотой и забитостью крестьян, бесстыдно эксплуатируя их религиозные чувства, «достойные» служители божьи сплошь и рядом произвольно увеличивали десятину и использовали всё новые и новые предлоги для получения дополнительных «доброхотных даяний». Нельзя забывать и о том, какой огромный, поистине неиссякаемый источник дохода представляла для жадных попов их роль посредников между «грешной землёй» и «царством небесным». Они получали особые подарки на праздники и систематически взимали мзду за многочисленные церковные требы. За крещение и за отпевание, за венчание и за причастие — за всё и всегда крестьянин должен был платить.

По мере развития производительных сил и роста товарного производства духовные и светские феодалы, нуждаясь в деньгах, всё чаще требовали от крестьян денежных платежей. Если не удавалось ввести новый побор, они частично заменяли барщинные повинности и натуральные оброки денежными. Этот процесс начался давно, и в чешской деревне XIV века были представлены все три вида феодальной ренты — отработочная, натуральная и денежная. При этом к началу XV века ведущее место принадлежало денежной ренте.

Денежная рента являлась наиболее гибкой и выгодной формой эксплуатации крестьян. Вместе с тем она открывала большие возможности для хозяйственного развития, чем барщина и натуральные поборы. Распространение денежной ренты повышало хозяйственную инициативу крестьян, увеличивало их заинтересованность в результатах труда. В то же время связь с рынками, расположенными иногда на немалом расстоянии от мест постоянного жительства крестьян, расширяла их кругозор. Встречаясь по торговым делам с крестьянами из других районов страны, со скупщиками и торговцами, крестьяне убеждались, что их положение везде крайне тяжёлое. В то же время крестьяне начинали видеть в верхушке городского купечества своего эксплуататора, а в городской бедноте, которая состояла в значительной части из недавних крестьян, — своего естественного союзника в борьбе за улучшение положения всех угнетённых.

Распространение денежной ренты в Чехии было неравномерным. Оно зависело от особенностей хозяйственного развития в разных краях и областях. Хотя денежная рента к началу XV века преобладала по всей стране, всё же на севере и в центре Чехии многие паны и монастыри упорно цеплялись за барщину, кое-где даже вводили новые её виды. Развитие товарно-денежных отношений привело здесь к росту собственно господского хозяйства и во многих случаях влекло за собой значительное увеличение отработочной ренты. На юге господство денежной ренты было безусловным и крестьяне были повсеместно втянуты в непосредственное торговое общение с городами и местечками.

Нельзя преувеличивать хозяйственные возможности крестьян в связи с распространением денежной ренты. Несмотря на то, что денежные поборы феодалов считались

твёрдо установленными в силу специальных грамот, паны и монастыри не довольствовались узаконенными нормами и постоянно стремились увеличить виды и размеры платежей. Денежная рента отнюдь не означала отмены феодальной эксплуатации, хотя и подготавливала почву для развития капиталистических отношений.

Распространение денежной ренты способствовало имущественному расслоению чешского крестьянства. К описываемому времени сельская община в Чехии претерпела значительные изменения. Пережитки её сохранялись лишь в общем пользовании пастбищами, водопоями, лесными угодьями. В начале XV века начали выделяться зажиточные, сравнительно хорошо обеспеченные землёй и рабочим скотом крестьянские хозяйства. В то же время резко возросло число малоземельных и даже безземельных крестьян. Феодальные повинности в чешской деревне отнюдь не соответствовали размеру крестьянских наделов. Малоземельные крестьяне часто несли сравнительно более тяжёлые повинности, чем крестьяне, располагавшие полным наделом. К тому же, подвергаясь эксплуатации феодалов, зажиточная сельская верхушка сама выступала по отношению к беднейшим слоям деревни в качестве эксплуататора. Немалое количество бедняков — халупников, подсоседков или пахолков — должно было батрачить у своих богатых односельчан. Многие находились в денежной кабале у богатых соседей.

Было бы, однако, неправильно преувеличивать степень имущественного расслоения крестьян Чехии в XIV—XV веках. Серьёзным препятствием на пути имущественной дифференциации была феодальная зависимость крестьян. Главную массу крестьян составляли средние слои, часто объединяемые с зажиточной верхушкой села одним наименованием «седляки». Типичной фигурой чешской деревни был седляк с половинным, реже с полным наделом — ланом. На юге, впрочем, большинство крестьян владело наделами в четвёртую, даже в шестую или в восьмую часть лана. Многие крестьяне вообще не имели полевых наделов и держали лишь карликовые участки; некоторые крестьяне — так называемые «домкары» не имели даже собственного жилья.

Несмотря на имущественные различия, всех чешских крестьян объединяло то, что по отношению к феодалам они составляли единый класс эксплуатируемых и бесправ-

ных. Бесправие крестьян выражалось в их юридическом положении, в первую очередь в условиях пользования главным средством производства — землёй. Крестьянское землепользование регулировалось в Чехии XIV—XV веков либо так называемым земским, или чешским, либо так называемым закупным, или немецким, правом. Последнее было такой формой феодального права, которая соответствовала времени, когда денежные платежи составляли преобладающую часть феодальной ренты. Нормы закупного права устанавливали для крестьян наследственность их держаний и определяли размеры и последовательность уплаты денежных взносов. При введении в каком-нибудь селе закупного права крестьянам выдавалась особая грамота. Получая грамоту, крестьяне уплачивали феодалам взнос — купу. Получение единовременно крупной суммы денег являлось важной целью феодалов при введении закупного права.

Распространение закупного права в XIII — начале XIV века отражало рост товарных отношений в феодальной Чехии и способствовало этому росту. Положение феодально-зависимых крестьян первоначально несколько улучшилось, но в дальнейшем нормы закупного права были использованы феодалами для наступления на крестьян. Размеры денежных чиншей и сама прочность крестьянского держания слабо охранялись грамотами, так как феодалы соблюдали свои обещания лишь там, где это было им выгодно. По существу же крестьяне целиком зависели от произвола пана или монастыря, который повышал нормы чинша, вводил новые платежи, мог перевести любого крестьянина на другой надел и даже превратить его в безземельного дворового, заставив в итоге отбывать неограниченную барщину.

К началу XV века многочисленные юридические различия, существовавшие прежде между крестьянами в зависимости от их происхождения, утратили своё значение. Все крестьяне делились теперь на две главные категории, между которыми, впрочем, было много переходных ступеней. Это были, с одной стороны, крепостные, с другой — остальные феодально-зависимые крестьяне. Что касается лично свободных крестьян, то они были рассеяны небольшими группами в разных районах страны, главным образом вдоль границ, а самая их свобода была весьма отно-

сительной. Лично свободные крестьяне составляли только малую долю всего крестьянства.

Крепостное состояние чешских крестьян отличалось в XIV—XV веках от остальных форм феодальной зависимости прежде всего тем, что закрепощённые несли более тяжёлую и многообразную барщину, в то время как феодальная зависимость других категорий крестьянства выражалась преимущественно в уплате денежного чинша. В остальном положение всех феодально-зависимых крестьян было настолько тяжёлым, что мало отличалось от положения крепостных. Подобно последним они были лишены права перехода к другим владельцам, ущемлению подвергались на каждом шагу их имущественные и личные права и человеческое достоинство. Крестьяне не могли по своей воле заключать браки не только в сёлах других владельцев, но и внутри своего села. Наследником лучшей части их имущества был господин, которому они должны были платить при переходе крестьянской собственности в другие руки специальные пошлыны. Для некоторых крестьян поборы за брак, за получение наследства были очень высоки, ими подчёркивались социальная приниженность и личная зависимость крестьян от господ.

Крепостные и феодально-зависимые крестьяне были фактически полностью безоружны перед органами феодальной юстиции. Даже бесполезное на практике право крестьян жаловаться в королевские суды было отнято в 1402 году — с этого времени чешские крестьяне целиком зависели от феодалов в судебном отношении. За малейшие проступки и неповиновение крестьяне подвергались побоям и истязаниям. Сам процесс феодального суда сопровождался пытками обвиняемых, кончавшимися иногда смертью крестьян. Жестокость феодалов не знала пределов, когда дело касалось пыток и казней. Феодалы соперничали друг с другом в применении таких мер наказаний, как четвертование, колесование, подвешивание за ребро, сожжение заживо и т. п., не говоря уже о повешении или отсечении головы. Мучительная казнь угрожала всякому, кто осмеливался посягнуть на собственность феодала или поднять голос протеста против гнёта эксплуататоров. Почти в каждом феодальном замке были своя тюрьма, свой суд и свои палачи. Некоторые феодалы цинично требовали с крестьян особого налога на содержание палачей. Так было, например, в обширных владениях ду-

ховного пастыря Чехии — архиепископа Пражского. Классовая сущность феодального права проявлялась во всём. Голодный крестьянин, пойманный ночью вблизи господских снопов, подлежал смертной казни и считался счастливым, если ему удавалось отделаться членовредительным наказанием или разорительным штрафом.

Бесчисленные феодальные повинности и поборы приводили к тому, что большинство чешских крестьян жило в ужасных условиях. Одежда крестьян изготовлялась из грубых самодельных тканей и носилась часто до тех пор, пока не превращалась в лохмотья. Пища крестьян была грубой и малопитательной. Она состояла главным образом из чёрного хлеба, овсяной каши, варёного гороха или чечевицы. Мясо и белый хлеб крестьяне ели только по праздникам. Положение их становилось ещё более тяжёлым от недородов, неурожаев, эпидемий и всяких стихийных бедствий. Постоянным гостем в чешской деревне были голод и связанные с ним заболевания. Правда, знаменитая «чёрная смерть»¹ не произвела на территории Чехии таких опустошений, как в других странах Европы. В 50-х годах XIV века отголоски этого общеевропейского бедствия давали себя чувствовать рядом повторяющихся вспышек чумы. Случаи повторения чумных эпидемий зарегистрированы в 1361, 1367, 1369 и 1372 годах. В 80-х годах Чехия снова подверглась эпидемии, унёсшей много жизней. В 1410 году чума посетила южные области страны, отдельные случаи заболеваний известны и в последующие годы, до новой вспышки в 1415 году. Обязательным спутником эпидемий являлся голод — голод, если так можно сказать, экстраординарный, ибо обычные для средневековой деревни неурожаи вызывали почти ежегодно голод, заболевания людей и падежи скота то в одном, то в другом краю страны. Феодальные междоусобицы, обострившиеся в конце XIV века, довершали разорение крестьян и ставили многие сёла буквально на грань нищеты.

Тяжёлое материальное положение и всё усиливавшийся феодальный гнёт объединяли в общем бесправии все категории чешских крестьян. Все они целиком зависели

¹ «Чёрной смертью» называлась массовая эпидемия чумы, разразившаяся в феодальной Европе в 1348—1349 годах. Во время «чёрной смерти» во многих странах Западной Европы население уменьшилось почти наполовину.

от произвола господ, содержали своим трудом шляхту, короля и духовенство. Поэтому, несмотря на все различия между сравнительно обеспеченным седляком и всегда голодающим подсоседком, чешские крестьяне имели общие классовые интересы, объединявшие их в борьбе против феодалов.

Население феодальной Чехии состояло не только из двух основных антагонистических классов — феодалов и крестьян. Наряду с ними в Чехии XIV—XV веков существовали и горожане. Они составляли, правда, сравнительно небольшой процент населения, но роль города в производстве материальных благ была значительна и имела все данные для того, чтобы расти.

Городское население было неоднородным в социальном отношении. Верхушку горожан — так называемый патрициат — составляли крупные купцы-оптовики и богатые ростовщики.

В XIV веке большинство торговцев в Чехии были объединены в купеческие братства и гильдии. Имелись «старшие» и «младшие» братства. В «старшие» братства входили крупные купцы, занимавшиеся оптовой куплей и продажей. Члены «старших» братств пользовались привилегиями и монопольным правом производить все закупки в определённых городах.

Вначале «старшие» братства в Праге состояли сплошь из немцев-купцов, осевших в Чехии, но к концу XIV века среди членов этих братств появились и чехи, правда, их было ещё очень немного. О полном преобладании и господстве немцев в братствах свидетельствует хотя бы тот факт, что все гильдейские статуты были написаны на немецком языке. Члены «старших» братств не только господствовали в торговле, но играли решающую роль в политическом и административном управлении городов, занимая большинство мест в магистратах. Немецкие купцы препятствовали доступу в братства чехов.

Богатство и роль патрициата были связаны с его фактической монополией во внешней торговле. Большие выгоды извлекали патриции из транзитной торговли. Кроме того, патриции прибрали к рукам управление городским хозяйством и городские земли, что ещё больше увеличивало их доходы. Многие патриции приобретали вблизи городов земельные угодья и просачивались таким образом в ряды землевладельцев.

В самых крупных и значительных городах — так называемых королевских — всё городское управление и суд находились в руках патрициев. Они заседали в городских советах, избирали из своей среды ежегодно сменявшихся городских должностных лиц — коншелов¹, пуркмистров², а также рихтаржей — судей. Таким образом, патрициату принадлежала административная и судебная власть над всем населением города.

Хотя формально в избрании городских властей принимали участие все полноправные граждане, то есть зажиточная часть горожан, на деле судьба выборов решалась в узком кругу патрицианских семей. Патриции были тесно связаны друг с другом общими интересами и родством. Если иной раз они соперничали и враждовали между собой, то зато всегда выступали единым фронтом против всякой попытки ограничения их произвола со стороны бюргерства — прослойки, объединявшей всех более или менее зажиточных горожан.

В состав бюргерства чешских городов входили владельцы небольших лавок и хозяева ремесленных мастерских, объединявшиеся, впрочем, чаще всего в одном лице, а также другие городские жители, обладавшие юридическими правами участия в городском управлении.

Мастера-ремесленники в чешских городах были организованы в цехи. Средневековые цехи представляли собой объединения ремесленников одной профессии, проживавших в одном городе. Цехи давали своим членам некоторую защиту от произвола феодалов, регламентировали производство, устанавливали условия продажи готовых изделий и цены на продукцию. Внутренняя организация цехов определялась особыми грамотами, которые назывались цеховыми статутами.

Первый известный статут пражских цехов относится к 1318 году — статут пражских портных, второй — статут золотых дел мастеров — к 1324 году. Статуты пражских цехов мало отличались от обычных средневековых статут-ов. Цеховая верхушка — мастера, входившие также в патрициат, в большинстве своём были немцами. Мелкие же ремесленники были чехи. Мастера-немцы всячески

¹ Коншелами назывались в средневековой Чехии члены городских магистратов — советов. Коншелы ведали административными, а иногда и судебными делами.

² Пуркмистр — глава городского магистрата.

препятствовали доступу чешских ремесленников в круг мастеров. Мастера нещадно эксплуатировали ремесленников.

Засилье немцев в чешских городах может быть ярко проиллюстрировано следующими цифрами: в 1374—1383 годах в число мещан Праги было принято 520 человек, из них немцев — 324, то есть 62 %, а чехов — 110, то есть только 21 %; в 1384—1393 годах из 242 — 156 немцев, то есть 66 %. Нужно отметить, что в мещанские книги могли быть записаны только богатейшие горожане, имевшие свои собственные дома. Сюда не включались ремесленники и другие бедные горожане. Таким образом, подавляющее большинство городской верхушки Чехии состояло из немцев.

Интересы организованного в цехи бюргерства сталкивались в целом ряде вопросов с интересами патрициата, например в вопросах о ценах, об организации новых цехов или расширении старых, о различных привилегиях. Между большинством бюргерства и патрициатом вместе с примыкавшей к нему верхушкой бюргеров шла непрерывавшаяся борьба за контроль над городскими имуществами и доходами, за участие в городском самоуправлении и т. д.

Если между патрициатом и бюргерством были противоречия, то гораздо более острые, глубокие и непримиримые противоречия существовали между верхами — патрициатом и бюргерством — и эксплуатируемыми низами городского населения. Эти городские низы, так называемый плебс, состояли из самых разнообразных элементов. Имущественное положение их было далеко не одинаковым. В значительной своей части это были сравнительно недавно переселившиеся в город крестьяне, иной раз даже беглые крепостные. В состав плебса входили и те горожане, которые, будучи постоянно заняты в ремесленном производстве, не имели самостоятельных мастерских и работали в качестве подмастерьев у цеховых мастеров. Некоторым подмастерьям удавалось в конце концов стать мастерами, но до этой поры они отдавали свои лучшие годы и свои силы для обогащения цеховой верхушки. К числу плебеев принадлежали и разорившиеся, деклассированные бюргеры, а также наиболее бедные из цеховых мастеров. Значительная часть плебеев перебивалась случайными заработками, порой даже нищенствовала.

Плебс в целом был лишён всяких прав в городском управлении и вообще стоял как бы вне официального феодального общества. Плебс представлял собою в силу своего положения самую революционную часть городского населения. Между плебеями и зажиточными слоями городского населения шла непрерывная борьба. Подмастерья и ученики выступали против цеховых мастеров, городская беднота — против всех имущих слоёв, вообще класс в целом — против патрициев, живших за счёт его труда. В свою очередь наиболее революционной частью среди плебеев были недавние выходцы из крестьян, с одной стороны, лишённые тех надежд, которые были у подмастерьев, а с другой — не имевшие даже тех внешних привилегий, которые сохраняли разорившиеся бюргеры. Если противоречия бюргеров и патрициев заключались главным образом в том, как поделить доходы и привилегии, то плебс выступал против этих доходов и привилегий. Источником доходов был в значительной степени он сам, а привилегии были направлены против него. Разносоставность плебса затрудняла сплочение его для борьбы с эксплуататорами, так как интересы отдельных групп порой резко сталкивались между собой.

Таким образом, в чешском городе XIV — начала XV века происходила жестокая социальная борьба, которая усложняла общую картину классовую борьбу в стране. В этой борьбе патрициат выступал в одном лагере с верхушкой феодалов — панами и католическими прелатами; союзником городского плебса могло быть только крестьянство. Что касается бюргерства, то в ряде вопросов его устремления совпадали с позицией мелкой шляхты — земанов. И те и другие не прочь были ограничить богатства и власть своих врагов — патрициев, панов и духовенства, но боялись всякого проявления революционной активности народных масс. Крестьяне и находившиеся почти в таком же тяжёлом положении низы городского общества — городская беднота, состоявшая в значительной части из недавних крестьян, ненавидели феодалов и их пособников. Они вели неустанную борьбу против феодальной эксплуатации. Разрозненные первоначально выступления чешских крестьян и примыкавшей к ним иногда городской бедноты вылились в конце концов в открытое вооружённое выступление народных масс — в крестьянскую войну.

Великая крестьянская война XV века в Чехии имела ряд особенностей, отличавших её от выступлений крестьянства в других странах Европы. Крестьянская война была не только величайшей в истории средневековой Чехии схваткой антагонистических классов, но и мощным национально-освободительным движением. Чтобы понять эту особенность «национально-чешской крестьянской войны»¹, следует познакомиться с национальными противоречиями внутри Чехии на рубеже XIV—XV веков.

С давних пор чешскому народу приходилось отстаивать мир и независимость своей родины в жестоких и упорных боях против внешних врагов. В течение нескольких столетий германские короли, князья и рыцари стремились завладеть богатыми землями Чехии и поработить свободолюбивый чешский народ. Свою агрессию немецкие феодалы вели с благословения католической церкви. Римские папы, мечтая о власти над всем миром, поддерживали и вдохновляли агрессоров в их грабительских, несправедливых войнах против славянских народов. Но одно дело — получить папское благословение, а другое — сломить героическое сопротивление народов. В своей справедливой борьбе против иноземных захватчиков славяне и народы Прибалтики нанесли захватчикам ряд сокрушительных ударов. Громадное историческое значение имел разгром ливонских рыцарей на льду Чудского озера великим русским народом.

С течением времени наряду с открытыми формами агрессии захватчики стали применять и другие — замаскированные, скрытые.

Такой скрытой формой германской феодальной агрессии в Чехии оказалась так называемая немецкая колонизация, достигшая своего апогея ещё в XIII веке. Чешские короли и паны, принимая на службу немецких баронов и рыцарей, раздавали им земли. Целыми стаями слетались в Чехию хищные и жадные католические попы и монахи. Многие из них становились епископами либо настоятелями крупных монастырей и в свою очередь раздавали земли немецким рыцарям. Поэтому среди светских и в особенности среди церковных феодалов было очень много иноземцев, которые презирали и попирали народные традиции чехов. Многие чешские короли и паны, по-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 275.

стоянно общаясь с немецкими баронами, рыцарями и епископами, подражали их обычаям, перенимали немецкий язык и костюмы, рождались с немецкими феодалами и проявляли постыдное пренебрежение к родной речи и культуре.

Не только плодородные чешские земли, но и рудные богатства Чехии, а также выгоды транзитной торговли привлекали к себе алчные взгляды иноземцев. Чешские короли, паны, епископы и монастыри охотно принимали в свои города выходцев из Германии. Часть их быстро разбогатела за счёт эксплуатации труда чешских ремесленников и городской бедноты. Среди владельцев рудников, среди верхушки городского купечества количество немцев и других иностранцев всё время возрастало, и в XIV веке они прочно заняли господствующее положение в чешских городах. Верхушка чешского бюргерства всё теснее сближалась с иноземным патрициатом, усваивала его бытовые особенности, часто даже забывала родной язык и сливалась в результате с иноземным патрициатом. Поэтому, несмотря на то, что основная волна немецкой колонизации к середине XIV века уже прошла, всё же в Чехии XIV—XV веков крестьяне и трудящиеся городов стонали под ярмом иноземных эксплуататоров. Это обостряло вражду угнетённых масс против эксплуататоров и придавало их борьбе национальную окраску.

Немецкие феодалы и патриции, укрепившиеся в Чехии, были не только жестокими эксплуататорами чешского трудового народа и расхитителями природных богатств страны, но и пособниками внешних врагов. Они составляли постоянные кадры предателей, всегда готовых соединиться с иноземными захватчиками. Эта опасность была тем более велика, что феодалы немецкого происхождения занимали многие важные должности при королевском дворе и в управлении страной. В итоге над чешским народом, сумевшим с оружием в руках отстоять себя в прошлом от опасности иноземного порабощения, к началу XV века снова нависла серьёзная угроза.

Наряду со всей этой феодальной «саранчой» на территории Чехии, особенно в пограничных районах, проживало значительное число немецких крестьян и рядовых ремесленников. Отчасти это были беглецы из соседних районов Германии, искавшие спасения от непомерной эксплуатации, отчасти — переселенцы, которых помещали

на своей территории сами чешские феодалы для обработки пустовавших ещё земель. Хотя порой переселенцы и получали известные льготы, но, как правило, только на ограниченный срок, и положение их в целом приближалось к тяжёлому положению основной массы чешского крестьянства. Поэтому во многих антифеодальных выступлениях, да и в самой крестьянской войне, немецкие колонисты нередко выступали на стороне чешского народа. Так в далёкие времена средневековья выковывалась и укреплялась классовая солидарность трудящихся в борьбе против гнёта и эксплуатации.

Итак, накануне великой крестьянской войны социальные и национальные противоречия образовывали в Чехии огромный и сложный узел. Они ослабляли господствующий класс и способствовали подъёму освободительной борьбы народных масс. Но, с другой стороны, поднять крестьян на восстание было чрезвычайно трудно. Сила эксплуататорских классов заключалась не только в их материальном богатстве, но и в том, что в их руках находилась политическая власть. Феодалное государство во главе с королём и его органы бдительно охраняли собственность и интересы феодалов и жестоко подавляли всякую попытку сопротивления со стороны эксплуатируемых. Вместе с тем королевская власть возглавляла силы государства и в борьбе против внешней агрессии и в борьбе за объединение чешских земель.

Ещё в XIII веке феодальная раздроблённость Чехии была в основном преодолена. Опираясь на низшую шляхту и горожан, королевская власть сумела расколоть крупных феодалов и, привлекая богатыми земельными пожалованиями на свою сторону духовенство, смогла ослабить сопротивление панов политике централизации страны. Начавшийся процесс образования централизованного государства определялся достигнутым чешскими землями уровнем экономического развития. Он, однако, был ускорен потребностями обороны страны: ликвидация феодальной раздроблённости обеспечивала успешную защиту чешских границ от внешних врагов. В борьбе против феодальных магнатов поддержка бюргерства и сочувствие народа находились на стороне королей, так как народные массы были кровно заинтересованы в том, чтобы укрепить независимость страны и обуздать своеволие и произвол панов.

Процесс централизации чешского государства не был завершён в XIV веке. Паны сохраняли огромные земельные владения и пользовались всяким случаем, чтобы захватить новые земли. Сила их была велика. Неоднократно выступления панов заставляли королей уступать. В начале XIV века прекращение королевской династии и борьба претендентов на чешский престол позволили панам добиться особой грамоты, которая ограничивала королевскую власть в пользу сейма — органа, отражавшего прежде всего интересы крупных феодалов.

Чешский сейм состоял из панов и верхушки земанов. К участию в его заседаниях привлекались и католические прелаты. В заседаниях сейма участвовали и представители патрициата привилегированных городов, прежде всего Праги. Масса горожан и крестьянства не могла принимать никакого участия в заседаниях и решениях сейма. Чешский сейм рассматривал текущие государственные дела, утверждал законы, устанавливал налоги, выносил решения по вопросам, связанным с феодальным землевладением, с разбором особо важных судебных дел. Сейм сильно ограничивал королевскую власть, и чешские короли старались созывать сейм лишь тогда, когда без этого нельзя было обойтись. Чаще всего к созыву сейма их побуждала необходимость добиться утверждения налогов. Все текущие дела король стремился решать в узком кругу приближённых — в своём совете, где наряду с любимцами короля заседали королевские юристы. Большая роль отводилась королевской канцелярии, которая состояла из незнатных людей, целиком зависевших от милости короля. Однако на местах вся власть находилась ещё в руках крупных феодалов. Используя собрания шляхты по округам — так называемые крайские сеймы, паны и прелаты решали все местные дела по своему усмотрению. Здесь всё решало богатство пана, многочисленные толпы вооружённых слуг, покорные его воле. Королевская власть была представлена на местах лишь управителями королевских имений, постепенно переходивших в руки феодалов как в виде пожалований, так и в результате прямых захватов магнатами в моменты ослабления центрального правительства. Кроме того, на местах находились начальники военных отрядов, которые были расположены в королевских замках.

Действия крупных феодалов, направленные против централизации государства, были реакционными. В своих узкокорыстных интересах крупные феодалы пытались насильно вернуть страну ко временам феодальной раздроблённости. В условиях, когда над Чехией постоянно висела угроза иноземного нашествия, децентрализаторская политика феодальных магнатов являлась предательством общенациональных интересов. Королевская власть, напротив, была в XIII—XIV веках прогрессивным элементом феодальной надстройки.

В первой четверти XIV века на чешском престоле укрепилась люксембургская династия, владения которой были разбросаны по всей Германии. Чехия в те времена считалась составной частью Германской империи, или, как она тогда называлась, Священной Римской Империи германской нации. При этом чешский король Карл (1346—1378) являлся одновременно германским императором¹. Особое положение Чехии было закреплено грамотой Карла — так называемой Золотой буллой 1356 года, изданной в качестве основного конституционного документа для всей Священной Римской Империи германской нации. Золотая булла подтверждала политическую независимость Чехии. Голос короля Чехии считался первым при избрании императора. Золотая булла укрепляла власть чешского короля в его государстве. Чешская корона переходила по наследству, судебная апелляция на решения чешского короля к императорскому престолу фактически отменялась.

Несмотря на то что Карл был одновременно и чешским королём и императором, ему не удалось до конца сломить сопротивление чешских панов политике централизации. В 1355 году Карл предложил на утверждение сейма проект общечешского уложения. Это уложение защищало классовые интересы феодалов, но вместе с тем усиливало королевскую власть. Попытка короля установить твёрдые и одинаковые для всего государства нормы феодального права встретила сопротивление сейма. Паны видели даже в приведении в систему феодального законодательства нежелательное для себя усиление короля и серьёзное ущемление своего произвола. Сейм отказался утвердить уложение Карла в целом, и только некоторые выгодные

¹ Обычно Карл именуется либо Четвёртым (как император), либо Первым (как король Чехии).

для панов статьи стали действовать в качестве отдельных законов.

В своей борьбе за централизацию страны, против феодальных магнатов Карл рассчитывал найти опору в католическом духовенстве. Король щедро раздавал духовенству земли и крестьян, предоставлял попам и монахам государственные должности вплоть до самых высших. В Чехии было основано много новых монастырей — в одной только Праге к концу правления Карла насчитывалось 18 мужских монастырей. В стране появилось множество монахов-иноземцев; немало немцев и других иностранцев было и среди белого духовенства. Эта политика привела, однако, лишь к непомерному увеличению богатств и влияния католической церкви и доставила Карлу прозвище «поповского короля». В конечном счёте католические прелаты нашли общий язык со светскими магнатами и явились наряду с ними оплотом реакционных децентрализаторских сил в стране.

Политика Карла была направлена на расширение владений люксембургской династии. Правда, значительных войн в эти годы Чехия не вела. Используя своё положение императора, чешский король выкупал заложенные королевские и императорские имения, покупал, выменивал или просто захватывал смежные территории. При этом общеимперские интересы систематически приносились Карлом в жертву интересам люксембургской династии. Король стремился лишь к тому, чтобы «набить свои карманы и расширить за счет империи свои наследственные владения и фамильные поместья»¹. Ядром владений люксембургской династии была Чехия, и поскольку Карл понимал, что его финансовая мощь зависит в первую очередь от состояния чешских земель, он старался способствовать развитию здесь ремесла, оказывал покровительство чешским городам, содействуя в то же время укреплению немецкого патрициата.

Содержание пышного императорского двора, непомерно разросшегося и ожиревшего духовенства ложилось дополнительным бременем на плечи трудящихся Чехии. Налоги становились всё более тяжёлыми. Общую берну собирали всё чаще и чаще. Поэтому положение трудя-

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, Тетрадь 2, Архив Маркса и Энгельса, т. VI, М. 1939, стр. 76.

щихся ухудшалось и политическое возвышение Чехии оказалось непрочным.

XIV столетие было временем подъёма чешской культуры. Создателем и творцом культуры были народные массы. Народ сохранял и совершенствовал родной язык. Из поколения в поколение передавались песни, пословицы, сказки, отражавшие его трудовую деятельность, его полную лишений жизнь, его непоколебимую веру в лучшее будущее, его решимость бороться за это будущее. В своём творчестве народ отражал ненависть к эксплуататорам, в особенности к попам и монахам.

Народ являлся носителем национальных чувств и традиций. Напротив, паны и прелаты покровительствовали иноземной феодальной культуре. Они перенимали иностранные костюмы и обычаи, переделывали имена на чужеземный лад. При дворе, в замках панов, в монастырях звучала немецкая речь; некоторые из феодалов цинично похвалялись, что онемечат всю Чехию. Но влияние культуры и обычаев иноземных феодалов не проникало глубоко в массы народа, оно ограничивалось верхами класса чешских феодалов. Так как при этом сама иноземная культура отрывалась от своей родной почвы, она теряла свою яркость и силу, и подражание феодальной знати всему иностранному было внешним и не могло существенно повлиять на дальнейшее развитие национальной чешской культуры.

Важным явлением в культурной жизни Чехии была деятельность Пражского университета. Он был открыт в Праге в 1348 году, хотя ещё в конце предыдущего века, в 1294 году, были сделаны попытки организовать чешский университет. Пражский университет является одним из старейших в Европе. В середине XIV века в университете было четыре факультета: факультет свободных искусств, юридический, медицинский и богословский. Общее количество студентов и преподавателей доходило до двух тысяч. В числе студентов Пражского университета были не только чехи и словаки, но и поляки, литовцы, венгры, немцы, а также уроженцы западнорусских областей. Студенты делились на четыре землячества, которые назывались «нациями». В связи с тем что при организации университета большая часть магистров (профессора в средневековых университетах назывались магистрами) была привлечена из-за границы, руководство Пражским

Изображение молодого Карла IV
(из рукописи XIV века)

университетом прибрали к рукам немцы. Лекции читались, как и во всей средневековой Европе, на латинском языке. Но, несмотря на это, основание университета способствовало культурному росту Чехии и сближению её с другими странами. В то же время в университете разгоралась острая внутренняя борьба. Магистры-чехи,

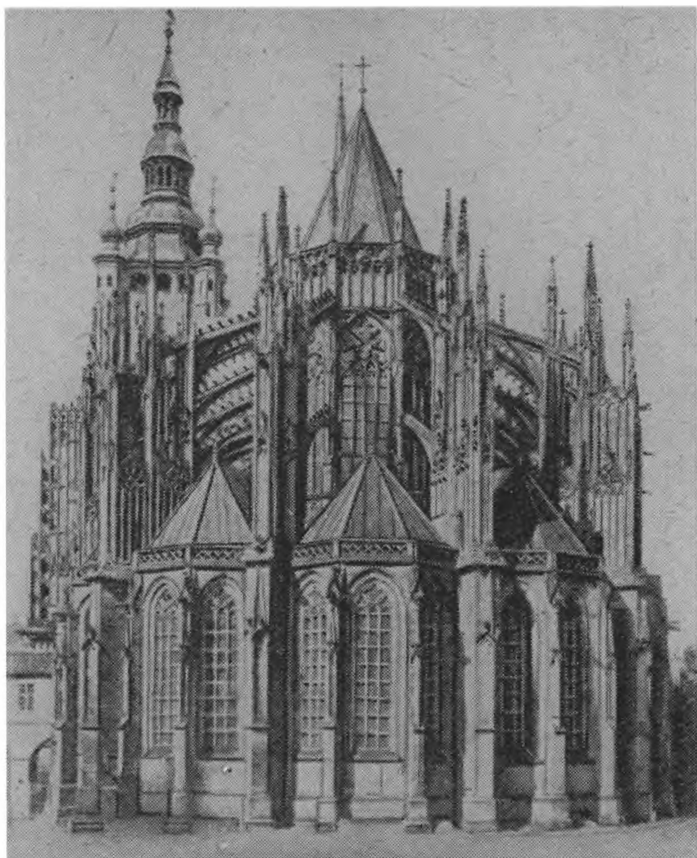
опираясь на поддержку студентов, вели борьбу против немецкого засилья в университете. Борьба внутри университета была частью борьбы чешского народа за свою национальную культуру.

Оттиск печати
Пражского университета

XIV—XV века были временем подъёма чешской культуры. Хотя феодалы стремились держать народные массы в темноте и невежестве, всё же не только горожане, но и многие крестьяне умели читать. Деятельность Яна Гуса, его предшественников и последователей, в том числе многих безвестных народных проповедников, ускорила развитие чешской культуры и способствовала распространению её среди широких народных масс. Годы крестьянской войны, разбудившей к творческой деятельности неиссякаемые духовные силы народа, знаменовали собой новый

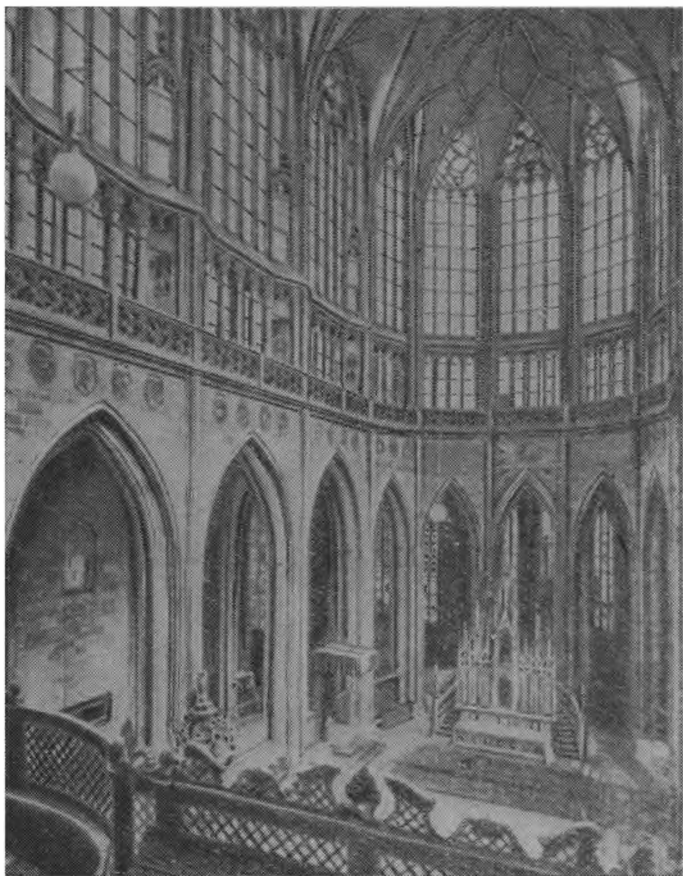
подъём чешской культуры. Грамотность «простых мужиков» и даже женщин в Чехии удивляла иностранцев, столкнувшихся с чехами в годы гуситских войн. Читатели из народа интересовались главным образом литературой на родном языке. Пользовались спросом и переводы, но наибольший интерес вызывали оригинальные произведения, возникшие на чешской почве. Уже накануне крестьянской войны в Чехии было немало таких литературных памятников. Это были басни, сатирические и лирические песни, наконец крупные исторические сочинения — хроники. В этой литературе отражались условия жизни городского и сельского люда, осмеивались пороки и ханжество духовенства, рассказывалось о героической борьбе чехов за независимость. Особенно популярна была стихотворная чешская хроника, автор которой был пла-

Собор св. Витта в Праге
(XIV век)

менным патриотом и горячо выступал против иноземного засилья (так называемая хроника Далимила).

Крупными чешскими писателями XIV века являлись поэт Смил Фляшка из Поддубиц и писатель Томаш Штитный. Смил был автором ряда нравоучительных и сатирических произведений. Он разоблачал жадность, разврат и лицемерие верхов феодального общества, особенно духовенства, боролся за самостоятельную чешскую литературу. Штитный также выступал против пороков духовенства.

Собор св. Витта
(внутренний вид)

Свои произведения он писал главным образом на чешском языке. В конце XIV — начале XV века в Чехии уже существовало немало научных книг на чешском языке, главным образом по законоведению и по медицине. На чешский язык была переведена и библия, которая в ту пору являлась одной из самых распространённых книг. Всё это было важным этапом в развитии чешского литературного языка. Большой вклад в разработку языка

Статуя Вацлава IV
(работа Петра Парлера)

внесли Ян Милич, Матвей из Янова, Ян Гус, Иероним Пражский.

В XIV веке в Чехии развиваются также архитектура и изобразительное искусство. Углубляя традиции народной архитектуры, чешские мастера творчески усваивали и достижения лучших зодчих соседних стран. Выдающимися образцами чешской архитектуры XIV века являются каменный мост через Влтаву, построенный в Праге при Карле I, дворец Градчаны, собор св. Витта, пражская ратуша, ряд домов, замок Карлштейн и многие другие строения. Строительная деятельность не ограничивалась только столицей. Многие города и даже сравнительно небольшие местечки также приступали к строительству каменных церквей, ратуш и других сооружений. Путешественники, посещавшие Чехию в XV веке, удивлялись размерам и великолепию её построек.

Храмы и здания часто украшались скульптурами. Прозвела также и живопись. В XIV веке в Чехии существовала самостоятельная школа живописи. В отличие от безжизненных, плоскостных изображений прежнего времени в творчестве лучших мастеров стали появляться элементы реалистического восприятия действительности. В особенности развито было в Чехии искусство украшения книг.

Чешские мастера (архитекторы, скульпторы, художники) часто работали за рубежами страны — в Германии, даже в Италии. Особенно тесные культурные связи существовали у Чехии с Польшей и великим княжеством Литовским, в состав которого входили западные и юго-западные русские земли. В свою очередь многие выдающиеся мастера-иностранцы посещали Чехию. В частности, долгое время в Праге работал уроженец соседней Польши, знаменитый зодчий, скульптор, живописец и гравёр Пётр Парлер.

Развитие чешской культуры накануне крестьянской войны протекало в острой борьбе, отражавшей сложное переплетение классовых и национальных противоречий в стране. Особенно ясно эта связь стала ощутимой уже в начале XV века, в период чешской реформации, являвшейся началом реформации в Европе.

Таким образом, в XIV веке Чехия переживала значительный подъём производительных сил и превращалась в одно из самых развитых европейских государств. Но

это было феодальное государство, где господствующий класс феодалов владел главным средством производства — землёй — и жестоко эксплуатировал крестьян. Производители большей части материальных благ — крестьяне Чехии находились в чрезвычайно тяжёлом положении. Они отбывали барщину на землях феодалов, платили всевозможные натуральные и денежные оброки, государственные налоги и церковные поборы. Только незначительная часть крестьян сохраняла личную свободу, другие находились на разных ступенях феодальной зависимости вплоть до полного крепостного состояния. Противоречие между феодалами и крестьянством было непримиримым противоречием, которое не могло быть разрешено мирным путём. Чешский город также являлся средоточием острых социальных конфликтов. Так как эксплуататоры в городах были в большинстве своём немцами, а среди феодалов, особенно среди церковных, также было немало немцев и других иностранцев, классовая борьба в Чехии тесно переплеталась с национальной борьбой, что усиливало общую напряжённость в стране.

Особенной остроты достигла классовая борьба в Чехии в начале XV века.

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЧЕХИИ В НАЧАЛЕ XV ВЕКА

В конце XIV — начале XV века в недрах феодального хозяйства всё больше развивались товарно-денежные отношения, что было неразрывно связано с ростом производительных сил в деревне и городе. Уже не все потребности вотчины могли быть удовлетворены ремеслом вотчинных кузнецов, шорников, столяров, гончаров и т. д. К началу XV века количество чешских и моравских городов значительно выросло, население их увеличилось. Такие населённые пункты, как Прага, Брно, Будеёвице, Оломоуц, Градец Кралёвый, Пльзень, Хрудим и некоторые другие, стали крупными по тем временам городами — центрами ремесленного производства и торговли.

Разделение труда среди городских ремесленников достигло больших размеров. Число отдельных ремёсел увеличилось, появились новые цехи. Изменился и характер ремесленного производства. Если прежде цеховой мастер работал главным образом на определённого заказчика,

то теперь его продукция была рассчитана на рынок, расположенный иногда весьма далеко. Укрепились экономические связи городов друг с другом, рос товарообмен между городом и его сельскохозяйственной округой, за-

Чешские монеты XIV века
(1 — полгроша, 2 — галерж, 3 — грош)

вязывались регулярные торговые отношения городов с соседними странами.

Рост городов требовал увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. В то же время не только паны, земаны и прелаты, но и крестьяне предпочитали изделия высококвалифицированных городских ремесленников грубым произведениям деревенских мастеров. Развитие товарного производства, обслуживавшего феодальное хозяйство, увеличивало и роль денег. Уже в первые

годы XIV века в Чехии существовала единая монетная система, основой которой была серебряная монета — пражский грош. 60 грошей составляли счётную единицу — копу¹.

Количество денег, обращавшихся на рынках Чехии, всё больше увеличивалось. Так создавались предпосылки для складывания в дальнейшем по мере роста производительных сил и общечешского рынка.

В чешских городах, а также во многих деревнях было множество мелких рынков, на которых торговали купцы как местные, так и приезжавшие из других городов Чехии. Приезжавшие на рынок купцы должны были платить торговые сборы и пошлины. В организации рыночной торговли соблюдалась строгая регламентация. Определённые товары продавались только на известных рынках или в определённых местах. Так, в Праге были следующие рынки: овощной, куриный, житный, мучной, конский, дровяной и другие.

Кроме обычных рынков в Чехии собирались в некоторых местах ежемесячные. С давних времён существовали и ежегодные базары-ярмарки, на которые приезжали купцы со всех концов страны и заграничные торговцы. Если иногородние купцы на обычных рынках платили

¹ В некоторых местах Чехии (в особенности у границ с Австрией и Баварией) существовал счёт на марки; одна марка равнялась 64 грошам. Мелкой разменной монетой служили денары и галержи. Обычно грош делился на 6 или 7 денаров, а денар — ещё на 2 геллержа. 30 денаров носили особое название — солид. 8 солидов составляли особую счётную единицу — лиору, или талант, равнявшийся, таким образом, 240 денарам. В XIV веке в Чехии чеканилась, но в очень незначительных количествах, и золотая монета, имевшая очень малое распространение. Такая пестрота в денежном обращении выражала характерные особенности социально-экономического развития средневековой Чехии.

По сравнению с продуктами сельского хозяйства промышленные изделия были дороги. Локоть сукна стоил от 3 до 5 грошей, топор — 3 гроша, колесо для телеги — 4 гроша; в то же время за 30—35 грошей можно было купить корову, за 7—10 грошей — свинью, а за 1 грош — 2 или даже 4 курицы.

Нужно отметить, что чешская монета в течение второй половины XIV века неуклонно ухудшалась. В конце XIV — начале XV века серебряные пражские гроши стали чеканиться всё реже, не говоря уже о том, что курс их упал по отношению к дукату (золотому) с 12 до 24 за один дукат. Зато всё больше появлялось мелкой разменной монеты — геллержей, нуммов, патавиензов и пенизей. Причём курс этой мелкой монеты падал значительно быстрее курса гроша.

пошлину, то на ярмарках они освобождались от всяких взносов. Иностранные купцы, как правило, платили налог, но некоторые от налога освобождались при условии предоставления чешским купцам такой же привилегии на иностранных ярмарках. Так, нюрнбергские купцы освобождались от уплаты пошлины на пражской ярмарке, а пражские — на нюрнбергской. Одними из первых ярмарок были каданская и жатецкая, получившие право ярмарки в первой трети XIV века; затем это право получает Часлав в 1341 году, Будеёвице — в 1351, Пльзень — в 1363, Клатови — в 1378, Стржибро — в 1390, Лоуни — в 1398 году.

Чешские короли охраняли привилегии местных купцов, помогая им бороться с иностранной конкуренцией. Ещё король Вацлав II в 1304 году запретил иностранным купцам, приезжавшим в Прагу, торговать друг с другом, обязав сдавать весь наличный товар пражским купцам. По существу эти привилегии были выгодны главным образом немцам-патрициям, господствовавшим в купеческих объединениях.

Развитию торговых связей внутри Чехии мешали серьёзные препятствия. Так как дороги были очень плохи, то перевозка товаров на значительные расстояния была трудным делом. Кроме того, в пути приходилось платить много дорожных и мостовых сборов в пользу короля, феодалов и городов. Существовала и вполне реальная опасность подвергнуться ограблению, так как многие чешские земаны, а подчас и паны заполняли прорехи своего бюджета за счёт нападений на купцов и путешественников. При таких условиях торговцы старались вознаградить себя за утомительный, долгий и рискованный переезд, повышая цены, особенно если речь шла о товарах, произведённых на другом конце страны или за границами Чехии. Занимались торговлей и мелочные торговцы, продававшие в розницу товары, купленные у купцов-оптовиков, или, что было чаще, продававшие изделия, изготовленные в собственной мастерской.

В конце XIV века торговля в Чехии была настолько выгодным делом, что в неё активно включались и сами феодалы. Многие крупные феодалы, как светские, так и духовные, заводили в городах свои лавки и корчмы. Некоторые монастыри, в том числе и расположенные довольно далеко от центра страны, содержали в Праге целые торговые предприятия. Они имели в столице склады,

вели оптовую и розничную торговлю своими продуктами, продавали вино, пиво и другие напитки в принадлежавших им корчмах и т. п. Такое хозяйство в Праге имел в 90-х годах XIV века Роудницкий монастырь.

Наряду с увеличением объёма внутренней торговли возрастают и масштабы внешней торговли. Чехия находилась на пересечении путей, связывавших восток и запад, юг и север Европы. Прага была местом, где встречались купцы, двигавшиеся из южнорусских земель или итальянских колоний в Крыму через Львов, Краков, Братиславу (или Оломоуц) к Нюрнбергу, Аугсбургу или Фландрии, с караванами, шедшими из Венеции через Австрию к берегам Балтийского моря. Тесные и оживлённые связи существовали между Чехией и её восточными соседями — Польшей, Литвой и теми украинскими и белорусскими землями, которые входили тогда в состав Великого княжества Литовского. Особое значение в этой торговле играл Вроцлав, один из крупнейших городов Центральной Европы (15 тысяч населения) и важнейший перевалочный пункт для всех восточных купцов. Вроцлавские купцы имели свою контору в Новгороде, вели торговлю с Ригой, даже с татаро-монголами. Плано де Карпини, посол папы к монгольскому хану, оставивший записки о своём путешествии на Восток, сообщает, что ехал вместе с вроцлавскими купцами. В XIV веке во Вроцлаве была особая «русская» улица и специальный заезжий двор для русских купцов.

До начала гуситских войн пражские купцы поддерживали оживлённую торговлю и с Западом. Основная масса нюрнбергских купцов, ехавших на восток — к устью Дуная и в Крым, проезжала через Прагу и ещё в 1304 году получила право склада¹. Самые тесные торговые связи

¹ Право склада — привилегия, предоставлявшаяся наиболее крупным городам и заключавшаяся в том, что иностранные купцы были обязаны выставлять привезённые товары в этих городах для продажи местным купцам. При неполном праве склада (а такое право практиковалось обычно в средневековых городах) товар, не проданный в течение установленного срока (чаще всего 10—20 дней), купец-иноземец мог везти дальше. При полном праве склада иностранные купцы лишались и этой возможности. Они должны были либо оставить свои товары на более долгий срок, либо возвратиться с ними обратно. Право склада обеспечивало экономические интересы местной городской торговой верхушки.

существовали между Прагой и Венецией. Чешские купцы бывали в Северной Италии, во Фландрии, даже в Англии.

Предметами торговли со странами Восточной Европы были прежде всего сукно и полотно. При этом чешские купцы вывозили в Польшу, Венгрию и Литву как собственно чешские, так и привозные сукна. Кроме того, вывозились ножи, головные уборы (знаменитые в средние века моравские чепцы), изделия из стекла, шафран, вино,

Обработка винограда
(из рукописи XIV века)

наконец, серебро. С востока в Чехию ввозились русские меха — собольи, горностаевые, бобровые, куньи, беличьи, сырые и обработанные кожи, жиры, мёд, воск, а также лечебные средства (мускус, бобровая струя), красящие вещества. Из Венгрии, так же как из Австрии, гуртовщики перегоняли табуны лошадей и стада рогатого скота. С востока поступали и некоторые ремесленные изделия — польские полотна, русские замки, восточные ковры, узорные ткани и ювелирные изделия.

По Лабе (Эльбе) из Чехии вывозилось зерно в Гамбург и Австрию. В Австрию и Баварию вывозилось высококачественное чешское железо и металлические изделия, а также предметы из стекла. На венском рынке большим спросом пользовалась чешская рыба.

С запада в Чехию ввозили фландрские сукна и другие ткани, аптекарские товары и краски из Венеции, а также те товары, которые венецианцы получали из стран Востока.

Таким образом, Чехия торговала не только отечественными товарами, но и выполняла важную роль посредника в торговле запада и востока Европы.

Само собой разумеется, что такой размах внутренней и внешней торговли оказал воздействие и на собственно вотчинное хозяйство, тем более что одновременно значительно изменились и потребности господствующего класса: Быстро менявшиеся моды увеличивали нужду феодалов в дорогих заморских тканях, редких и драгоценных украшениях, доспехах и оружии. Многие феодальные замки превращались в дворцы, где были собраны роскошная утварь, ковры, мебель, художественные произведения. Туда отправлялись иноземные вина, лакомства и восточные пряности. Паны и прелаты соперничали друг с другом в богатстве и пышности одежды и обстановки, в погоне за породистыми лошадьми, соколами, охотничьими собаками. За ними пыталось тянуться и мелкое рыцарство, а расплачиваться за всё приходилось крестьянину.

Заинтересованность феодалов в увеличении денежных доходов росла с каждым днём. Многие паны и монастыри развивали такие отрасли хозяйства, которые прямо были рассчитаны не на внутривотчинное потребление, а на рынок. Так, многие паны и монастыри, особенно архиепископ Пражский и паны из Рожмберка, развивали рыбное хозяйство; другие, например Тржебоньский монастырь, разводили кур и продавали яйца; третьи, к примеру Страговский монастырь и те же паны из Рожмберка, стремились извлечь максимальную выгоду из своих лесов, заготавливая и сплавляя по рекам разнообразные лесоматериалы. Большое значение приобретало расширение тех отраслей сельского хозяйства, которые давали сырьё для городского ремесла. К началу XV века в чешских землях усиленно развивалось овцеводство, а также разведение льна и конопли, которые давали сырьё для производства тканей; появлялось большое количество новых виноградников. Феодалы, особенно духовные, торговали вином в сельских и городских корчмах, на рынках, в специальных питейных заведениях. Расширялось хмелеводство, служившее базой для чешского пивоварения. Уже в те времена были

известны многие сорта чешского пива: пльзеньское, жатецкое, свидницкое и другие. И в остальных отраслях чешского хозяйства изменяется и совершенствуется сам характер производства. Будучи заинтересованными в увеличении количества сельскохозяйственной продукции, некоторые феодалы начинали использовать новые виды сельскохозяйственных орудий, улучшали обработку земли, применяли всё большее количество удобрений, заводили стада породистого скота. Стремясь повысить доходность своего хозяйства, феодалы старались сконцентрировать все части собственной, барской запашки (домена) в одном месте, поближе к воде и к господскому двору. Это достигалось различными способами. Прежде всего господская земля росла за счёт захвата остатков общинных угодий. Паны и монастыри везде стремились оставить в пользовании своих крестьян лишь минимум угодий. Но и за пользование этими жалкими остатками общинных земель «милостивые» господа устанавливали всё новые и новые платежи: за прогон, за пастбище, за водопой, за сбор сучьев и хвороста в лесу и т. п. Их изобретательность в этом отношении могла соперничать разве только с изощрённостью королевских финансистов или с оборотливостью служителей католической церкви, неустанно придумывавших новые способы угнетения крестьян.

Другим способом захвата земель, находившихся в пользовании крестьян, были так называемые перемеры полей. Под предлогом точного обмера крестьянских участков феодалы лишали своих крестьян значительной части пахотных земель. Они не гнушались при этом никакими мошенничествами: Феодалы и их управители уменьшали меры и вводили новые единицы измерения, произвольно перекраивали границы наделов, зачисляли в состав крестьянских полей лесные и заболоченные участки — всё для того, чтобы выявить «излишки», а затем либо отнять их, либо соответственно повысить, теперь уже на «законном» основании, платежи крестьян. Уменьшая крестьянские поля, переводя крестьян на меньшие и худшие наделы, лишая их необходимых угодий, феодалы, тем не менее, не думали снижать крестьянские повинности и платежи. Поэтому перемер крестьянских полей приводил прежде всего к ослаблению крестьянских хозяйств и к ухудшению условий держания. В отдельных случаях дело доходило до полного лишения крестьян полевой земли.

Такие крестьяне в большинстве своём превращались в дворовых крепостных. Они должны были постоянно работать в господском хозяйстве, получая содержание от господина.

Разумеется, лишить земли сколько-нибудь значительную часть крестьян чешские феодалы в XIV веке ещё не могли и не хотели. Объём открывшихся для сельскохозяйственной продукции рынков был в XIV — начале XV века ещё довольно небольшим и не требовал полной перестройки всего хозяйственного уклада. Поэтому в чешской вотчине изгнание крестьян с их наделов в начале XV века лишь наметилось. Увеличение домена шло главным образом за счёт разграбления общинных угодий.

Испытанным путём увеличения доходов являлось для феодалов увеличение их земельных владений вообще, концентрация земельной собственности. Паны и монастыри всегда стремились увеличивать размеры и количество своих вотчин за счёт королевских имений или владений других феодалов. В XIV веке этот процесс усилился. Пражскому архиепископу, панам из Рожмберка и десяткам других крупнейших феодалов принадлежали огромные земельные владения. Как упоминалось выше, они не составляли сплошных территорий и были разбросаны самым причудливым образом по всей Чехии. У феодальных магнатов появилось стремление слить воедино разрозненные части своих владений путём захвата или присоединения разделяющих их вотчин других владельцев. Началась бешеная погоня за землями мелкой шляхты, причём и паны и монастыри были мало разборчивы в средствах приобретения всё новых и новых земельных владений. Если при этом светские магнаты действовали в большинстве случаев просто насилием, «благочестивые» монахи использовали наряду с грубой силой также покупку и все виды скрытого вымогательства или прямого шарлатанства. В этом процессе концентрации земельной собственности нарушались традиционные феодальные связи. Мелкие рыцари вынуждены были признавать над собой власть новых сюзеренов, продавать за бесценок родовые владения либо уступать их в форме завешания, особенно в пользу церкви. Ничем не брезгая в своём стремлении к богатству и наживе, паны и монахи фабрикуют фальшивые документы, а затем подкупают судей и добиваются осуществления своих корыстных целей.

Однако основным источником повышения доходов феодалов было усиление эксплуатации непосредственных производителей — крестьян. Каждый грош, поступающий в казну феодалов, был омыт кровью и потом крестьян. Там, где крестьяне оставались на своих наделах, т. е. в огромном большинстве случаев, неудержимо росли все виды феодальной ренты. Когда феодалу нужны были рабочие руки для пахоты или для уборки урожая, для работы на винограднике или на скотном дворе, он увеличивал размеры и разнообразил виды барщины. Если феодалу нужны были перевозочные средства для доставки продуктов из вотчины на рынок, на крестьян возлагались новые извозные повинности. Если пан или монастырь вели торговлю, их алчность не довольствовалась произведениями домена и они устанавливали для крестьян новые натуральные оброки. Наконец, неутолимая жажда денег, которые не только открывали манящую перспективу роскошной и разгульной жизни, но и давали возможность накопления сокровищ, могла быть удовлетворена самым простым и проверенным путём — путём всестороннего ограбления феодально-зависимых крестьян. Паны и монастыри повышали чинши, окружали пользование остатками общинных угодий плотной стеной финансовых рогаток. Рождение, свадьба, смерть — все события в крестьянской семье служили источником господских доходов, за всё требовал платы феодал, «милостиво» соглашавшийся принять новорожденного в число своих подданных, не брезгавший и последним имуществом умерших крестьян, лучшая часть которого переходила к нему в силу так называемого «права мёртвой руки». Свою долю добычи вырывал и поп, который крестил, венчал и отпевал крестьянина. Роль поборов и в особенности «права мёртвой руки» была особенно велика на юге. Правда, ненавистное народу «право мёртвой руки» к началу XV века стали ограничивать и сами феодалы. В 1386 году оно было уничтожено в некоторых, а в 1406 году — во всех вотчинах архиепископства Пражского. Эта отмена была вызвана как страхом перед усиливавшейся борьбой крестьян, так и финансовыми соображениями запутавшегося в долгах архиепископа: уничтожение «права мёртвой руки» сопровождалось взысканием с крестьян высокого единовременного побора. Примеру архиепископа последовали некоторые другие феодалы:

епископы Литомышльский, Оломоуцкий и т. д. Но крупнейшие светские магнаты южной Чехии — Рожмберки всячески оттягивали отмену «права мёртвой руки» на территории своих огромных владений. Самый большой из южных монастырей — Златокорунский — так и не совершил такой отмены. В части его обширных вотчин это право было уничтожено восставшими крестьянами уже в ходе Великой Крестьянской войны.

Разумеется, не везде и не всегда все виды феодальной ренты возрастали одновременно и в равной степени, но во всяком случае трудно было бы найти такой уголок Чехии, где общая сумма феодальной ренты за 50—100 лет до начала крестьянской войны не выросла бы. При этом на севере и в центре Чехии к денежным платежам крестьян прибавилось большое количество барщинных повинностей. Во многих сёлах существовала уже трёх-, четырёх-, иногда даже пятидневная и шестидневная барщина. Основная тяжесть барщины ложилась на плечи наиболее экономически слабой части крестьянства — подсоседков. С одной стороны, барщинные повинности распределялись непропорционально земельным наделам крестьян, а с другой стороны, зажиточные крестьяне могли нанять вместо себя заместителя и действительно делали это.

Порой крестьян принуждали работать «по воле господина», «столько, сколько будет работы», «столько, сколько будет приказано». Всё чаще в документах вотчинного хозяйства той поры стало встречаться слово «колон» — синоним крепостного человека. Появились целые группы крестьян — «роботариев», «тритуляторов» («молотильщиков»), отбывавших неограниченную барщину в господском хозяйстве. В некоторых местах центральной Чехии барщина даже вытеснила денежные и натуральные оброки. Здесь известны случаи, когда крестьян лишали их наделов. В одной из современных поземельных описей — урбарии¹ Страговского монастыря прямо гово-

¹ Урбариями называются документы, составленные вотчинной администрацией для упорядочения взимания феодальной ренты с крестьян. В урбарии заносились сведения о количестве земли в селе или вотчине, о нормах обложения феодально-зависимых крестьян, о размерах крестьянских участков, об условиях замены барщинных и натуральных повинностей и т. п. Вместе с тем урбарии содержат ценные и многочисленные сведения об особенностях сельскохозяйственного производства в Чехии того времени, о технике сельского

рится о том, что аббат, «движимый страстным влечением к крестьянским полям», включил их в состав домена, а крестьян этого села перевёл с чинша на барщину. На юге наблюдалась несколько иная картина. Здесь всё возмставшие денежные платежи крестьян отодвигали на задний план все остальные виды ренты.

Усиление эксплуатации чешского крестьянства сопровождалось ухудшением его юридического положения. Для феодалов северной и центральной части Чешского королевства, заинтересованных в барщинном труде крестьян, было важно прикрепить их к земле и лишить даже традиционного права крепостных переходить в известных случаях к другому феодалу. Для вотчинников южных областей превращение феодально-зависимых крестьян в совершенно бесправных и беззащитных крепостных было также выгодно. Оно сулило им неограниченные возможности повышения платежей, установленных обычаем, и введения новых поборов. Поэтому в 1380 году моравский сейм запретил переход крестьян к другому феодалу без особых документов, выдача или невыдача которых целиком зависела от усмотрения господина. В Чехии такого закона не было, и феодалы обходились без него. Они насильно изгоняли крестьян или, напротив, удерживали их, если это было им нужно. Об этом говорит нам Томаш Штитный, который напрасно призывал феодалов не задерживать силой крестьян, желающих перейти к другому владельцу. Произвол феодалов оставался безнаказанным, тем более что в 1402 году во всех чешских землях крестьянам было воспрещено обращаться в суд с жалобой на господ. Крестьяне лишались всякой надежды добиться мирным путём какого-либо улучшения своего положения. Им оставалось лишь одно средство борьбы против феодалов — вооружённое выступление. Но почва для такого выступления была не в одинаковой степени подготовлена на севере и на юге.

В южных областях Чехии товарно-денежные отношения глубже затрагивали крестьянские массы. Денежные платежи давно уже составляли здесь основу всех крестьянских повинностей. Вместе с тем на юге была более сильно

хозяйства, о видах культур, о скоте. Большинство сохранившихся урбариев XIV — начала XV века было составлено во владениях архиепископства Пражского, крупнейших монастырей, а также панов Рожмберков.

нарушена вековая замкнутость крестьянского хозяйства. Жители разных сёл почти ежедневно сталкивались друг с другом в сфере насущных жизненных интересов. Работая на своём карликовом участке, крестьянин южной Чехии, барщинные повинности которого были сравнительно невелики, должен был проявлять максимальную гибкость и настойчивость, совершенствовать и разнообразить свои трудовые навыки, ибо без этих качеств он не мог бы прожить. Южночешский крестьянин не был так рабски прикован к своему участку, как крепостной севера. Продавая на ближайшем городском рынке или на сельской ярмарке продукты своего хозяйства — а это было тем важнее, что господин требовал всё более и более крупных денежных платежей, — крестьяне постоянно общались друг с другом, обогащали свой производственный опыт и расширяли кругозор. Фактическая самостоятельность в хозяйственной деятельности и порождённое этим сознание ответственности за себя и своих близких способствовали воспитанию в крестьянах южной Чехии чувства собственного достоинства, которое не могли искоренить никакие злодейства панов и их приспешников. Всякое проявление произвола и самоуправства господских управителей крестьянин юга воспринимал острее, чем его собрат на севере. Поэтому здесь раньше созрело возмущение крестьян против эксплуатации и закрепощения, зародилось великое чувство классовой солидарности с другими крестьянами. Здесь складывалось смутное и не вполне осознанное представление об общности интересов крестьянства с городской беднотой — плебсом, который сам состоял в значительной мере из недавних крестьян и в ряды которого каждый крестьянин южной Чехии мог попасть в силу многих событий его жизни.

Поэтому крестьянство южной Чехии оказалось главной ударной силой в битвах Великой Крестьянской войны и вынесло на своих плечах основную тяжесть этой многолетней борьбы. Правда, к нему присоединились и доведённые до отчаяния крестьяне центральных районов страны, но по степени организованности борьба крестьян севера существенно отличалась от выступлений крестьян юга.

Если различие в положении крестьян в южных и северных районах Чехии объяснялось особенностями феодальной эксплуатации в каждом из этих районов, то в свою очередь эти особенности эксплуатации объяснялись харак-

тером развития производительных сил в разных районах Чехии. Уже само географическое положение южной и северной Чехии накладывало некоторый отпечаток на хозяйство этих областей. Юг Чехии был ближе к богатым торговым республикам Северной Италии, а великий дунайский путь шёл почти вдоль южной границы страны. Поэтому через южную Чехию проходило большое количество купеческих караванов. Эта область была глубже втянута в развитие товарно-денежных отношений. В южной Чехии было больше городов и местечек, они были теснее связаны с окружающими сёлами, чем города севера¹. Наконец, для развития денежной ренты не лишено было значения и то, что феодалы южной Чехии были менее заинтересованы в непосредственной эксплуатации малопродуктивных южных земель, чем феодалы северной и особенно центральной Чехии, почвы которой отличались сравнительным плодородием.

Несмотря на все различия способов усиления феодальной эксплуатации на севере и юге Чехии, возмущавший нажим феодалов всюду вызывал резкое ухудшение положения крестьян в целом. Как правило, в начале XV века чешский крестьянин жил хуже, чем в середине XIV столетия.

К началу XV века среди крестьян Чехии уже существовали заметные имущественные различия. Хотя главной фигурой в феодальной деревне был средний крестьянин — седляк, во всех частях страны мы находим и возвышавшегося над имущественным положением средней массы зажиточного крестьянина и опустившегося ниже среднего уровня бедняка-подсоседка. Положение чешского крестьянина-седляка было тяжёлым и постоянно ухудшалось. Любая случайность могла бросить его в ряды бедноты. Беднота и зажиточные крестьяне, взятые вместе, составляли меньшинство крестьянства. Интересы их с каждым десятилетием расходились всё больше², но там, где речь

¹ Следует напомнить, что если подъём городов южной Чехии основывался на связях с сельским рынком, то богатство Праги сложилось преимущественно на основе внешней торговли.

² Ярким примером того, что противоречия внутри крестьян не только существовали, но и осознавались современниками, является литературный текст следующего содержания. Богатый чешский крестьянин пожаловался священнику на несправедливость феодала, говоря при этом, что все люди равны. Хитрый поп спросил его, согласится ли он признать равенство со своим работником и разделить с ним имущество? Незадачливый крестьянин попался на удочку и вынужден был согласиться, что неравенство людей установлено богом.

шла о феодальной эксплуатации, и те и другие не отделяли ещё полностью своих стремлений от интересов основной массы крестьянства.

Расслоение чешского крестьянства не было одинаковым и равномерным по всей стране. И здесь можно отметить различие между северными и южными районами. На юге имущественная дифференциация крестьян была глубже и сильнее, чем на севере, где феодал, ведя крупное собственное хозяйство, был до известной степени заинтересован в том, чтобы хозяйства его крестьян представляли собой крепкие барщинные единицы, то есть были обеспечены инвентарём, скотом и необходимой рабочей силой. Судя по сохранившимся материалам, во многих сёлах южной Чехии не было подчас ни одного хозяйства, сохранившего свой первоначальный полный надел. Так, в сёлах Радобытице и Боржице (Пршибрамский округ), в каждом из которых было по 24 крестьянских двора, насчитывалось соответственно лишь 7,5 и 6,5 лана земли; самые крупные крестьянские участки в этих сёлах составляли 0,75 лана. В сёлах Брода, Држевники, Островец, Радетице также не было ни одного цельноланного хозяйства. В селе Дубна 43 крестьянина имели в совокупности менее 9 ланов земли. Из 56 хозяйств села Росейовице 34 имели наделы менее 0,5 лана. Переходя в соседний, Тынский округ, встречаем село Загорже, где 10 крестьян имели в своём пользовании 2,17 лана земли. В соседнем селе — Чиченице из 22 дворов лишь у четырёх крестьян были участки по 0,5 лана, а у 17 — менее половины лана. На 95 крестьянских хозяйств, расположенных в пяти сёлах (Доманин, Граховиште, Младошовице, Споли и Шальма-новице), не было ни одного ланового участка и на всех крестьян приходилось лишь 32,33 лана. Потрясающую картину крестьянской нищеты находим и в сёлах Захлумских вотчин Страговского монастыря. В селе Бучи, например, 14 крестьянам приходилось довольствоваться 3,25 лана, в селе Лыстинец 9 крестьян имели вместе 2 лана земли, а в селе Свраж 15 крестьян — лишь 2,5 лана.

Невероятная теснота и малоземелье заставляли южночешских крестьян покрывать растущие прорехи своего бюджета разного рода приработками. Часть крестьян уходила в города или превращалась в батраков. Документы южночешских вотчин говорят о таких случаях,

когда хозяйственная жизнь целых вотчинных комплексов уже строилась в значительной мере на использовании наёмного труда. Так было во владениях Тржебоньского монастыря, в соседних сёлах панов из Рожмберка и т. д. Характерно, однако, что при этом крестьяне-наёмники не только не освобождались от феодальной зависимости, но и попадали ещё и в невылазную долговую кабалу, иной раз даже у своих собственных владельцев. В этом случае ничтожная сумма денег, которую зарабатывали крестьяне долгим и тяжёлым трудом, присваивалась феодалами в счёт погашения очередных феодальных платежей, давно уже принявших на юге денежную форму. Здесь мы имеем, таким образом, лишь использование наёмного труда в рамках феодального способа производства; внешняя форма этого использования зависит от специфики феодальных производственных отношений.

Молотьба

(из рукописи начала XIV века)

Несмотря на то что крестьяне вынуждены были иной раз продавать свою рабочую силу, их материальное положение оставалось исключительно тяжёлым. Крестьяне юга Чехии жили в страшной нужде, иногда ютились по несколько семей в одной хижине, чтобы не платить подымного сбора. Немногим лучше было материальное положение северочешского крестьянина. На всех крестьян одинаковой тяжестью ложились неурожаи, эпидемии, налёты саранчи, наводнения и прочие стихийные бедствия. Наконец, разорительны были и непрекращавшиеся столкновения феодалов, приводившие, главным образом в южных районах, к бесконечным мелким военным конфликтам.

Крестьяне волновались; назревало мощное крестьянское восстание. Могло ли крестьянское восстание в тогдашних условиях рассчитывать на поддержку других слоёв феодального общества? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо познакомиться с тем, какие изменения произошли в этот период внутри городов.

Тяжёлую жизнь и бедствия крестьян разделяла и наиболее многочисленная часть горожан — городская

беднота. В связи с ростом ремесленного производства в Праге и в других городах в ряде отраслей ремесла продолжительность рабочего дня подмастерья доходила до 14—15 часов. Она определялась обычно формулировкой цеховых уставов: «работать от зари до зари». Повышение спроса на ремесленные изделия не сопровождалось серьёзными улучшениями технической базы ремесла, а владельцы мастерских стремились извлечь побольше прибыли. В то же время цепи мелочной цеховой регламентации не позволяли им увеличивать количество подмастерьев. Обычно пределом для Праги на рубеже XIV—XV веков было наличие в мастерской двух подмастерьев. Цеховые правила часто не разрешали увеличивать и количество производимой продукции, но запреты такого рода можно было обойти. Главным источником повышения доходов являлось при таких условиях снижение себестоимости продукции, а это означало прежде всего непомерное увеличение эксплуатации непосредственных производителей. Кроме чрезвычайно большой продолжительности рабочего дня крайне тяжелы были и условия труда. Подмастерьям и ученикам приходилось по многу часов находиться в неудобном положении в тесном, душном, иногда тёмном помещении. Беднякам-подмастерьям было почти невозможно скопить средства для того, чтобы стать самостоятельными мастерами, и всё большее их количество навсегда оставалось в положении эксплуатируемых.

Оплата труда подмастерьев и бедняков-подёнщиков увеличивалась медленнее, чем цены на основные продукты потребления. Случайные заработки не могли существенным образом улучшить их материальное положение. Наконец, падение стоимости мелкой разменной монеты, которой бедняки оплачивали свои ежедневные расходы, также ложились на них всей своей тяжестью.

Многие документы свидетельствуют о том, что, закладывая ростовщикам порой последние инструменты и носильные вещи, многие ремесленники не имели средств выкупить их назад. От чрезмерного труда и почти постоянного недоедания, а также вследствие антисанитарных условий жизни смертность среди социальных низов городского населения была чрезвычайно велика.

Если положение широких масс городского населения в XIV—начале XV века ухудшалось, то всё более возрастало имущественное благосостояние и значение город-

ских патрициев и верхушки бюргерства, в первую очередь пражского. Цеховое ремесло с его мелочной регламентацией создавало множество препятствий к тому, чтобы доходы богачей могли быть обращены на дальнейшее расширение производства. Поэтому патрициат соперничал с феодалами роскошью своей одежды и обстановки. Вместе с тем для верхушки патрициата открывалась возможность влиться путём приобретения земли в ряды господствующего класса. Действительно, многие из патрициев Праги, Кутной Горы, Брно, Оломоуца, Пльзня, Йиглавы и других городов приобретали у разорившихся шляхтичей их родовые владения, эксплуатируя в дальнейшем крестьян теми же методами и с той же жестокостью, что и феодалы.

Интересы патрициев и верхушки бюргерства вступали в противоречие с интересами феодалов. Последние видели в богатых горожанах прежде всего дойную корову. Их раздражала конкуренция городских верхов в торговых делах. С другой стороны, многие бюргеры и даже патриции всё чаще задумывались над вопросом, зачем терпеть надменных светских и особенно духовных феодалов, богатства которых как нельзя больше понадобились бы скудным и прижимистым представителям городских верхов.

Но противоречия между патрициатом и феодалами не были непримиримыми. В чешском городе главным противоречием был антагонизм между плебсом, который был по своему происхождению чешским, и верхами городского населения, среди которых численно преобладающим элементом были иноземцы. Показательно, что среди пражского магистрата — городского совета до 1350 года не было ни одного чеха. Хотя во второй половине XIV века членами магистрата являлись не только немцы, но и чехи, последних было буквально считанные единицы. Картина переплетения острейших социальных противоречий в чешском городе была бы неполной, если не принять во внимание различия интересов патрициата и бюргерства, а также неизбежных столкновений бюргеров и плебса. Да и внутри плебса не было полного единства. К началу XV века в чешском городе назревали противоречия настолько глубокие, острые и непримиримые, что единственным выходом могло быть лишь вооружённое столкновение.

Несмотря на то, что положение огромного большинства чешского народа — крестьян и городского плебса с каждым десятилетием становилось всё более невыносимым,

феодалам всё же удавалось удерживать власть и награбленное у народа богатство. Здесь действовала прежде всего сила феодального государства, назначение которого и состояло в первую очередь в том, чтобы держать эксплуатируемое большинство народа в узде. В этом же направлении действовал мощный церковный аппарат и весь многовековой опыт католической церкви, которая ужасами загробной жизни отвращала трудящихся от активного протеста против эксплуатации и освящала своим авторитетом феодальное общество и феодальное государство.

Кроме того, до поры до времени феодалов спасал от народного гнева и ряд других обстоятельств. Нельзя забывать, что крестьяне средневековой Чехии были разобщены и неорганизованы. Во многих случаях крестьяне различных сёл и различных владельцев враждовали между собой по тем или другим причинам местного характера, либо насильно втягивались в конфликты феодалов. Даже внутри одного села крестьяне порой враждовали друг с другом. Классовое сознание их находилось на низком уровне. Зачастую они растрачивали свою энергию в мелких стычках с вотчинной администрацией или сборщиками налогов, обращая, таким образом, свой справедливый гнев на орудия эксплуататоров, а не на самих эксплуататоров. Нельзя забывать и о наивной вере в справедливость и всемогущество чешского короля, которой не были чужды чешские крестьяне. Эти иллюзии задерживали развитие классового самосознания и гасили вспыхивавшие искры классовой борьбы. Забитость и темнота народных масс до крайности затрудняли возможность их объединения и организацию. Нельзя забывать и о том, что у крестьян не было чётко сформулированной антифеодальной программы. Хотя у крестьянских вожаков и складывались порой смутные идеалы общества, построенного на основах равенства и справедливости, но от этих прекрасных видений к жестокой действительности не был ещё проложен тот идейный и организационный мост, по которому народные массы могли бы вступить на путь освободительной борьбы против светских феодалов с их челядью и епископов с их чёрными сворами монахов. Кроме того, феодалы веками отстраняли крестьян от военного дела, запрещали им иметь оружие, не давали возможности сохранять и передавать из поколения в поколение военные навыки.

Помогало удерживать крестьян в повиновении и то, что жестокость эксплуатации не была одинаковой по всей стране, нарастала неравномерно и даже, постоянно усиливаясь в целом, всё же по временам ослабевала в том или другом пункте страны в зависимости от многих случайных обстоятельств, как, например, от прихоти господина и т. п.

Однако ни карательный аппарат феодального государства, ни вековая разобщённость и темнота не могли лишить крестьян воли к сопротивлению.

Какие же формы принимала борьба крестьян, прежде чем она привела к грандиозному открытому военному столкновению враждебных классов?

Крепостные крестьяне всегда вели в той или иной форме борьбу против своих угнетателей. Намеренно плохая работа на барщине являлась первым шагом в такой борьбе. Следующими шагами были отказ от выполнения повинностей или уплаты оброков, а также бегство от феодала. Все эти виды первоначального сопротивления эксплуататорам встречались в Чехии с давних времён. К XIV веку побеги крестьян приняли значительные размеры. В документах упоминаются иногда целые сёла, оставленные жителями, бежавшими от возраставшего гнёта феодалов. Встречаются упоминания и о более активных формах классовой борьбы — о поджогах господского хлеба и усадеб, об угоне скота, наконец об отдельных актах справедливой расправы крестьян с наиболее ненавидимыми угнетателями и их подручными. Довольно часто при этом доставалось и представителям духовенства, в лице которых народ с полным основанием видел не только жестоких, но коварных и лицемерных врагов. Насколько можно судить по отрывочным и косвенным данным сохранившихся источников, все виды классовой борьбы усиливаются к началу XV века. Ввиду непосредственной угрозы восстания доведённых до отчаяния крестьян некоторые феодалы снижали поборы. На юге аббат Вышебродского монастыря вообще боялся проезжать через свои деревни, имея все основания опасаться справедливой расправы.

Особую форму протеста крестьян и городской бедноты представляло участие их в так называемых народных, или крестьянско-плебейских, еретических движениях¹.

¹ Ересью церковники называли всякое выступление против господствовавшего религиозного учения и организации католической церкви. Средневековые ереси носили ярко выраженный классовый

В XIV веке такие ереси были настолько частыми, особенно в южной Чехии, что архиепископ Пражский учредил специальный церковный трибунал (инквизицию), который свирепо расправлялся с действительными и мнимыми участниками еретических движений. В инструкции для этого кровавого судилища предписывалось «хватать еретиков и, установив их виновность, упорствующим заковывать в цепи по рукам и ногам и подвергать пожизненному заключению». Особенно опасных еретиков предписывалось предавать мучительной смертной казни — сожжению. Со свойственным попам всех мастей лицемерием католические инквизиторы именовали эту изуверскую казнь «мягким наказанием, происходящим без пролития крови». Но пытки и варварские мучения инквизиции не могли искоренить ереси.

О социальном составе участников еретических движений лучше всего говорят показания самих чешских инквизиторов, которые в своих донесениях употребляли слова «крестьянин» и «еретик» как синонимы. Один из современников прямо указывал, что, истребив на территории своих владений всех еретиков, феодалы рискуют остаться вовсе без крестьян. В ряде случаев еретики выступали не только против церкви и её учения, но и прямо расправлялись с эксплуататорами.

Весьма показательно, что в еретических движениях в пограничных районах Чехии принимали участие наряду с чехами и немецкие крестьяне. В 1338—1339 годах, например, в окрестностях Йиндржихова Градца немецкие крестьяне поднялись на вооружённую борьбу совместно со своими чешскими братьями по классу. Они убивали управляющих, захватывали земли феодалов, даже попытались захватить хорошо укреплённый Градец. Но восставшие действовали стихийно, не имели чёткой программы и организованного руководства. Восстание было жестоко подавлено феодалами в 1340 году. Этот факт свидетельствует о братской солидарности трудящихся Чехии в

характер, отражая в неопределённых религиозных мечтаниях стремление угнетённых масс к переустройству общества. В соответствии с их классовой сущностью историческая наука различает ереси бюргерские, содержащие сравнительно умеренную критику церкви, и ереси крестьян и городского плебса, в которых под религиозной оболочкой проявлялось стремление угнетённых масс к коренному переустройству не только церкви, но и всего феодального общества.

борьбе против феодальной эксплуатации. Впрочем, и прежде в отдельных отрядах народных мстителей находились наряду с чехами также и немцы.

Основные центры народных еретических движений находились в Бехинском крае, в южных районах Чехии. Значение этих выступлений народа под еретическими лозунгами состоит не только в том, что они давали выход накопившемуся народному гневу против эксплуататоров, но также и в том, что они подготавливали почву для восприятия в дальнейшем народными массами идей Гуса и таборитов. Еретические выступления создавали и закаляли вместе с тем кадры народных проповедников, которые явились накануне и в ходе крестьянской войны носителями и распространителями идей антифеодальной борьбы. Из их рядов вышли несколькими поколениями позже такие вожаки масс, как Николай Дрезденский, Ян Желивский, Вацлав Корайда, священник Амброж, Якуб Влк и много других народных героев, имена которых во многих случаях остались неизвестными.

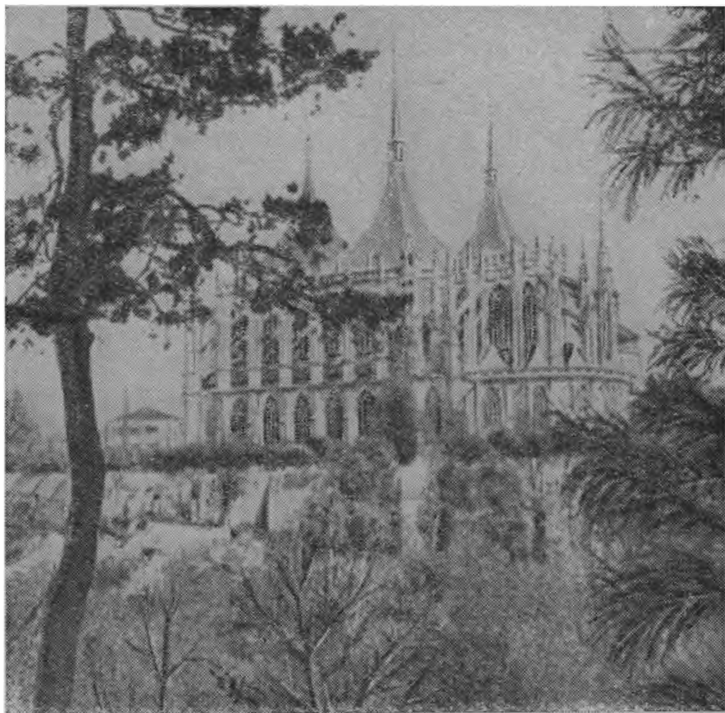
В некоторых случаях чешские крестьяне собирались небольшими группами и вели систематическую борьбу с угнетателями. Феодалы называли этих крестьян «разбойниками». Отряды «разбойников» были сравнительно немногочисленны, а действия их носили локально ограниченный характер. Они нападали на феодалов, отнимали у них имущество, которое частично раздавали сельской бедноте, мстили отдельным судьям, господским управляющим и т. п. Народ относился к ним с любовью и доверием, оказывал им помощь, окружил их память ореолом легенд. Хотя эти выступления носили стихийный, разрозненный характер, порой даже просто граничили с разбоем, роль их в деле формирования традиций вооружённой борьбы против угнетения велика. Главным центром подобных выступлений был юг Чехии, где на протяжении ряда лет шла порой непрекращавшаяся вооружённая борьба. Кроме того, традиции вооружённой борьбы укреплялись на юге и в связи с вовлечением некоторой части крестьян в междоусобные столкновения феодалов. Хотя крестьяне сражались не за свои интересы, зато знакомство с военным делом выгодно отличало крестьян южной Чехии.

В городах Чехии вооружённые столкновения народных масс с патрициями также не прекращались на протяжении всего XIV века. Так, например, в 1366 году в Праге

было подавлено выступление суконщиков. В 1391 году имело место совместное выступление бедноты и ремесленников в Йиглаве. Эти выступления, несмотря на свою разрозненность, говорили о приближении революционной бури.

Выступления крестьян и плебса оставались в течение долгого времени изолированными друг от друга и не могли приобрести характера общечешского вооружённого столкновения враждебных классов, то есть открытой гражданской войны. Этому серьёзно мешало то, что революционной активности крестьян противостоял сравнительно прочный союз всех слоёв феодального класса, церкви и зажиточных элементов городского населения. Однако к началу XV века положение изменилось: в Чехии впервые появляются объективные возможности для мощного выступления народных масс, потрясшего феодальную Европу. С одной стороны, острая национальная борьба ослабляла господствующий класс. С другой стороны, всё более углублялись противоречия между крупной и мелкой шляхтой. Наконец, даже среди крупных феодалов не было единодушия, так как паны смотрели с возраставшей жадностью на огромные церковные богатства. Ведь церковь была в XIV веке самым крупным феодалом в чешских землях. Владения епископов, попов и монастырей были разбросаны по всей стране. Не было такого угла в Чехии, где бы церковникам не принадлежали лучшие земли. Церковь владела почти половиной всех земель в стране. Особенно велики были вотчины главы католической иерархии Чехии — архиепископа Пражского. Архиепископ не только был крупнейшим землевладельцем, но обладал правами почти самостоятельного государя. Он имел свои вооружённые отряды и своих палачей, сам собирал налоги на территории своих громадных владений, обладал правом судить и казнить проживавшее там население. Подобные права — иммунитеты — принадлежали также епископам и монастырям.

Архиепископ, епископы, настоятели крупных монастырей — аббаты, верхушка городского духовенства жили в роскоши и довольстве. В то же время, выполняя свою роль идеологов господствующего класса, церковники и монахи проповедовали для бедняков евангельскую простоту жизни, воздержание от «суетных» мирских благ и повиновение «установленным богом» властям. Католическое духовенство было безбрачным, но епископы и аббаты от-

Храм св. Варвары в Кутной Горе
(XIV век)

крыто вели распутную жизнь. Лицемерие и ханжество разжиревших тунеядцев-церковников вызывало возмущение не только народа, но и значительной части феодалов, особенно мелких.

Развитие товарно-денежных отношений втягивало в свою сферу мелкое феодальное хозяйство с не меньшей силой, чем крупное. Но мелкому феодалу труднее было вести хозяйство при изменившихся экономических условиях. Имея в своём распоряжении тысячи крепостных, феодалы и монастыри относились с полным безразличием к судьбе отдельного крестьянина. Обладая сравнительно ограниченным количеством крестьян, земан был заинтересован в судьбе каждого крестьянского хозяйства. Поэтому, выжимая из своих крестьян последние соки, мелкий феодал

ежеминутно чувствовал, что перенапряжение сил крестьянина снижает его платёжные способности и отражается на положении феодала. Кроме того, уже сама ограниченность ресурсов и масштабов земанского хозяйства в целом делала его менее гибким. Попадая с продуктами своего хозяйства на рынок, земан сразу оказывался в гораздо худших условиях, чем пан или монастырь. Он вынужден был продавать свой хлеб на ближайшем рынке и не всегда мог при этом дожидаться наибольшей цены. Он был совершенно оторван от внешней торговли. Конкуренция с крупным городским купцом оказывалась для него гораздо более серьёзной. Даже в случае хорошего урожая земан, постоянно нуждавшийся в деньгах, должен был продавать хлеб по низкой цене, а неурожай или засуха были для него почти так же губительны, как и для его крестьян.

Между тем потребности мелкого феодала сильно выросли. Не желая оказаться отщепенцем среди своего класса, земан должен был вести образ жизни, который считался достойным его рыцарского звания. Он должен был иметь хорошего коня, полное рыцарское вооружение и одежду, хотя бы в некоторой степени приближавшуюся к господствовавшим среди крупных феодалов модам. Наконец, развитие торговли и товарно-денежных отношений открывало перед мелким шляхтичем столько соблазнов, что он постоянно ощущал пустоту своего тощего кошелька и чувствовал убожество своей домашней обстановки.

В связи со всем этим земаны часто входили в неоплатные долги, закладывали своё имущество и землю, разорялись. При частых разделах между наследниками владения многих мелких шляхтичей дробились, уменьшаясь иногда до размеров средних крестьянских наделов. Всё чаще земанам приходилось обращаться к ростовщикам. Ростовщиком был обычно немецкий патриций из ближайшего города, а закладывать землю приходилось соседнему пану или монастырю. Понятно, что рыцарь относился к ним с ненавистью. Крупные феодалы в погоне за округлением своих владений не только использовали затруднения низшей шляхты, но прямо толкали многих земанов к гибели. Они беспощадно отбирали у мелких шляхтичей заложенные за бесценок в минуту нужды земли и прибегали ко всем крючкотворствам судебного процесса, чтобы оття-

гать у бедного рыцаря приглянувшийся кусок земли, а то и просто захватывали его наследственные владения силой.

Безусловно, и раньше отдельные земаны разорялись, теряли свои наследственные имения, превращались в отдельных случаях в деклассированных бродяг. Но то, что прежде было исключением или малораспространённым явлением, к началу XV века приняло такую массовую форму, что можно говорить о страшной угрозе для всех земанов. Особенно яркую и наглядную картину этого процесса представляло южночешское земанство. Могущественные магнаты юга — паны из Рожмберка, из Йиндржихова Градца поглощали множество земанских «дедин» — наследственных владений.

Какой же выход открывала жизнь перед мелким шляхтичем? Прежде всего он мог судорожно цепляться за свой участок и, доводя эксплуатацию своих крестьян до предела, кое-как сводить концы с концами. Более заманчивым выходом представлялось для многих добровольно поступить на службу к королю или архиепископу, либо к соседнему пану или в монастырь. Но за это земан должен был платить окончательной потерей своей хозяйственной самостоятельности и фактически должен был расстаться со своей личной независимостью. Наконец, рыцарь мог вступить и на третий путь, стараясь исправить «несправедливость» судьбы опустошением чужих кошельков. Но такие «благородные» занятия, как грабёж купцов и случайных путников на больших дорогах или налёты на владения горсдов, становились с течением времени всё более рискованными и приносили слишком неверные доходы. Паны и купеческие караваны не ездили без вооружённой охраны, а в случае поимки слишком предприимчивого шляхтича его неминуемо ожидала потеря «рыцарских шпор» и смерть на виселице.

Кого же мог обвинять обедневший шляхтич в своём плачевном положении? Городской патриций или аббат ближайшего монастыря, которым он закладывал своё имущество, были, как правило, иноземцами. Крупный пан, если даже сам не был немцем, то в большинстве случаев поддерживал иноземцев и открыто высказывал на каждом шагу пренебрежение ко всему чешскому. Естественно, что обнищавший рыцарь обвинял во всех своих несчастьях иноземную «саранчу», густо облепившую чешскую землю. Кроме того, ежедневно сталкиваясь с духовными феода-

лами, шляхтич проникался и к ним безграничной ненавистью. Зависть захудалого мелкопоместного дворянина к богатому и сильному соседу переплеталась с пренебрежением проводящего век в походах воина к тунеядствующему попу или монаху. Поскольку среди верхов католического духовенства большинство составляли иноземцы, национальные чувства низшей чешской шляхты выливались в ненависть против представителей католической иерархии. Таким образом, оппозиция земанства приобретала ярко выраженную национальную и антицерковную окраску.

В своей ненависти к иноземцам и церковникам мелкая шляхта могла найти общий язык даже с обычно презируемым ею городским населением — бюргерами. Бюргеры издавна протестовали, а порой и активно выступали против распущенности и разложения, которые царили среди верхов духовенства. Бюргерство было недовольно тем, что ленивые и распутные монахи освобождены от налогов; их возмущали грязные похождения «достойных» пастырей. Но главной школой ненависти был для бюргера рынок, где он на каждом шагу встречался с конкурентами в рясах, которые вели оптовую и розничную торговлю к явному ущербу бюргерства. Наконец, бюргер сталкивался с представителями духовенства и как с самыми жадными и в то же время ханжески елейными ростовщиками. Среди горожан пользовались большим успехом сатирические произведения, разоблачавшие попов и монахов в их лицемерном святошестве.

Немецкий патриций тоже не пользовался особой любовью чешских бюргеров. Чешское бюргерство весьма болезненно ощущало своё неполноправное положение в любой отрасли хозяйства. Крупная торговля была в руках патрициата. Там, где ростовщик не был ряшником, этим доходным делом занимался немец-патриций. Рудные богатства Чехии давно находились в руках немцев. Наконец, всё те же патриции ежечасно напоминали бюргеру о своём существовании, вводя для него новые налоги, взимая с него в свою пользу новые торговые пошлины и судебные штрафы, не допуская его в состав цехового управления и городских органов власти. Именно поэтому бюргерская оппозиция в городах и прежде всего в Праге приобретала антицерковную и национальную форму.

Оппозиционная программа бюргерства направлялась в первую очередь против церкви, которая была не только

самым крупным феодалом в стране, но и окружала ореолом святости всё здание феодального строя. Эта программа могла встретить некоторое сочувствие и поддержку и среди мелкой шляхты. Антицерковная бюргерская оппозиция наносила серьёзный удар по феодализму в целом. Правда, чешское бюргерство было ещё неокрепшим и, в силу этого, стремилось не к ниспровержению всего феодального строя, а лишь к тому, чтобы укрепить и улучшить своё положение внутри феодального общества. Для этого бюргеры хотели занять место, которое должно было освободиться в случае изгнания немецких патрициев. Хотя существование церкви вообще представлялось бюргерству необходимым и само собою разумющимся, оно хотело сократить по возможности расходы на содержание церкви. Стремлению его очистить ряды церковников от наглых иноземцев и наиболее разложившихся элементов вполне сочувствовало низшее духовенство.

В противовес верхушке католической иерархии, которая почти сплошь состояла из немцев, итальянцев и других чужеземцев, рядовые сельские священники, принадлежавшие, как правило, к чехам, не имели доли в богатствах церковной верхушки. Низшее духовенство пополнялось за счёт выходцев из горожан, порою даже из бедноты, или из крестьян. Многие рядовые священники прошли в юности суровую школу трудовой жизни, были хорошо знакомы с тяжёлой судьбой народа. Поэтому некоторые из них сочувствовали его страданиям и находили в библейских текстах идеологическое оружие для трудящихся в их борьбе против феодальной эксплуатации. Многие представители низшего чешского духовенства оказались в годы крестьянской войны в рядах восставшего народа.

Таким образом, к началу XV века социальные и национальные противоречия приобрели в Чехии небывалые прежде остроту и напряжённость. Выросшее на почве этих противоречий гуситское революционное движение задело интересы всех классов феодальной Чехии. В рядах восставших находились не только крестьяне и городские плебеи, которые составляли главную боевую силу движения, но и значительное количество шляхты (главным образом, разумеется, низшей) и бюргерства. Шляхтичи и бюргеры составляли большинство командного состава, из их рядов вышли главные идеологи движения. Если, с одной стороны, это способствовало расширению размаха

борьбы, то, с другой, разнородность, пестрота восставших не могли не привести к острым противоречиям внутри движения.

Необходимо строго различать требования отдельных классов, принимавших участие в гуситском движении. Шляхта стремилась к захвату церковных земель, причём часто готова была ограничиться только отнятием излишков сверх того, что она считала необходимым и справедливым оставить духовенству. Бюргерство мечтало вытеснить попов и монахов из области хозяйственной деятельности, оставив в их ведении ту сферу, где бюргер охотно признавал необходимость и пользу церкви. Этой областью бюргер считал проповедь смирения и покорности народных масс. Шляхтичи и бюргеры объединялись тем, что и те и другие чувствовали необходимость духовной узды для масс и готовы были, порядком ошипав прелатов и аббатов, предоставить их испытанному руководству дальнейшую идеологическую защиту эксплуатации и гнёта. Гораздо труднее конкретно определить антицерковные требования крестьян и городского плебса. За исключением крайних левых течений, крестьянские массы в силу всей совокупности условий средневековой жизни не шли в своих не всегда чётко сформулированных требованиях к уничтожению всего церковного здания. Однако, оставаясь искренне верующими, народные массы хотели настолько радикально очистить авгиевы конюшни католической церкви, что в случае осуществления их программы всё церковное здание оказалось бы полностью перестроенным.

Всему этому, хотя и недостаточно организованному, но грозному натиску церковь могла всё же довольно долго противостоять. В её распоряжении находились громадные экономические ресурсы внутри Чехии. На её стороне была сила международной церковной организации во главе с папой. В руках церкви находился мощный разведывательный и карательный аппарат, начиная с инквизиционных трибуналов, архиепископских и епископских судов и кончая целой армией шпионов в лице монахов и попов, которые контролировали во время исповедей дела и помышления своих подопечных. Как показали события, церковь имела на своей стороне и поддержку панов, феодального государства во главе с королём, а также верхушки городского населения. Нужно отметить, что эта поддержка проявилась лишь тогда, когда на церковь подняли

руку народные массы. До той поры и король и феодальные магнаты давали волю своим вождениям, направленным к присвоению хотя бы части церковных владений и богатств.

Помимо всего прочего нельзя недооценивать и огромную власть церкви над умами и сердцами средневековых людей. Многовековой авторитет церкви, державшей, как тогда думали, в своих руках ключи от царствия небесного, был направлен в первую очередь на укрепление основ феодального общества. Попам принадлежала в средние века непререкаемая монополия на образование, имевшее в значительной степени богословский характер. Средневековая наука провозглашала с кафедры вечность и неизблемость феодального строя, освящала самые уродливые черты феодализма. Господство богословия в сфере умственной жизни средневекового общества было «...необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»¹.

Эту роль сыграла в Чехии в начале XV века смелая критика злоупотреблений чешского духовенства и вообще всей католической церкви, нашедшая своё выражение в пламенных проповедях и самоотверженной деятельности Яна Гуса, его предшественников, сподвижников и продолжателей.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М. 1953, стр. 34.

ЧЕШСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ И ЕЁ СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ. ЯН ГУС

Великий чешский патриот Ян Гус не первый поднялся в Чехии на борьбу против католической церкви. Народные массы уже неоднократно расправлялись с представителями ненавистой верхушки духовенства. Народные ереси направлялись против учения и организации католической церкви. Бюргерская оппозиция, выражавшая протест большинства недовольных горожан, во второй половине XIV века выдвинула целый ряд предшественников Гуса.

К середине XIV века относятся выступления Конрада Вальдгаузера против католического духовенства. Вальдгаузер до приезда в Чехию был монахом в одном из австрийских монастырей. В Праге он разоблачал в своих проповедях корыстолюбие и разврат монашества, бичевал пороки церковников. Хотя сам Конрад не делал в своих выступлениях революционных выводов, но его смелые обличения обнажали смердящие язвы католической церкви и толкали народ на путь антицерковной борьбы.

Значительно более широкие отклики находили горячие проповеди Яна Милича. Милич в молодости стоял близко к королевскому двору, но отказался от своего положения и богатства и стал проповедовать необходимость очищения развращённого духовенства. Самыми яркими красками Милич рисовал отвратительную распущенность католического клира и призывал народ лишить церковников их имущества. Папу он называл антихристом. Милич не требовал, однако, слома всего церковного здания. Он считал, что строжайшее соблюдение священного писания и церковной дисциплины сможет оздоровить церковь. Милич был замечательным оратором и пользовался огромной популярностью среди пражского бюргерства и плебса. Проповеди свои он произносил на чешском и немецком языках. Несмотря на сравнительную умеренность программы Милича, его выступления подрывали авторитет католической церкви. Милич был вызван к папе. Его заставили отказаться от продолжения проповеднической деятельности. Папская булла, составленная по случаю его отречения от прежних взглядов, прямо говорит, что чешский проповедник «вовлекал многих не только в отвратительные заблуждения, но и в преступные действия». Эта оценка показывает, насколько опасным противником считала церковь Яна Милича.

Яркой фигурой среди чешских предшественников Гуса был и Матвей из Янова¹. Один из самых образованных людей своего времени, магистр Пражского университета и прекрасный знаток церковной литературы, Матвей соединял блестящее знание наук с ненавистью к католическому духовенству. Он написал пятитомный трактат, в котором обосновал взгляды, шедшие вразрез с учением католической церкви. В отличие от церкви, учившей, что только неукоснительное соблюдение всех обрядов может дать «спасение души», Матвей считал, что основой христианства должна быть вера. Матвей из Янова доказывал, что существование монашества не оправдывается евангелием и другими священными книгами. Папу он называл «двурогим зверем», церковников — «служителями антихриста» и смело изобличал продажность и разврат попов и монахов. Матвей писал, что оздоровление церкви может быть

¹ Иногда Матвея называют и Парижским, так как Матвей имел диплом магистра Парижского университета.

достигнуто лишь путём изъятия у монастырей и церквей их богатств. В то же время, сожалея о том, что народ терпит на своём теле злокачественный нарост — католическую церковь, Матвей указывал, что борьба против церкви неизбежна. В своём труде он использовал евангелие, приписывавшее легендарному Христу слова о том, будто он принёс людям не мир, а меч. Эксплуатацию Матвей считал несправедливой, а сословное общество средневековой Чехии называл «изобретением дьявола».

В произведениях Матвея впервые было провозглашено одно из программных положений гуситов. Католическая церковь, стремясь подчеркнуть исключительное положение духовенства среди верующих, создала для него особую привилегию в одном из главных христианских обрядов — в принятии причастия. Давая мирянам во время причащения только хлеб, католическая церковь установила для духовенства причащение хлебом и вином. Матвей требовал для всех верующих одинакового причащения.

Учение Матвея из Янова не могло проникнуть глубоко в сознание народных масс, так как Матвей писал на латинском языке. Его сочинения были большой редкостью, их хорошо знали только учёные-теологи. Тем не менее церковь заставила Матвея из Янова торжественно отречься от его «еретических» взглядов. Вскоре после этого он умер (в 1394 году).

Великий сын чешского народа Ян Гус родился в крестьянской семье в 1371 году¹. Родиной его было небольшое село Гусинец в южной Чехии.

Мальчик рос среди зелёных лугов, тянувшихся вдоль берегов спокойной речки Бланице, протекавшей в долине лесистых гор. Но красоты задумчивой чешской природы не могли скрыть от чуткого и впечатлительного юноши потрясающее зрелище нищеты народа, плотью от плоти которого он являлся, и тяжёлого положения крестьян. С детства он познал тяжёлую долю родного народа, его тревожили смутные, неопределённые мечты о лучшем, справедливом устройстве общества.

Ценою больших лишений родители постарались дать единственному сыну первоначальное школьное образование в близлежащем местечке Прахатице. Вскоре молодому

¹ Обычно датой рождения Гуса считался 1369 год, но в новейших трудах историков народной Чехословакии приводится дата, указанная в тексте.

Ян Гус

Гусу удалось попасть в столицу. В 1391 году имя его уже встречается в списках студентов Пражского университета. Гус обучался на так называемом артистическом факультете.

На этом факультете изучались науки, известные в средневековой Европе под названием «семи свободных искусств». «Свободные искусства» делились на два цикла: младший — «тривиум» и старший — «квадривиум».

В состав «тривиума» входили грамматика, риторика и диалектика¹. «Квадривиум» объединял арифметику, геометрию, астрономию и музыку, то есть собственно теорию музыки. Таким образом, на артистическом факультете изучались все светские науки, кроме права и медицины, которые изучались на других факультетах.

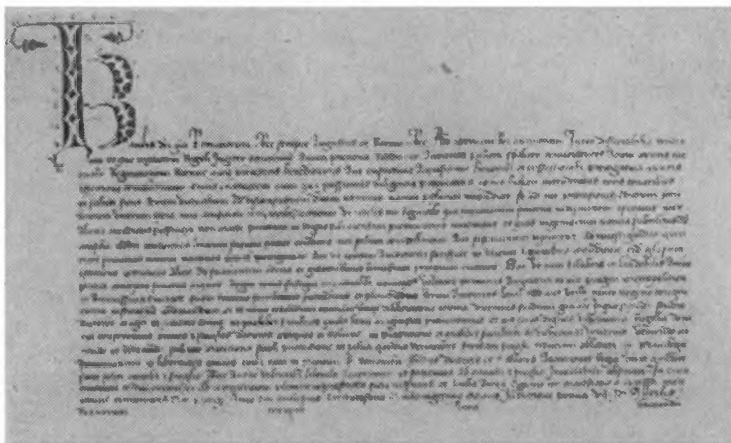
Живя в Праге и посещая лекции в университете, Гус имел возможность наблюдать всю остроту социальных контрастов и национальных противоречий, свойственных тогдашней Чехии.

В 1393 году Гус окончил артистический факультет и вскоре получил степень бакалавра² «свободных искусств», а затем стал магистром Пражского университета. Несколько позднее Гус поступил на богословский факультет, считавшийся в средние века вершиной университетского образования, для зачисления на который предварительно необходимо было окончить артистический факультет.

Годы молодости и учения Гуса совпали со временем обострения социальных противоречий и крайнего напряжения политической обстановки внутри Чехии. На чешском престоле находился с 1378 года король Вацлав IV, сын короля Карла I. Его брат Сигизмунд приобрёл путём брака с наследницей венгерской короны соседнюю Венгрию. В Моравии крупнейшим феодалом был двоюродный брат короля Вацлава, маркграф Йошт. Сигизмунд и Йошт вели интриги против чешского короля, стремясь к новому переделу обширных владений люксембургской династии. Король Вацлав, который был одновременно, подобно своему отцу, и императором Священной Римской Империи, мало интересовался делами Германии и проводил время на охоте или в пирах. Впрочем, королю не чужда была любовь к искусству: он продолжал начатые при Карле I постройки.

¹ Диалектикой называли в средние века формальную логику.

² Бакалавр — низшая учёная степень, присваиваемая в средние века большинству оканчивавших тот или другой факультет после сдачи соответствующих экзаменов. Следующая степень — магистра, или доктора (в Праге обе эти степени, отличавшиеся в некоторых других странах, считались равнозначными), — присваивалась после защиты диссертации лицам, ведущим преподавание в университете. В академической иерархии магистры, или доктора, богословия считались выше своих коллег по другим специальностям.

Учредительная грамота Пражского университета (1348 год)

Вацлав пытался, хотя и не всегда последовательно, продолжать политику объединения страны и усиления королевской власти в Чехии. Несмотря на все усилия Карла I, многие королевские замки и имения остались в руках захвативших их крупных феодалов. Один только архиепископ Пражский владел восемью городами и семью замками, которые прежде были коронными имениями. Вскоре отношения короля с магнатами крайне обострились; с чешскими городами король стремился, напротив, находиться в хороших отношениях, так как в их лице он видел опору в борьбе против магнатов, удерживавших захваченные коронные владения и желавших децентрализации и ослабления королевской власти.

Усилившиеся за счёт непомерной эксплуатации крестьян крупные паны и монастыри тяготились королевской властью, окрепшей в годы правления Карла. Стремление крупных феодалов к децентрализации было реакционным и толкало страну назад, ко временам феодальной раздроблённости. Король не останавливался перед насилием и кровопролитием, отбирая у феодалов захваченные ими королевские имения. В 1387 году один из могущественных феодалов — пан Маркварт из Вартенберка отказался повиноваться постановлению суда и королю. Мятежный пан

был побеждён и провёл остаток жизни в заключении. Вскоре обострились отношения короля с другим крупнейшим феодалом — архиепископом Яном из Йенштейна. Чешское духовенство не платило налогов, о возвращении захваченных коронных владений не хотело и слышать. Желая сохранить и увеличить свои доходы, король запретил раздавать чешские приходы по усмотрению папы или архиепископа и приказал отдавать их исключительно своему придворному духовенству и тем церковникам, которые находились на королевской службе. В 1393 году король отдал освободившееся в связи со смертью аббата богатое Кладорубское аббатство одному из своих любимцев Гулеру. Монахи при поддержке архиепископа избрали другое лицо, а сам архиепископ воспротивился власти короля и отлучил от церкви королевского сановника Гулера, а затем потребовал его на свой суд. В отместку Вацлав велел арестовать нескольких советников архиепископа, который укрылся в своём укрепленном дворце. Арестованные попы были приведены в королевский суд, который потребовал от них признать власть короля и отречься от архиепископа. Несмотря на жестокие пытки, попы это сделать отказались. Одного из мятежных попов — Яна из Непомук — король распорядился утопить во Влтаве¹.

Крупнейшие паны Чехии поспешили воспользоваться этими событиями и составили мощную коалицию, направленную против короля. Когда к союзу пана из Рожмберка и пана из Ландштейна присоединились моравский маркграф и венгерский король, стало очевидно, что целью их было низложение короля. Весною 1394 года паны захватили короля в плен и заключили его в пражском дворце. Вацлав вынужден был возвратить панам-заговорщикам отнятые у них имения и назначить Йошта Моравского правителем Чехии. Но горожане и часть верных королю феодалов стали собирать войска для его защиты. Мятежные магнаты должны были покинуть Прагу, увозя с собой пленного короля. Однако доведенный до границ Австрии Вацлав был освобождён панями.

¹ Впоследствии католические священники постарались превратить Яна из Непомук в «мученика» за дело церкви и заслонить им в памяти народа ненавистного папе и прелатам имя Гуса. По настоянию иезуитов Ян из Непомук был даже причислен к лику «святых». Но культ Яна из Непомук никогда не мог вытеснить из памяти народа Чехии светлый образ смелого борца против католического мракобесия, пламенного патриота, верного сына чешского народа Яна Гуса.

Посредником между королём и панами выступил лицемерный и пронырливый Сигизмунд. По условиям соглашения паны добились существенного ограничения королевской власти. В Чехии создан особый совет при короле, несменяемые члены которого фактически контролировали всю деятельность последнего. Мало того, обнаглевшие паны казнили в 1397 году без всякого суда нескольких королевских любимцев и советников.

В эти годы колебалась и власть Вацлава в империи. Немецкие князья были недовольны правлением Вацлава. Он был вынужден назначить Сигизмунда своим наместником в Германии. Один из немецких князей — пфальцграф Рупрехт признал себя в 1397 году вассалом английского короля, получив за это ежегодную плату в тысячу фунтов. Английским вассалом признал себя и архиепископ Кёльнский. Получив денежную помощь иностранных государств, рейнские курфюрсты заключили в 1399 году союз для низложения неугодного им императора; в 1400 году коллегия курфюрстов прямо обсуждала вопрос, кого избрать на место Вацлава.

Чешские паны использовали затруднения короля и, получая поддержку от Сигизмунда и Йошта, начали новый вооружённый мятеж против Вацлава. Между тем осенью 1400 года четверо из семи курфюрстов лишили Вацлава немецкой короны и избрали на его место Рупрехта Пфальцского. Однако Рупрехт был признан королём только в юго-западной Германии. Вацлав стал собирать войска, но

Герб чешского королевства
(из библии
короля Вацлава IV)

Йошт и Сигизмунд потребовали за свою помощь таких огромных уступок, что предприятие расстроилось. Йошт присоединился к чешским панам, и они перешли на сторону Рупрехта. Вскоре паны вместе с присланными Рупрехтом войсками осадили Прагу. Хотя осада была скорее военной демонстрацией, чем серьёзной угрозой хорошо укреплённому городу, Вацлав вынужден был капитулировать. Он поручил управление Чехией Сигизмунду и совету панов. Король был взят под стражу и превращён фактически в узника. Паны-предатели были на стороне Сигизмунда, но горожане и крестьяне, налоги на которых новый правитель стал увеличивать, выступили на защиту прежнего короля. Вацлав был увезён в Австрию. Когда в Чехии вспыхнуло восстание против наместников Сигизмунда, последний оставил брата в Вене и двинулся в Чехию. Восстание было подавлено, но Сигизмунд в том же году уехал в Венгрию, а Вацлав освободился от заключения и вернулся в Прагу. Военные действия возобновились с новой силой. Шляхта и горожане восстали против жестокого и жадного Сигизмунда и перешли на сторону Вацлава. Йошт вошёл в союз с королём. Кроме того, Вацлав установил тесную связь с польским королём Владиславом Ягайло. Восстановив свою власть в Чехии, Вацлав жестоко расправился с панами-изменниками. Крайне нуждаясь в деньгах, он уступил в 1408 году часть Люксембургских владений на западе, передав Брабант бургундскому герцогу Жану Бесстрашному, который вместо денег обязался дать ему несколько тысяч конницы.

Вскоре после этого (в 1410 году) умер Рупрехт Пфальцский, власть которого никогда так и не была признана во всей Германии. Немецкие курфюрсты приступили к избранию нового императора. Голоса их разделились. В конце концов курфюрсты разъехались, а двое оставшихся избрали Сигизмунда. При этом они ссылались на то, что в силу Золотой буллы избрание императора должно производиться большинством курфюрстов, присутствующих на месте выборов. Тогда остальные пять курфюрстов, которые не присутствовали во Франкфурте во время избрания, объявили выборы незаконными и отдали свои голоса Йошту. Но моравский маркграф умер, и летом 1411 года большинство курфюрстов согласилось признать Сигизмунда. Вацлав остался чешским королём.

Лекция магистра университета
(миниатюра из французской рукописи конца XV века)

Сложное международное положение Чехии на рубеже XIV—XV веков ещё более запутывало и обостряло те острые социальные и национальные противоречия, в обстановке которых начиналась и развивалась деятельность Гуса, впервые выступившего в эти годы с проповедью перед народом.

Первые выступления Яна Гуса относятся к началу XV века. В столкновениях феодальных клик Гус был на стороне королевской власти, которая отстаивала в ту пору прогрессивный путь централизации страны. Гус встречал сочувствие широких слоёв пражского населения. Уже в этот период возникают основы будущей популярности Гуса. Одновременно он продвигался по академической линии в университете, а также установил личные связи с королевским двором. В 1401 году Гус был избран деканом факультета свободных искусств, а в следующем году — ректором¹. С 1403 года Гус был духовником королевы

¹ Преподаватели каждого факультета в Пражском университете избирали дважды в год (на каждый семестр) лицо, возглавлявшее

Софии, жены Вацлава. Ещё с весны предыдущего года он начал свои проповеди в так называемой Вифлеемской часовне (в Праге).

Когда Прагу осаждали отряды Рупрехта, его союзника Сигизмунда и мятежных панов, когда со стен города можно было видеть, как дымятся развалины сёл и местечек, голос Гуса звучал призывом к борьбе. Даже «собака защищает подстилку, на которой лежит, и, если другая собака захочет её прогнать, она станет бороться с той,...— обращался Гус к крестьянам и ремесленникам, которые вставали на защиту родины.— Нас же немцы притесняют, а мы молчим!» О предателях-панах и патрициях, переходивших на сторону врага, Гус говорил, что они «презреннее собак и змей». Уже в этих выступлениях слышен голос патриота, голос страстного борца за освобождение народа.

После ухода войск Рупрехта и его союзников, когда власть Вацлава была восстановлена, Гус вступил в борьбу против немецкого засилья в стране. «Чехи в королевстве Чешском по праву, по закону божьему и по прирождённому чувству должны быть первыми в должностях, как французы в королевстве французском и немцы в своих землях»,— утверждал Гус.

Особенно возмущало Гуса положение в Пражском университете, который был средоточием культурных сил Чехии. Фактически господство в университете принадлежало иноземцам. В совете и во всех органах университетского самоуправления немцы захватили большинство мест. Они создали на всех факультетах атмосферу кумовства и взаимной поддержки и в то же время намеренно отодвигали в тень многих достойных магистров из чехов. Гус и другие чехи болезненно ощущали своё неполноправное

факультет, организовывавшее учебный процесс и т. п. Это лицо называлось деканом. Во главе всего университета стоял ректор, избиравшийся таким же порядком. Ректор университета представлял всю университетскую корпорацию перед церковными и светскими властями, имел административную и судебную власть над преподавателями и студентами, а также теми ремесленниками, которые непосредственно обслуживали академическую жизнь университета (переписчики и переплётчики книг и т. п.). Ректору принадлежала также высшая власть над школами в Праге и во всей Чехии. Любопытной особенностью средневековых университетов было то, что на должность ректора формально мог быть избран любой член университетской корпорации, даже студент.

положение в университете, которое было выражением существовавшего в Чехии преобладания феодалов и патрициев-иноземцев. С чувством достоинства и законной гордости за родной народ Гус отмечал, что к этому времени образованные люди из чехов «размножились более иностранных учителей и возвысились над ними познаниями в науках».

В накалённой атмосфере Чехии начала XV века внутриуниверситетский конфликт приобрёл значение, выходящее далеко за пределы столкновения между чешскими и немецкими магистрами. Борьба особенно обострилась в связи с тем, что немецкие магистры в тяжёлое для страны время поддерживали врагов чешского государства. Борьба чешских патриотов увенчалась успехом, когда немецкие магистры во время очередного конфликта Вацлава с папой оказались на стороне противников короля. Вацлав и прежде оказывал покровительство чехам университета, а теперь издал знаменитый Кутногорский декрет (январь 1409 года), который должен был положить конец преобладанию иноземцев в Пражском университете. Отныне чешские магистры получали в университетском совете и других органах три голоса против одного, который оставался у немцев. Эта победа в силу большой политической роли университета в Чехии и в условиях обострения всей обстановки в стране приобрела значение сигнала к активизации борьбы против иностранного засилья. В ряде городов, да и в самой Праге чешское бюргерство предпринимало попытки оттеснить немецких патрициев от монопольного использования хозяйственных ресурсов городов и от захваченных ими позиций в городском управлении.

Но Гус не ограничивал свою деятельность стенами университета. Он обращался с энергичной пропагандой к широким слоям пражского населения, используя с этой целью своё положение проповедника в Вифлеемской часовне. В его проповедях звучали патриотические мотивы. Гус подчёркивал в своих выступлениях, что чехи «должны быть во главе, а не в хвосте», что они должны сами руководить своей землёй. В соответствии с условиями времени он объявлял, что немецкое преобладание в чешской земле противно божескому закону и церковным канонам. Вместе с тем Гус был чужд шовинизма и неоднократно подчёркивал, что для него «хороший немец ближе плохого чеха».

В тесной и неразрывной связи с патриотическими выступлениями Гуса находились и его обличения пороков католических прелатов, попов и монахов. Вначале Гус был ещё весьма далёк от полного разрыва с церковью, а его критика разврата и корыстолюбия церковников встречала не только сочувствие масс, но и поддержку феодальных верхов, включая даже архиепископа, который лицемерно старался выставить себя ревнителем чистоты нравов духовенства.

Следует подчеркнуть, что тогдашняя действительность давала более чем достаточно материала для разоблачений. Когда, например, в 1379 году архиепископ приказал произвести «генеральную инспекцию» пражского клира, были выявлены факты самой необузданной и грязной распущенности. Из 39 приходских священников Праги 16 были уличены в явном разврате. Один из попов растлил даже свою незаконную дочь. Достойный пастырь церкви св. Лингардта Прокоп, обвинённый в распутстве, пытался оправдаться указанием на ещё большую распущенность каноника Матвея из соседнего прихода: если он, действительно, грешен в том, что посещал неоднократно публичные дома, то Матвей устроил у себя на дому настоящий вертеп, содержал публичных женщин и получал с них плату за покровительство. Третий священнослужитель, Варфоломей, оправдывался тем, что имеет всего одну любовницу, да и то замужнюю женщину. Поп из церкви св. Яна был изобличён в том, что, проиграв однажды в кости своё платье, отправился на другой конец Праги в дом своей ссжительницы буквально в чём мать родила. Другая проверка, произведённая в начале XV века, вызвала у самих инспекторов следующее признание: «Священники, стоящие во главе приходских храмов, открыто содержат наложниц и вообще ведут себя настолько невоздержанно и неблагопристойно, что производят этим великий соблазн среди паствы». Если так говорили католические попы, которые, несомненно, стремились скрыть наиболее неблагоприятные поступки своих собратьев, то можно представить, что позволяли себе пастыри «стада Христова». По свидетельству Гуса, в Тынской церкви богородицы священники были среди белого дня пойманы на месте преступления в алтаре, куда они затащили какую-то замужнюю женщину, так что пришлось заново освящать храм. Епископы, указывал Гус, не

стремятся пресечь распущенность духовенства, а смотрят лишь, как бы и из неё извлечь новые доходы. Так, они взимали с попов особую плату за незаконных детей.

Не довольствуясь разоблачением неприглядной жизни духовенства, Гус показывал эксплуататорскую сущность попов и монахов. «Даже последний грошик, который прячет бедная старуха, и тот умеет вытянуть недостойный священнослужитель,— говорил Гус,— если не за исповедь, то за обедню, если не за обедню, то за священные реликвии, если не за реликвии, то за отпущение грехов, если не за отпущение, то за молитвы, а если не за молитвы, то за погребение. Как же не сказать после этого, что он хитрее и злее вора?» Гус жестоко бичевал практику продажи церковных должностей и взяточничество духовенства. Все церковные должности, писал Гус, продаются и покупаются. «Мало есть священников, которые бы не купили своё место и не собирали бы с верующих податей. Так и они и поставивший их епископ впали в грех». Гус показывал, каким образом духовенство получало доходные должности: «Вот одного ставят попом за деньги, не зная, кто и каков он есть; вот другого назначает король или пан, а между тем он не способен; иного желают епископ или каноники вследствие полученных подарков, но не потому, что таково его образование или истинное призвание». Многие попы и епископы малограмотны, утверждал Гус, и не способны даже пасти свиней. Ян Гус гневно разоблачал и лицемерие духовенства — лицемерие, которое было превращено в одно из орудий вымогательства. «В чешской земле монахи держат пиво старое и молодое, крепкое и слабое. Когда люди светские и незнакомые придут, то дают им слабого, чтобы простаки думали, что они всегда то пиво пьют, а также чтоб меньше выпили. Если же о ком полагают, что захочет быть у них похороненным после кончины, или имеют надежду получить подарок, тогда ставят на стол доброе, крепкое пиво и устраивают пир, где один напиток притягивает к себе другой». Гус показывал, что роскошь католической иерархии превосходит роскошь королей, князей и панов, а постоянные пиры и беспробудное пьянство заполняют большую часть времени духовенства. Часто попы даже не исполняли своих священнических обязанностей, да это и мудрено было бы для многих из них, так как они одновременно соединяли по несколько приходов в разных частях

страны. Например, Микулаш Пухник из Черниц, имевший уже два богатых прихода в Праге и в Оломоуце, получил ещё третий и тут же обменял его на два новых. Но этого ему было недостаточно. Пронырливый поп сумел выпросить у архиепископа ещё один доходный приход в Моравии. Неудивительно, что в Чехии были «служители божьи», которые в течение семи лет не производили ни одного богослужения.

Таким образом, ещё не порывая с церковью, Гус облачал пороки духовенства и привлекал к ним внимание масс. Но постепенно Гус стал переходить от критики нравов духовенства к требованиям коренных преобразований во всём здании католической церкви. В этой борьбе Гус стоял на почве, подготовленной его чешскими предшественниками, а также использовал положения английского реформатора Джона Виклефа. Гус и его сторонники в университете распространяли в своих лекциях учение Виклефа, которое имело много общего с антицерковными взглядами Матвея из Янова и самого Гуса.

Используя идеи Виклефа, Гус был далёк от слепого преклонения перед его авторитетом. Он сам указывал, что защищает и распространяет только те взгляды Виклефа, которые ему кажутся соответствующими действительности и справедливости. К числу этих взглядов принадлежали такие типичные для средневековой бюргерской оппозиции требования, как призывы к ликвидации церковного землевладения, к уничтожению пышности католических обрядов, к отмене дорогостоящей католической иерархии и к подчинению духовенства светским властям. Кроме того, Виклеф призывал к тому, чтобы богослужение и проповедь производились на родном, понятном народу языке.

Значительная часть этих положений была выдвинута ещё Миличем и Матвеем из Янова, но, поскольку судьба Милича, а также осуждение и вынужденное отречение Матвея были в Чехии известны всем, Гус, очевидно, предпочитал ссылаться на Виклефа, о произведениях которого чешское духовенство, в значительной части крайне невежественное, первоначально не имело определённых сведений¹. Отправляясь от взглядов своих предшественников,

¹ Красочным примером полной «невинности» в области какого бы то ни было образования может служить пражский архиепископ Збынек Заяц из Газенбурка, который хоть и выучился грамоте (уже бу-

Гус постепенно расширял и углублял свою антицерковную пропаганду. Он утверждал, что духовенство должно подчиняться светской власти, отстаивал свободу проповеди, в том числе и свободу критики вопиющих злоупотреблений церкви.

С каждым новым преступлением священнослужителей Гус всё дальше уходил от того, что церковь считала возможным допустить в области обсуждения её недостатков. Жалоба пражского духовенства на Гуса, поданная в 1408 году, обвиняла его в том, что он «своей бесчинной и оскорбительной проповедью вызывает ненависть всего народа против духовных лиц». В этой жалобе указывалось, что Гус выступал против платы за исповедь, крещение, погребение и другие обряды. Характерно, что в своём ответе Гус не отрицал правильности этих обвинений. Бешеную ярость и страх вызывало в католических мракобесах то, что Гус осмелился неоднократно поднимать голос против земельных владений церкви, да ещё выступая «перед большим скоплением народа». Этим Гус возбудил против себя всех церковников. Так произошёл разрыв Гуса с церковью, подготовленный всем предшествовавшим развитием событий. Будучи по своему классовому характеру бюргерской «ересью», учение Гуса не отвергало и более последовательных, более радикальных направлений. Оно было тем общим исходным пунктом, откуда развивались впоследствии идеологические основы не только чашников, но и таборитов. Поэтому учение Гуса можно считать краеугольным камнем чешской бюргерской реформации XV века.

Относительный радикализм чешской бюргерской реформации необъясним без учёта всей совокупности непримиримых социальных противоречий и острых национальных конфликтов, которые раздирали страну. Проповедь Гуса никогда не приобрела бы такого значения, если бы её появление не совпало с освободительным движением угнетённых народных масс и если бы она не давала исхода накопившейся ненависти чешского бюргерства и части низшей шляхты к иноземным феодалам, патрициям и попам. Несмотря на историческое значение чешской бюргерской реформации, идеологом которой был

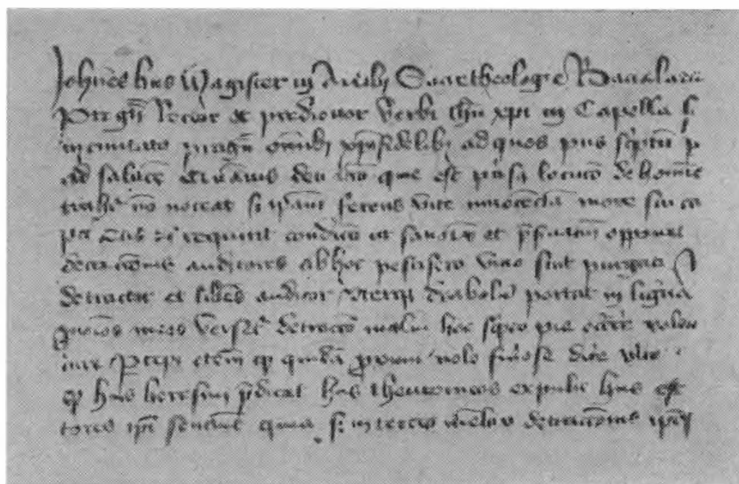
дучи, впрочем, главой чешской католической иерархии), но так никогда и не умел хорошо читать.

Ян Гус, нельзя забывать, что религиозная форма, неизбежная в тогдашних исторических условиях, мешала развитию революционного движения, выражала не только его силу, но и слабость.

К 1409 году, то есть ко времени издания Кутногорского декрета, явившегося важной вехой в истории национально-освободительной борьбы чешского народа и чешской реформации, выступления Гуса стали более революционными. Вместе с тем многие из прежних сторонников Гуса отходят от него. Если растущая активность масс толкала Гуса вперёд, то многие из бывших его последователей и союзников по мере обострения классовой борьбы в стране отступали назад. Так, от Гуса отделились его прежние единомышленники Штефан Палеч, Станислав из Знойма и некоторые другие. Одновременно активизировались действия врагов. Один за другим на Гуса стали поступать клеветнические доносы. Особенно отвратительной фигурой среди врагов Гуса был Михаил из Козьего Брода, казнокрад, ставший папским уполномоченным (легатом) в Чехии.

К концу первого десятилетия XV века в Чехии значительно усилилась революционная активность масс. Положение их не только не улучшилось, но, наоборот, ухудшилось во время феодальных междоусобиц. Военные столкновения разоряли крестьян. К тому же начались неурожай, продолжавшиеся несколько лет; особенно тяжёл в этом отношении был 1410 год.

Тесно связанный с народными массами и отражавший их настроения, Ян Гус усилил социальные разоблачения в своих проповедях. Гус уже не только обличал попов, но и призывал к возмездию. Он обращался к светским властям, королям, панам и рыцарям, призывая их изгнать корыстолюбивых и продажных попов и монахов. В то же время Гус апеллировал к народу. В проповедях, произносимых, по выражению его врагов, «перед всем множеством народа», Гус прямо призывал «препоясаться мечом и защищать закон господина». Если раньше Гус предлагал отбирать земельные владения лишь в качестве наказания у нерадивых и разложившихся церковников, то теперь он прямо провозглашал, что церковь вообще не должна иметь материальных богатств или стремиться к их приобретению. Только конфисковав церковные земли, можно будет очистить ряды духовенства от невежествен-

Письмо Яна Гуса
(октябрь 1409 года)

ных, жадных и распутных попов, возродив тем самым «истинную» христианскую церковь. Со свойственной ему образностью и близостью к народной речи Гус выражал это так: «Отними у собак кость — они перестанут грызться; отними имущество у церкви — не найдёшь для неё попа». Наконец, Гус усилил свои атаки на самого «наместника христов» — папу, которого называл анти-христом. «Поистине, братья, настало ныне время войны и меча», — говорил Гус, указывая на необходимость насильственных мер против главы католической церкви.

Действительно, на рубеже XIV—XV веков разложение католической иерархии достигло уже, казалось, последнего предела. Ещё 100 лет назад папский престол под нажимом французских королей был перенесён из Рима во Францию, в город Авиньон. Разложение католической церкви стало очевидным, когда кроме авиньонского папы появился папа и в Риме. С 1378 года во главе католической церкви стояло одновременно двое пап, которые взаимно проклинали друг друга. В Италии, Германии, в Скандинавских странах, в Польше, Чехии и Венгрии признавали истинным папу римского, во Франции, Испании и Сицилии — авиньонского. Но чрезмерные вымогатель-

ства обоих пап, их скандальный образ жизни, взаимные разоблачения и проклятия открывали многим простым людям глаза на истинное положение церкви. Тогда верхушка католической иерархии решилась, наконец, прекратить раскол, вызывавший недовольство среди верующих. Собравшийся с этой целью церковный собор в Пизе низложил в 1409 году авиньонского папу Бенедикта XIII и римского папу Григория XII. Церковники избрали нового папу, но он скоро умер. Тогда на папский престол был избран собравшимися в Пизе кардиналами Бальтазар Косса, принявший имя Иоанна XXIII. Относительно нового папы утверждали, что он был в молодости морским разбойником. Иоанна обвиняли в отравлении его предшественника и в самых гнусных и грязных пороках.

Избрание Иоанна XXIII не прекратило раскола католической церкви. Бенедикт XIII и Григорий XII отказались подчиниться собору и стали осыпать проклятиями сместивших их кардиналов. Бенедикта XIII признавали папой в Испании и Шотландии; у Григория XII было много сторонников в Германии и Италии. Однако Иоанн был всё-таки признан в большинстве остальных государств. Каждому из пап необходимы были средства, и, пожалуй, никогда прежде католическая церковь не поднималась до таких вершин изобретательности в деле ограбления народов, как в этот период. Все церковные должности, начиная от сана кардинала и кончая местом любого приходского священника, продавались совершенно открыто. Каждый, кто получал какое бы то ни было место, должен был немедленно внести сумму, равную годовому доходу от его новой должности. Этот сбор давал папе огромный доход. Но, не довольствуясь ни традиционными поступлениями в пользу церкви, ни этим новым побором, папы постановили, что доходы с епископских кафедр и с церковных приходов за всё время, пока то или другое место вакантно, должны поступать в папскую казну. Чтобы поднять поступления по этой статье, папы иной раз по несколько лет не замещали освободившиеся должности, торгуясь с претендентами, получая доходы и нимало не заботясь о том, что церковные обряды, святость которых они громогласно отстаивали, оставались долгие годы без выполнения. Кроме того, папы присвоили себе право получать наследство после духовных лиц. Размер своей доли папы устанавливали произвольно, сплошь и

рядом лишая родственников умершего всего наследства. Наконец, духовные должности — точнее говоря, связанные с ними имущества — отдавались в пользование мирянам, платившим за это особый сбор. Никакие препятствия не могли остановить роста алчности пап. Наперекор всем правилам и постановлениям по несколько церковных должностей соединялись в одних руках; другие годами оставались незанятыми. Доходы церкви росли, причём «благочестивые» отцы прибегали и к прямому мошенничеству. Так, например, папы исправно собирали с верующих средства на крестовые походы и расходовали их на нужды своих пышных дворов.

Важным источником дохода для католической церкви были так называемые «юбилейные годы». Папы утверждали, что каждый, кто побывает в Риме в течение года, объявленного юбилейным, обязательно получит отпущение грехов. Сначала было провозглашено, что юбилейные годы будут устраиваться через каждые 100 лет, потом их стали провозглашать через 50 и, наконец, через каждые 33 года. Но три роскошных папских двора пожирали без остатка огромные доходы. Остальное разворовывали кардиналы, родственники пап, многочисленные папские слуги, наложницы и прихлебатели. Поэтому изобретательность папских казначеев не имела границ. Они придумывали всё новые и новые финансовые махинации. Беззастенчиво спекулируя на религиозных чувствах задавленных нуждой и гнётом народных масс, монахи фабриковали и продавали всякого рода священные предметы. Благочестивым католикам предлагалось за сходную цену приобрести не только всевозможные мощи бесчисленных католических угодников и святых, но и такие «священные» реликвии, как солома осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим, или слёзы Марии Магдалины, молоко богородицы и даже луч от вифлеемской звезды, указывавшей путь волхвам в ночь под рождество. За особую плату желающим продавались грамоты, которые давали купившему право нарушать посты и обычные церковные запреты.

Когда уже все средства были исчерпаны, католических теологов, поглощённых поисками новых путей повышения доходов церкви, осенило «небесное» вдохновение: они решили, что подвигами Христа, апостолов и святых создан особый неисчерпаемый фонд благодати, частицы которой, обладающие чудесной силой искупления грехов, могут

быть уступлены желающим — разумеется, за наличные деньги. Сначала папские грамоты — индульгенции давали отпущение за уже совершённые грехи, но вскоре церковники дошли до такого бесстыдства, что стали продавать — конечно, за повышенную плату — индульгенции вперёд, по отношению к грехам, которые ещё не были совершены. Народные массы смотрели с усиливавшимся возмущением и отвращением на циничную свистопляску католических церковников вокруг золотого тельца.

Развитая и богатая Чехия была для папской курии особенно важным источником дохода. В XIV веке всё чаще стала собираться «папская десятина» — особый сбор со всех церковных владений. Вся тяжесть этого налога ложилась на крестьян монастырей, епископств и архиепископства. Все церковные должности в Чехии распределялись (точнее, распродавались) папой. Ежегодно в Чехию прибывали группы монахов, которые усиленно торговали своими «святыми» товарами. Против вымогательств папской курии, против циничной спекуляции на религиозных чувствах народа и поднял свой голос Ян Гус.

Деятельность Гуса вызвала яростные нападки, а в дальнейшем и репрессии духовенства. Сначала его проповедь пытались стеснить и ограничить, затем Гусу запретили проповедовать, наконец, отлучили его от церкви. Но до поры до времени Гус не обращал внимания на беснования попов. Авторитет его всё возрастал. Ученики и последователи Гуса также пользовались вниманием и любовью народных масс.

На приказание явиться в Рим Гус ответил отказом, говоря, что «встревожился сатана и пришёл в движение хвост самого бегемота». В ответ на обвинения церковников Гус обращался к массам. В проповедях он отказался от непонятной для его аудитории мёртвой латыни и говорил по-чешски. Гус выдвинул тезис о том, что мирянам следует разрешить судить дела духовенства, что светские власти вправе отнять имущество у церкви. Продажу индульгенций Гус и его ближайший ученик и соратник Иероним Пражский клеймили позором и требовали её полного прекращения. Возбуждённые низы пражского населения активно выступили против индульгенций. В июне 1412 года городские низы, подмастерья, бедные студенты организовали на улицах столицы антипапскую демонстрацию. Во время шествия роль папы, раздающего

Иероним Пражский

на потеху народу бесплатные индульгенции всем желающим, выполняла одна из известных пражанам продажных женщин. Истинным организатором демонстрации был талантливейший ученик и друг Гуса — Иероним Пражский. Магистр четырёх европейских университетов, смело проповедовавший материалистическую идею о неуничтожимости материи, Иероним был замечательным оратором, прирождённым вожакom и организатором масс. Напуганные

власти не добрались до истинных виновников демонстрации, но трое молодых подмастерьев из числа участников шутовского шествия были схвачены и казнены.

Похороны казнённых превратились в повод для новой демонстрации. Тогда архиепископ Пражский решил одним ударом пресечь зло. На Гуса был наложен так называемый интердикт (отлучение от церкви). В случае, если бы он рискнул остаться в Праге, во всём городе прекратилось бы отправление богослужения и всех обычных церковных треб. Ввиду этого Гус решил принять «совет» короля Вацлава, который колебался между желанием использовать идеи Гуса для захвата церковных земель и страхом всколыхнуть революционную активность масс. Король не присоединился к преследованию Гуса и предоставил ему возможность уехать из столицы. Гус покинул Прагу и призвал своих слушателей и последователей не сдаваться и не допускать, чтобы «слуги антихриста утратили их своим неистовым тиранством». В обращении к пражанам Гус выражал свою непоколебимую веру в окончательную победу идей реформации.

В последние годы перед изгнанием из Праги Гус усилил критику учения католической церкви об индульгенциях, снова и снова выступая в своих проповедях и богословских трактатах против церковных богатств. Особенно важно учение об условном повиновении духовным и светским властям, которое Гус развивал в 1411—1412 годах. Гус утверждал, что, если епископы и вообще господа приказывают что-либо противоречащее священному писанию и истинам веры, подданный не обязан выполнять такое повеление. Это учение идеологически вооружало эксплуатируемые классы в борьбе против произвола и угнетения феодалов. Если прежде выступления Гуса были направлены в основном против разложившегося духовенства, то теперь в его произведениях звучали всё чаще иные нотки. Гус утверждал, что крестьянин по человеческому и божескому закону имеет неоспоримое и неограниченное право использовать по желанию и передавать по усмотрению имущество, накопленное его тяжёлым трудом. Гус выступал (начиная с 1406 года) против права «мёртвой руки» — против посмертных поборов, практиковавшихся феодалами, которые требовали у крестьян значительной и, во всяком случае, лучшей части унаследованного имущества.

В произведениях и речах Гуса звучало сочувствие к трудящимся и эксплуатируемым. Гус говорил о том, что короли, паны и рыцари, попы, епископы и прелаты обирают бедноту и «пасут своё брюхо в роскоши», высасывая кровь из простого народа. Основой общества Гус считал крестьян, которые своим трудом содержат все остальные сословия и во время войн защищают страну. Гус требовал максимального улучшения их положения. Однако Гус был всё же далёк от полного отрицания феодального строя.

Защищая интересы бедняков, Гус бичевал и купцов, он подчёркивал, что их доходы, как и доходы ростовщиков, нажиты неправедным, незаконным путём. Чрезвычайно прогрессивным для средневековья было требование Гуса об уравнивании в правах мужчин и женщин. Он проповедовал, что отношения между супругами должны быть основаны на равноправии и взаимном уважении. Гус подчёркивал ответственность родителей за воспитание детей. Проповеди Гуса находили горячий отклик в сердцах его слушательниц, и в дальнейшем немалое количество женщин приняло активное участие на стороне таборитов в решающих битвах Великой Крестьянской войны.

Желая сделать своё учение и свои проповеди как можно более доступными для самых широких масс читателей и слушателей, Гус стал ещё больше работать над своими произведениями. Он умело пользовался ярким, метким народным языком, широко употреблял поговорки, доступные простым слушателям сравнения и примеры. Большой труд выполнил Гус, исправляя существовавшие в то время чешские переводы библии. Энгельс давал высокую оценку значению переводов библии на языки европейских народов в конце средних веков, подчёркивая, что плебеи и крестьяне сумели превратить библию в мощное идеологическое оружие против князей, дворянства и попов. В своих произведениях и при редактировании библейского перевода Гус стремился пользоваться оформлявшимся в ту пору литературным общечешским языком и сам посильно способствовал его выработке. Гус упорядочил существовавшую тогда орфографию и создал чешское правописание, основные правила которого сохранились почти без изменения до настоящего времени.

Одновременно со всей этой разносторонней деятельностью Ян Гус уделял самое живое внимание и тогдашним политическим событиям. При этом он обнаружил широкий политический кругозор в оценке крупных международных событий начала XV века. Гус горячо ратовал за дружбу славян. Ещё до Грюнвальдской битвы, где объединёнными силами поляков, русских, украинцев, белорусов, литовцев и чехов был нанесён сокрушительный удар Тевтонскому ордену, Гус завязал отношения с польским королём Владиславом. Надо отметить, что чешские паны выступали в большинстве на стороне ордена, но народные массы горячо сочувствовали делу общеславянской борьбы против хищного агрессора. Получив после Грюнвальдской битвы специальное письмо от польского короля, Гус в ответном послании ему писал о справедливой борьбе славян против иноземных поработителей.

О неослабном внимании Гуса и его сторонников к братским славянским народам свидетельствует также поездка Иеронима Пражского в Польшу, Литву и русские города. Учитывая, что это путешествие происходило в 1412—1413 годах, то есть в годы, когда Гус находился в изгнании, можно предполагать, что целью поездки его верного соратника была попытка укрепить тесные связи с восточными соседями чехов и с великим русским народом.

Иероним побывал кроме Польши и Литвы в Пскове и Витебске. Здесь он носил русский костюм, бывал в русских церквях. И в Польше, и в Литве, и на Руси Иероним выступал с проповедями перед простым народом, а о последствиях таких выступлений можно судить, например, по тому, что время его пребывания в Кракове совпало с обострением борьбы городских низов против местного патрициата.

После отъезда из Праги в деятельности Гуса начался новый период. Он характеризуется окончательным разрывом с католической церковью, сближением с народом, вследствие чего от Гуса отшатнулись многие его прежние сторонники из рядов феодальной верхушки. Находясь на юге Чехии, в Козьем Замке, Гус снова окунулся в народную стихию и, как Антей, силы которого увеличивались при каждом прикосновении к матери-земле, в единении с на-

родом почерпнул новую решимость и мужество идти в своей борьбе до конца.

Ещё в Праге слушатели Гуса состояли в значительной части из плебеев. На его проповеди около Козьего Замка массами сходились крестьяне из окрестных сёл. Гус выступал на Юге почти исключительно перед народной аудиторией. Крестьяне жадно ловили слова своего земляка, ставшего знаменитым учёным и проповедником, и делали из них свои выводы. Сам Гус писал о своей деятельности в это время: «Прежде я проповедовал в городах и на улицах, а теперь выступаю около изгородей, около замка, который называется Козий, на дорогах и просёлках». Пребывание Гуса на Юге, несомненно, способствовало повышению революционной активности южночешского крестьянства и было одним из факторов, подготовивших его выдающуюся роль в событиях Великой Крестьянской войны.

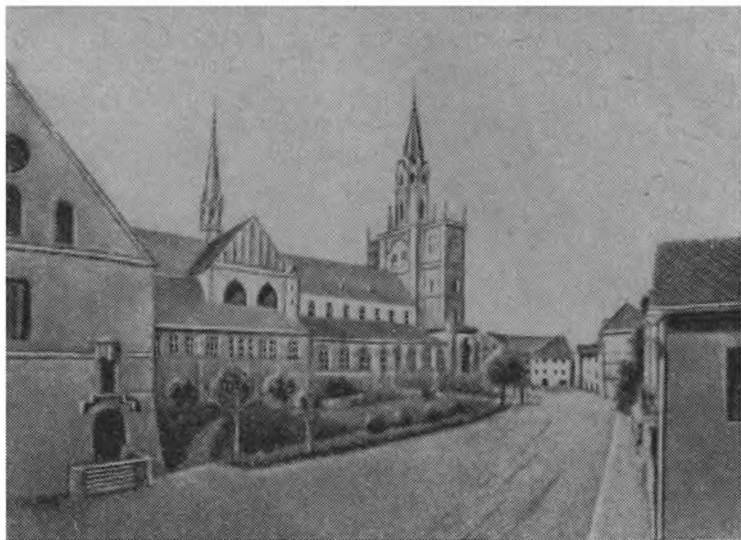
В подготовке Великой Крестьянской войны деятельность Яна Гуса, тесно связанная с борьбой народных масс, занимала особое место. Гус был представителем бюргерской реформации. Он не отрицал необходимости церковной организации, догматов и таинств католической церкви. Критика феодальных отношений в его произведениях никогда не доходила до призывов к уничтожению насильственным путём феодальной собственности и феодальной эксплуатации. Тем не менее значение деятельности Гуса оказалось гораздо более широким и действенным, чем этого можно было ожидать от представителя бюргерской оппозиции. Это объясняется особенностями положения Чехии на рубеже XIV—XV веков, где социальные противоречия неразрывно переплетались с национальными и католическая церковь была ненавистна подавляющему большинству населения. Начав свою проповедническую деятельность с разоблачения отдельных пороков духовенства и защиты прав чешского народа против иноземного засилья, Гус в дальнейшем неуклонно приближался к левому, плебейскому крылу общенародного антикатолического движения. Учение Гуса возникло в такой момент, когда бюргерская и плебейская оппозиции ещё во многом были тесно связаны. По мере того, как обострение классовой борьбы в стране способствовало созреванию плебейской оппозиции с её собственными целями и задачами, Гус терял сочувствие короля, панов и универ-

ситетских магистров и, напротив, приобретал растущую любовь и симпатии чешского бюргерства, плебса и крестьян, а также мелкой шляхты. Таким образом, Гус был идеологом бюргерской реформации на том этапе её развития, когда бюргерская оппозиция, отделяя себя от требований наиболее революционных элементов, всё ещё не противопоставляла себя тем крайним выводам, которые делали из её в общем довольно туманных положений эксплуатируемые — крестьяне и плебс.

Одновременно с Гусом в Праге уже были проповедники, которые, разделяя в основном его взгляды, в то же время шли значительно дальше. К их числу относились Николай и Пётр из Дрездена. Николай Дрезденский проповедовал в Праге уже с первых лет XV столетия. За свои выступления против продажных патрициев он попал в 1405 году в тюрьму и был выпущен только через два года. Николай в более резкой форме, чем Гус, выступал за отнятие у церкви её земельных владений, при этом в отличие от Гуса призывал к тому, чтобы эти земли были розданы бедноте. Он требовал возвращения к первоначальной церкви и учил, что каждый человек и даже женщина свободно могут проповедовать слово божье. Для исправления образа жизни монахов он предлагал перевести монастыри из городов и обязать монахов заниматься земледельческим трудом. Он был одним из первых, кто отстаивал требование причащения вином для мирян. С подобной проповедью выступил и Пётр из Дрездена. Революционную агитацию в Праге вел Иероним Пращский, а также многие безвестные вожаки народно-еретических сект, существование которых, в особенности на Юге, никогда не прерывалось.

Деятельность Николая и Петра из Дрездена, а также других проповедников продолжалась и в годы, когда Гус был изгнан из Праги. Эта деятельность была доказательством того, что движение, провозвестником и идеологом которого был Гус, носило народный характер.

Общее положение католической церкви не на шутку начинало тревожить верхи феодального общества. Во многих странах Европы разнузданная жадность и грязный разврат духовенства переполнили чашу народного терпения. Наиболее предусмотрительные среди самих церковников выдвигали мысль о необходимости подремонтировать обветшавшее здание церкви, для того чтобы она

Констанц

могла и в дальнейшем удерживать угнетённые массы в повиновении. С этой целью церковь решила прибегнуть к испытанному средству — созвать общеевропейский собор. Местом работы собора был избран южноимперский город Констанц¹. Со всех сторон Европы в Констанц потянулись послы от королей и князей, прелаты, аббаты и магистры. В совещаниях собора участвовали (впрочем, не всегда одновременно) три патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, около 150 епископов, более 100 аббатов и около 300 университетских магистров. На соборе присутствовали император, посланцы десяти королей, курфюрсты, князья, графы, каждый из которых привёз с собой огромную свиту.

В Констанц потянулись толпы авантюристов, музыкантов, фокусников, бродяг, проституток. «Отцы собора» соперничали между собой в роскоши и разврате.

Собор, открывшийся в ноябре 1414 года, должен был решить три главные задачи: «дело веры» — защита католического учения от ересей; «дело единства» — восста-

¹ В настоящее время Констанц находится на территории Швейцарии.

новление единства католической церкви и прекращение раскола; «дело реформы» — вопрос о преобразованиях церкви. На собор явились император Сигизмунд и папа Иоанн XXIII. Папа не хотел обсуждения вопроса о каких-либо преобразованиях церкви. В то же время он имел все основания опасаться, что для прекращения раскола церковники могут пойти на низложение всех своих пап и на избрание нового. Поэтому Иоанн прилагал все усилия к тому, чтобы отсрочить решение двух последних вопросов, и стремился выдвинуть на первое место «дело веры».

Среди ересей наиболее опасной для господствующей церкви была, безусловно, «ересь Гуса». Собор, подстрекаемый папой, занялся прежде всего разбором обвинений, выдвинутых против чешского реформатора. Ещё до открытия собора Гус получил приказание явиться в Констанц. Император обещал дать ему охранную грамоту, которая обеспечит его личную безопасность и гарантирует ему возвращение на родину. Гус решил ехать на собор. Перед лицом всего мира он хотел защищать своё учение, разоблачить подлинное лицо разложившегося католического духовенства. Хотя Гус сомневался в том, что его выступления будут способствовать исправлению церкви, он всё же считал долгом повторить свои обличения перед лицом собора представителей всей католической церкви.

Уезжая на собор, Гус знал, что в Чехии остаётся много верных его последователей. В то же время он понимал, что лично ему угрожает серьёзная опасность. Поэтому, покидая Чехию, он составил завещание, а в специальном послании к своим сторонникам призвал их быть твёрдыми и последовательными защитниками своих убеждений.

Путь Гуса в Констанц был триумфальным шествием чешского реформатора. Везде в Германии толпы народа стекались, чтобы послушать знаменитого обвинителя католического духовенства или хотя бы поглядеть на него издали. Народные массы не верили клеветническим слухам о Гусе и его учении, которые специально распространяли папские приспешники. Принадлежность к другой нации не мешала немецким трудящимся видеть в Гусе смелого борца против феодальной реакции. Социальное содержание его учения было близко народным массам Германии. Это подтверждается тем, что революционные выступления немецкого крестьянства в XV—XVI веках были самым тесным образом связаны с гуситским движе-

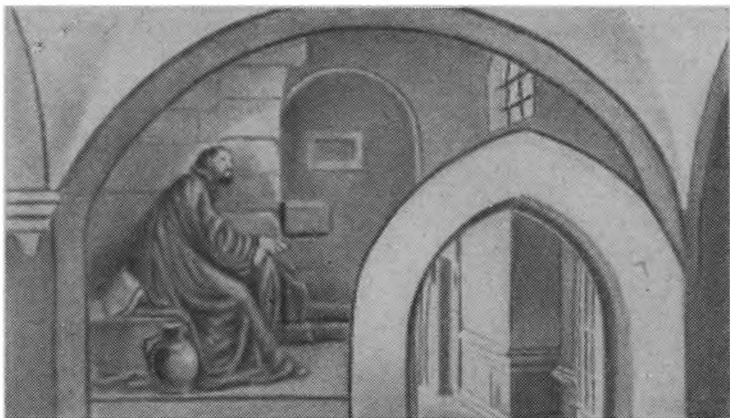
Дверь дома Гуса в Праге

нием и его славными боевыми традициями. 3 ноября 1414 года, когда Гус въезжал в город, откуда ему уже не пришлось выехать, его встретила огромная толпа народа. Однако эта демонстрация сочувствия народных низов вызвала бешеное озлобление врагов Гуса. Присутствовавшие в Констанце Михаил из Немецкого Брода и Штефан Палеч требовали от собора немедленной расправы с опасным еретиком. Собор не осмелился сразу схватить Гуса. Более того, комедия обмана и лицемерия продолжалась: Гусу была торжественно вручена охранная грамота с печатью Сигизмунда, а папа Иоанн XXIII снял с него церковное отлучение и даже пообещал ему своё покровительство. Однако в Констанце Гус был оторван от родного чешского народа, неразрывное единение с которым составляло его главную силу. В этом была его трагедия, когда феодально-католическая реакция перешла в наступление. На двадцать пятый день после приезда Ян Гус был арестован. Его заковали в тяжёлые железные цепи

и бросили в подвальную тюрьму при одном из констанцских монастырей.

Исключительно тяжёлые условия заключения — сырая и смрадная камера Гуса находилась глубоко в подземелье, рядом со сточной трубой — не поколебали его веры в правоту и окончательное торжество своего дела. В ответ на требования собора о безусловном отречении от «еретических заблуждений» Гус настаивал на необходимости подробно рассмотреть его взгляды по существу. На соборе разгорелась борьба по вопросу о том, как поступить с чешским реформатором. Наряду с католическими изуверами, требовавшими немедленной расправы, даже среди членов собора нашлись люди, не боявшиеся говорить о своём сочувствии Гусу. Император, который своими лживыми обещаниями заманил Гуса в ловушку, теперь требовал осуждения опасного еретика. Однако собор, напуганный прокатившейся по Чехии волной протеста по поводу ареста Гуса, боялся немедленно приступить к расправе. Католические инквизиторы считали, что выгоднее заставить Гуса отречься от своего учения, так как этим будет внесён раскол не только в чешское движение, направленное против феодально-католической реакции, но и в общеевропейское. В начале второго десятилетия XV века происходило резкое обострение классовой борьбы в Англии и во Франции. По условиям времени эта борьба была тесно связана с антицерковными выступлениями, причём народные массы воодушевлялись идеями, весьма близкими к взглядам Гуса. Особенно опасный характер приобрело восстание городских низов Парижа. Ввиду этого «отцы собора» переводили Гуса из одной тюрьмы в другую, а сами разбирали другие вопросы. Прежде всего нужно было заняться прекращением «великого раскола», который слишком явно обнажал перед всем миром гниение католической церкви.

Пока Гус находился в заточении, собор низложил Иоанна XXIII. Ловкий и пронырливый папа, имевший опыт разбойных дел в молодости, решил вспомнить старину. Весной 1415 года, убежав из Констанца, он стал собирать отряды своих сторонников. Однако папа вскоре был схвачен, публично лишён сана и по иронии судьбы помещён в том же замке, где томился в заключении Гус. Разумеется, низложенный папа находился в несравненно

Гус в тюрьме доминиканского монастыря в Коцстанце
(фреска)

лучших условиях, хотя и был изобличён в целом ряде вопиющих преступлений.

Низложив Иоанна XXIII, собор снова занялся делом Гуса. От Гуса требовали безусловного отречения от всех тех взглядов, которые клеветнически приписывались ему врагами. Но Гус считал, что такое огульное отречение означало бы признание справедливости обвинений. Он неоднократно заявлял, что готов отказаться от любого из действительно принадлежащих ему мнений, если будет доказано, что это ересь. Но попы менее всего хотели обсуждать на заседаниях собора обвинения, выдвигаемые им против церкви. Гусу не давали возможности опровергать обвинения, оправдываться и даже вообще выступать. Попы орали, ругались, свистели, топали ногами при всякой попытке обвиняемого выступить по существу предъявленных обвинений. Мнения и взгляды Гуса злонамеренно искажались. Ему стали приписывать много такого, чего не было ни в его произведениях, ни в проповедях. Наконец, 6 июля 1415 года Гус был осуждён, лишён священнического сана и передан, как лицемерно выражались инквизиторы, «в руки светского правосудия». Сигизмунд полностью поддержал собор. После окончательного отказа раскаяться Гус был передан в руки палачей. Но и это не повлияло на его решимость. «Какими глазами взгляну

я на небо, как подниму взор на всё многолюдство народа,— говорил Гус,— если по вине моей слабости колеблются их убеждения? Могу ли я ввести в соблазн столько душ, которым я проповедовал?» Так в последние минуты своей жизни великий чешский реформатор думал о народе, взгляды и чаяния которого он выражал, которому он посвятил свои произведения и проповеди и которому отдал свою жизнь.

6 июля 1415 года Гус был выведен за город и сожжён живым. Он умер мужественно, сохраняя непоколебимую стойкость духа и верность своим убеждениям.

Ещё в мае 1415 года католическая реакция заполучила в свои руки и другого выдающегося деятеля чешской реформации. Верный сподвижник Гуса Иероним, рассчитывая, что на соборе предстоит обычное разбирательство, и надеясь на силу своих доводов и своего красноречия, также прибыл в Констанц, чтобы поддержать Гуса. Убедившись вскоре, что здесь предстоит не суд, а кровавая расправа, Иероним решил вернуться в Чехию, но уже у самых границ он был схвачен, привезён в Констанц, подвергнут допросу и также брошен в тюрьму. Здесь он находился в ещё более тяжёлых условиях, чем Гус. Иеронима сковали по рукам и ногам таким образом, что он не мог выпрямиться. Цепи были тяжелы, и от постоянного раздражения под оковами образовались гноящиеся раны. Желая обмануть своих судей и выиграть время, Иероним сначала согласился было отречься от своих взглядов, но потом устыдился минутной слабости и стал горячо отстаивать свои убеждения. Иероним проявил в своих последних выступлениях исключительную эрудицию и силу мысли. Слушавший его замечательные речи современник свидетельствует, что они вызывали невольное восхищение даже у его злейших врагов. «Можно было подумать,— пишет он,— что этот муж весь год своего заключения провёл в полном спокойствии и только то и делал, что сидел над книгами». После того как попытка подкупить Иеронима обещаниями оказалась такой же неудачной, как и попытка запугать его ужасами казни, он был передан в руки светской власти и сожжён 30 мая 1416 года.

Поведение Гуса и Иеронима во время суда и казни показало их неизмеримое моральное превосходство над собором и произвело неизгладимое впечатление на всех присутствующих. Даже будущий папа Пий II, в ту пору

Казнь Гуса
(миниатюра XVI века)

ещё просто Эней Сильвий Пикколомини, писал, что и в античные времена не было мудреца, который бы умер с таким мужеством, как Иероним.

После жестокой и коварной расправы с вождями чешской реформации собор занялся другими вопросами. Феодално-католическая реакция праздновала победу. Но знамя, поднятое Гусом, не упало после гибели его и Иеронима. Причина заключалась в том, что Гус и Иероним были выразителями идей и стремлений, отражавших коренные интересы трудящихся. Заслуга Гуса состоит в том, что он чувствовал настроения, волновавшие народные массы. Идеи антифеодальной борьбы, даже будучи ограничены религиозной оболочкой, находили доступ к народным массам и революционизировали их. Учение Гуса будило мысль народа, и массы делали из него значительно более революционные выводы, которые в свою очередь активизировали энергию масс и поднимали в итоге их классовую борьбу на высшую ступень. Превращаясь в огромную материальную силу, идеи антифеодальной борьбы становились мощным рычагом общественного развития. Католическая реакция могла расправиться с отдельными личностями, но она оказалась бессильной перед лицом восставшего народа.

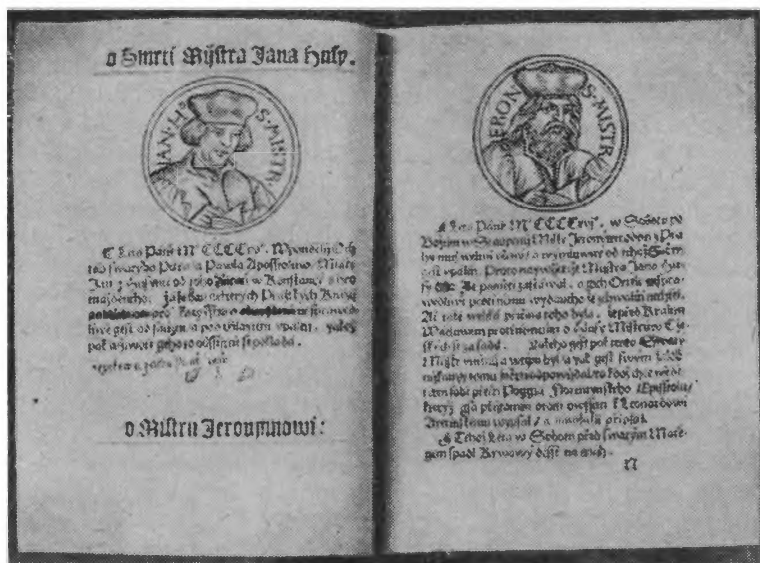
В XIV и начале XV века феодальная Чехия переживала заметный подъём производительных сил. Увеличивалось количество производимых крестьянами сельскохозяйственных продуктов, развивались горное дело и городские ремёсла, усиливался постоянный хозяйственный обмен между городами и сёлами. Рост товарного производства отражался на положении всех классов общества.

В таких условиях развитие феодального хозяйства Чехии отличалось исключительной сложностью. Перед феодальной вотчиной в соответствии с ростом производительных сил и развитием товарно-денежных отношений открывались две возможности. С одной стороны, феодал, увеличивая свою запашку, мог максимально повысить барщину крестьян. С другой стороны, перед ним открывалась возможность, не забрасывая хозяйства на своём домене, усилить эксплуатацию непосредственно крестьянских хозяйств путём повышения чинша и прочих денежных поборов.

Если первый путь искусственно сохранял наиболее примитивные и застойные формы феодальной эксплуатации, то продвижение по второму пути ускорило бы прогрессивное развитие феодальной Чехии в целом. Первый путь был путём феодальной реакции и вызывал особенно сильное сопротивление крестьянства. Но и в первом и во втором случаях увеличение доходов феодалов шло за счёт усиления феодальной эксплуатации.

Усиление феодальной эксплуатации приводило к значительному ухудшению положения крестьян. Ухудшалось и положение городского плебса. Это вызывало усиление классовой борьбы. Разрозненность, неорганизованность и темнота народа до поры до времени помогали феодалам удерживать его в подчинении.

Однако к началу XV века положение феодалов в Чехии было таково, что выступление их сомкнутым фронтом и на всех участках против штурмующих основы феодализма крестьян оказалось уже невозможным. Не было единства интересов между крупными и мелкими феодалами. Назревал острый конфликт между духовными и светскими феодалами. Кроме того, феодалы втягивались

Изображение Гуса и Иеронима
(книга XVI века)

в острую национальную борьбу, проходившую в стране. Средоточием этой национальной борьбы были города, где чешское бюргерство, опираясь на поддержку плебса, пыталось вырвать экономические преимущества и политические привилегии из цепких рук немецкого патрициата. Наконец, нельзя забывать, что усложнение международной обстановки и столкновения между королём и частью магнатов также ослабляли те силы, которые класс феодалов в целом мог противопоставить мощному народному движению.

Всё это привело к тому, что создались условия для выступления народных масс, не имевшего равного во всей предшествующей истории феодальной Европы.

Особенностью назревавшего социального и национального конфликта в средневековой Чехии было то, что ненависть народа направлялась прежде всего против католической церкви, которая являлась крупнейшим феодалом в стране и в то же время была краеугольным камнем всего феодального здания. Бесконечно возраставшие поборы, разврат и лицемерие католического духовенства

приводили к тому, что и мелкая чешская шляхта видела в церковниках своих врагов. Паны и сам король были также не прочь захватить огромные богатства епископов и монастырей. В таких условиях классовая борьба усложнялась антикатолической и антицерковной борьбой, в которой на первых порах принимали участие, разумеется, в различных формах и в разной степени все сословия феодальной Чехии, объединённые общей ненавистью к гигантскому католическому спуту, щупальца которого охватывали всю страну. Борьба против господства католической церкви тесно переплеталась с острой национальной борьбой. Среди верхушки духовенства большинство составляли иноземцы — немцы и итальянцы.

Идеологом назревавшей борьбы явился Ян Гус. По характеру требований проповедь Гуса была бюргерской, но по мере обострения классовой борьбы в стране Гус критиковал католическую церковь всё более остро и непримиримо. Его учение заключало в самом общем виде и требования плебеев и требования крестьян. По мере того как интересы эксплуатируемых всё дальше отходили от умеренных стремлений бюргерства, сам Гус всё более приближался к массам.

Деятельность Гуса способствовала оформлению в Чехии двух враждебных лагерей. В феодально-католическом лагере оказались вместе с иноземными прелатами и аббатами также и верхушка онемеченной знати и немецкий патрициат городов. С некоторыми колебаниями к этому лагерю примкнул в конце концов и король, пытавшийся вначале лавировать между борющимися. В национальном и антикатолическом лагере нашли своё место на этом этапе движения разнородные элементы. Основу этого лагеря составляли крестьяне и плебеи. Борьба масс носила объективно антифеодальный характер и делала весь антикатолический и национальный лагерь революционным.

В выступлениях Гуса против попов, в его призывах к борьбе против иноземного гнёта эксплуатируемые массы чешского народа слышали сигнал к восстанию, потому что для них всякая борьба за улучшение своего положения неизбежно должна была вылиться в форму расправы с ненавистными угнетателями. Бюргеры и шляхта примкнули к движению, желая положить конец засилью иноземцев и могуществу попов. Наконец, оказавшаяся вре-

менно в этом же лагере часть панов стремилась лишь к захвату церковного имущества. В том, что лагерь, идеологом которого был Гус, мог объединить такой разнообразный и пёстрый состав участников, была его сила. Но в этом был и зародыш слабости: по мере развёртывания борьбы от движения неизбежно должны были отойти все, кроме эксплуатируемых, то есть кроме крестьян и городской бедноты.

Проповедь Гуса возбуждала против него жестокую, непримиримую вражду всего феодально-католического лагеря. Гус был предательски схвачен и казнён. Вместе с ним погиб и его верный соратник Иероним Пражский. Чешская реформация, являвшаяся подготовительным этапом ко всеевропейской реформации, была обезглавлена. Но феодально-католическая реакция рано праздновала победу. Католические изуверы могли сжечь Гуса, могли бросить его пепел в Рейн, но ничем не могли задержать развитие мощного народного движения, которое назревало в Чехии. Напротив, гибель Гуса была воспринята народными массами как сигнал к вооружённой расправе с ненавистным католическим духовенством, а заодно и со своими угнетателями-феодалами вообще. Не прошло и 5 лет после расправы феодально-католической реакции с Гусом и Иеронимом, как Чехия оказалась ареной одного из величайших в истории крестьянских восстаний.

Искры костров, на которых сгорели тела Гуса и Иеронима, разожгли пожар, который всеевропейская феодально-католическая реакция не могла потушить в течение более десятка лет.

НАЧАЛО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ЧЕХИИ ТАБОРИТЫ И ЧАШНИКИ.

(1419 — 1420 годы)

Сожжение Яна Гуса и Иеронима Пражского вызвало в Чехии возмущение во всех слоях народа. По всей Чехии прокатилась волна народных выступлений против католического духовенства. Крестьяне в сёлах, городская беднота в местечках и городах при сочувствии и порой при прямом участии отдельных чешских бюргеров врывались в церкви и монастыри, избивали попов и монахов, низвергали и выбрасывали из церквей и часовен предметы католического культа и церковную утварь. Подъём народного движения использовали земаны, а иной раз и паны для того, чтобы свести старые счёты с духовными феодалами и захватить монастырские земли. Католические земаны и паны не отставали в этом отношении от всех объявивших себя сторонниками Гуса. «Правоверные» католики совершали захваты под предлогом «защиты» церковных земель.

Народные волнения приняли в Праге настолько острый характер, что тогдашний архиепископ Конрад дол-

жен был покинуть город. Возмущение народа направлялось также против предателя Сигизмунда, завлѣкшего Гуса в констанцскую западню и выдавшего его на казнь «благочестивым отцам святого собора». Антицерковное движение повсеместно поддерживали широкие слои чешского бюргерства; они особенно возмущались тем, что иноземные кардиналы не только казнили Гуса, в котором они видели выразителя своих интересов, но и объявили всех его последователей еретиками. По всей Чехии стало стихийно распространяться причащение мирян из чаши, которое получило поддержку Гуса в одном из писем, написанных им в констанцской тюрьме. При этом католических попов изгоняли и заменяли сторонниками Гуса, а их дома и имущество переходили к бюргерам или низам городского населения.

Возмущение лицемерием Сигизмунда и жестокостью собора стало распространяться и среди представителей господствующего класса: чешские феодалы рассчитывали, что, поддерживая учение Гуса, они смогут округлить свои земельные владения за счёт церкви. Группа чешских феодалов составила специальное послание к собору, в котором они, отвергая обвинения в ереси, подчёркивали, что казнь Гуса является оскорблением, нанесѣнным всем чехам. К этой грамоте привесили свои печати 452 феодала. В их числе были главным образом представители земанов, а также 58 панов, большая часть которых мало отличалась по своему имущественному положению от земанов. Через несколько дней большинство подписавших протест феодалов заключило между собой союз. Члены союза обязывались не препятствовать на территории своих владений свободной проповеди «слова божия». Они договорились также о том, что во всех спорных церковных вопросах они будут следовать решениям, которые примет Пражский университет. Подписавшие протест паны и земаны под предлогом борьбы с духовенством стали активно захватывать церковные и особенно монастырские земли, которые лежали по соседству с их владениями. Даже король Вацлав публично выражал своё возмущение по поводу казни Гуса, хотя в своё время не сделал ни малейшей попытки облегчить его участь.

В ответ на действия сторонников реформации зашевелились и приверженцы папы и собора. Паны-католики тоже заключили между собой союз для совместной

защиты своих интересов и принесли присягу на верность католической церкви и решениям Констанцкого собора. Они выступали в союзе с католическим духовенством и верхушкой городского патрициата. Так завершалось начавшееся ещё накануне издания Кутногорского декрета формирование в Чехии двух враждебных политических лагерей.

Под знаменем национальной борьбы и церковной реформы сплотились сторонники Гуса, с гордостью называвшие себя гуситами. Классовый состав этого лагеря отличался значительной пестротой. С самого начала внутри его наметились более радикальные и более умеренные группировки. Им противостоял лагерь феодальной реакции, идеологическим знаменем которого было ортодоксальное католичество. Несмотря на неустойчивость первоначально примыкавшей к гуситам части феодалов и вопреки известной организационной рыхлости и текучести обоих лагерей, оформление их было показателем небывалого прежде в Чехии подъёма и обострения социальной и национальной борьбы.

Король Вацлав колебался между этими политическими направлениями. Католический лагерь возглавил архиепископ Пражский, который наложил интердикт на Прагу (ноябрь 1415 года). Однако к этому времени большинство пражских приходских священников уже состояло из числа последователей Гуса. Они продолжали свои проповеди и богослужения, не взирая на архиепископский интердикт.

С течением времени народное возмущение против католической иерархии и её представителей не только не затихло, но разгорелось с новой силой. Во многих местах страны крестьянские выступления приобрели характер мелких стихийных восстаний. Руководимые предводителями, имена которых по большей части остались неизвестными, крестьяне выступали против попов, монахов, монастырских управителей и аббатов. Иногда крестьянские выступления были направлены против наиболее ненавистных светских феодалов. Часто дело доходило до разрушения церквей и монастырей. Крестьяне захватывали монастырское имущество, поджигали господские дворы и хлеб, угоняли скот. Крестьянское движение разгоралось всё более и более, распространяясь на значительную часть территории Чехии. В 1415—1419 годах главным центром революционных выступлений являлся

юг Чехии — Прахенский, Бехинский, Будеевицкий края. В эти же годы по городам Чехии прокатилась волна плебейских выступлений: в Писеке, Клатови, Жатце, Пльзне, Лоуни, Сезимове Усти и других городах народ поджигал монастыри, изгонял католических монахов. Церковников, особенно ненавистных народу, подвергали наказанию. Так было в Писеке в 1416 году. Несколько ранее в Быджове городские ремесленники (документы называют портных и суконщиков) избили священников и опустошили монастырь

Народные выступления этих лет проходили под лозунгами верности идеям Гуса и Иеронима, память о которых была священной для народа. В ходе событий выдвинулось большое количество народных проповедников. Враги движения с пренебрежением и злобой указывали на то, что среди этих ораторов можно найти крестьян, недавно ходивших за плугом, сапожников и портных, ткачей и других ремесленников, даже чернорабочих и подёнщиков. Но эти простые люди, лишённые специальных богословских знаний, были воодушевлены ненавистью к угнетателям и их пособникам. Недостаток книжного образования они возмещали искренностью и энтузиазмом. Они были плотью от плоти народа; народ с восторгом слушал их проповеди и шёл за ними. Среди народных проповедников были безместные священники, беглые монахи, а иной раз и обнищавшие бюргеры, деклассированные шляхтичи, даже магистры. Стихийный протест против эксплуататоров они стремились оправдать с помощью аргументов, почерпнутых из библии, из произведений и проповедей Гуса, а также собственными дополнениями.

Одной из наиболее ярких фигур являлся в этот период священник Вацлав Коранда, участник революционных событий в крупнейшем городе юго-западной Чехии — Пльзне. Коранда решительно выступал против внешних атрибутов католического богослужения и обрядов, а также против церковного землевладения. В иконах, статуях, ризах и других священных изображениях и предметах он усматривал идолопоклонство и к величайшему возмущению не только правоверных католиков, но и умеренных гуситов выбрасывал их из церквей без всякого сожаления. Коранда отрицал необходимость большинства католических обрядов. Его обвиняли в том, что он толкует священное писание, повинаясь лишь разуму. Вацлав

Коранда обнаружил большие организаторские способности. В 1419 году Пльзень находился фактически в руках его сторонников. По всему Пльзеньскому краю Коранда рассылал проповедников, которые должны были поднимать народ на борьбу. Так требования плебейской части гуситского движения, впервые прозвучавшие в проповедях Николая Дрезденского, нашли в деятельности Коранды одного из самых замечательных своих выразителей.

Важным центром гуситов на юге Чехии был город Сезимово Усти. Недалеко от него, в Козьем Замке, в своё время нашёл приют Ян Гус, вынужденный покинуть Прагу. С давних пор сёла в окрестностях Усти были главными очагами народных ересей на юге Чехии. Ещё в те времена здесь складывались традиции совместных выступлений городской бедноты с крестьянами и совместной борьбы чехов с немцами. В этот период Сезимово Усти становится сборным пунктом гуситских проповедников Юга. Здесь проживали пражские магистры и проповедники Ян Ичин, Пётр Каниш, Быдлин и многие другие.

Своеобразной формой народного протеста, свидетельствовавшей о растущем размахе и организованности движения, были в этот период так называемые «хождения на горы». Крестьяне собирались многотысячными массами и под руководством народных проповедников отправлялись на горы. Там под открытым небом произносились проповеди, совершалось богослужение, причём причастие происходило по гуситскому обряду. Во время собраний на горах крестьяне слушали пламенные речи и призывы народных проповедников. Народные проповедники использовали в своих обращениях к народу и такое средство воздействия, как рассказ о якобы явившихся им видениях, всяческие пророчества и т. п. В условиях того времени это было серьёзным средством, с помощью которого народные массы подводились к мысли о неизбежности и необходимости активной борьбы с греховным миром. Многие проповедники прямо призывали «омыть свои руки в крови нечестивых». Хождения на горы укрепляли связи между крестьянами разных сёл и районов. Собрания крестьян на горах были школой боевой организации. Именно здесь складывалось ядро будущих крестьянских отрядов. Проповеди будили и воспитывали чувство классовой солидарности, укрепляли решимость крестьян бороться против феодального гнёта. В некоторых случаях часть крестьян не рас-

ходила с мест собрания, живя иной раз по несколько дней в палатках или под открытым небом. Участники собраний называли себя братьями и сёстрами. Они делили между собой продукты питания и одежду, закладывая тем самым основы существовавших впоследствии у таборитов принципов потребительского коммунизма. Вместе с тем хождения на горы свидетельствовали о широком охвате крестьянских масс революционной пропагандой, имевшей по условиям времени религиозную форму.

В этот период принимала отчётливые очертания и антифеодальная программа крестьян. Народные проповедники требовали от имени крестьян отмены всех феодальных повинностей, в первую очередь тех, которые выжимало жадное католическое духовенство. Они призывали народ к уничтожению сословных привилегий и установлению равенства всех людей, в том числе и женщин. Наиболее последовательные требовали уничтожения феодального государства и королевской власти.

Эта программа борьбы отражалась и в замечательных народных песнях, которые складывались в этот период. Песни чешского крестьянства и городских низов служили мощным средством массовой агитации. Они выражали стремления и чаяния народных масс. Многие из этих песен сохранились в Чехии до наших дней. Среди народных авторов этих песен выделялся проповедник Чапек.

Излюбленными местами крестьянских собраний были горы, получившие от участников собраний библейские названия Фавор и Хорив (в чешском произношении соответственно Табор и Ореб). Гора Табор находилась недалеко от Сезимова Усти, Ореб — в восточной Чехии, недалеко от города Кралёвого Градца. Организатором и вожаком собраний на этой горе был бедный священник Амброж. Из других гор, служивших центрами крестьянских собраний, надо назвать Крестовую гору (южнее Праги).

Хотя хождения на горы носили в подавляющем большинстве случаев характер мирных демонстраций, они были серьёзным предостережением для феодалов. Участники этих собраний отказывались выполнять обычные повинности в пользу феодалов, прекратили платить чинши и всевозможные поборы. Они требовали полной свободы проповеди для всех. Было очевидно, что такие собрания являются прелюдией к ещё более грозным выступлениям.

В эти годы король Вацлав и его окружение, напуганные усиливавшимся движением, постепенно отказались от всякого заигрывания с гуситами и перешли к прямым преследованиям их. Если в 1415—1417 годах король не противился замене католических попов гуситскими священниками, то теперь он, уступая неоднократным требованиям папы, собора и императора, прямо выступил на защиту католичества. В 1419 году Вацлав приказал восстановить католическое богослужение по всей Чехии и вернуть католическим попам их места и приходы. Это вызвало уличную демонстрацию в Праге и несколько позднее — усиление хождений на горы в её окрестностях и во всей стране.

Невиданной и неслыханной дотоле демонстрацией выросшего единства угнетённых, выражением их организованности явилось многотысячное собрание крестьян на Таборе в субботу 22 июля 1419 года. Современники называли, возможно, завышенную цифру в 42 тысячи крестьян, прибывших сюда из разных областей страны. Здесь собрались путники из окрестностей Сезимова Усти, Писека, Воднян, Нетолиц, Седльчан и из Пльзня. Были здесь и жители Праги, Домажлиц, Кралёвого Градца и уроженцы Моравии. На Таборе в этот день крестьяне и городская беднота принесли торжественную присягу защищать «слово божие», не щадя жизни. Крестьяне, собравшиеся на Таборе, готовились уже к активным действиям против феодалов, к борьбе с угнетателями.

Шпионы, посланные феодалами для того, чтобы проведать о действиях и планах собравшихся, доносили, что некоторые крестьяне требовали низложения короля и архиепископа. Сам Вацлав IV боялся, что его собираются заменить выдвинувшимся среди крестьян шляхтичем Микулашем из Гуси.

День 22 июля 1419 года с полным правом можно назвать началом Великой Крестьянской войны в Чехии.

Феодалы попытались террором прекратить хождения на горы. Паны из Рожмберка грозили участникам движения смертной казнью. Но никакие репрессии не могли остановить грозную поступь чешского крестьянина, расправившего свои могучие плечи и готовившегося к жестокой и решительной схватке со своими угнетателями.

Впрочем, и в это время дело доходило во многих случаях до вооружённых столкновений. Попытки феодалов

силой подавить крестьянское движение наталкивались на упорное, всё усиливавшееся сопротивление крестьян. В этих стычках выковывалась и закалялась боевая организация крестьян, складывались отдельные отряды составших, стихийно выдвигались их руководители, у крестьян стали появляться оружие и боевой опыт. Народные проповедники, всё больше завоевывавшие доверие масс, призывали не покоряться феодалам, звали к восстанию, к справедливой расправе с эксплуататорами.

С этого времени Табор превратился в опорный пункт начинающейся крестьянской войны. На смену одним крестьянам приходили другие, многие повстанцы оседали на Таворе на продолжительный срок, и тут складывался постоянный центр народного сопротивления феодалам.

Среди участников движения начали выделяться и отдельные представители шляхты, которые впоследствии стали военными руководителями восставшего народа. Одним из них был образованный и энергичный Микулаш из Гуси, обедневший земан, будущий первый гетман таборитов.

Сосредоточение сил начавшегося восстания происходило не только на горах, куда стекались народные массы. Проповедники утверждали, что от гибели, предстоявшей «погрязшему в грехах миру», уцелеют 5 городов, куда должны собираться все истинно верующие. Такими городами были объявлены Пльзень, Жатец, Лоуни, Клатови, Слани. В этих городах концентрировалась не только городская беднота, но и крестьяне окрестных сёл. К 5 городам присоединился и Писек, где народ восстал и разрушил 20 августа 1419 года доминиканский монастырь.

Особенно грозный характер имели события в Праге летом 1419 года. Здесь ещё с весны не прекращались народные волнения городских низов. Народный протест был направлен против попытки короля вернуть изгнанных из пражских приходов католических попов, которыми король хотел заменить избранников народа — гуситских проповедников. В дальнейшем король сместил городских коншелов и назначил на освободившиеся места сторонников ортодоксального католичества. Это вызвало новую волну протеста.

30 июля чаша народного терпения переполнилась. Пражский плебс вышел на улицы. Толпы бедноты жадно слушали пламенные речи народных проповедников. Представление об этих речах даёт выступление одного из бедных

пражских священников — Яна Желивского¹. В своей проповеди утром 30 июля Желивский говорил о необходимости восстания и вооружённой борьбы против «врагов божьих», под которыми он понимал эксплуататоров. Избрав темой проповеди евангельский текст о «неправедном правителе», Желивский клеймил короля Вацлава и прямо призывал к его свержению. Желивский выражал уверенность, что чехи будут поддержаны соседними народами, и указывал, что Прага «должна стать образцом для всех верующих не только в Чехии и Моравии, но и в Венгрии, Польше и Австрии». Когда предводительствуемые Желивским массы пражского люда проходили мимо здания ратуши, из окна был брошен камень, выбивший из рук Желивского дароносицу².

Возмущённый народ ворвался в здание ратуши и произвёл расправу с провокаторами; восемь коншелов, в том числе и вновь назначенные королём, были избиты и выброшены из окон прямо в толпу на подставленные копы.

Это событие — так называемая пражская дефенстрация — послужило началом открытого вооружённого восстания в Праге. Над городом загудел набат. Народ взялся за оружие. Народный гнев снова обрушился на католические церкви и монастыри. Восставшие стали уничтожать иконы, церковные облачения и утварь. Католических священников изгоняли из Праги, наиболее ненавистных избивали и убивали. Власть в Новом городе³ перешла к гуситам.

Известия о событиях в Праге быстро облетели близлежащие сёла и местечки и стали распространяться по

¹ О жизни и деятельности Желивского до событий 1419 года не имеется почти никаких источников. Обычно считают, что он родом из южной Чехии. В прошлом Желивский был монахом; обстоятельства его появления в Праге, где он был священником в церкви Марии Снежной в Новом Пражском городе, не известны. Произведения Яна Желивского почти полностью утрачены.

² Дароносица — церковная чаша, обычно богато украшенная, в которой во время богослужения, согласно верованиям христиан, происходит превращение вина в «кровь христову». Чаша была символом восставших гуситов, так как католические попы причащали мирян только хлебом; требование чаши, то есть причащения мирян также и вином, было своеобразным выражением требования равенства всех людей перед богом.

³ Средневековая Прага делилась на две самостоятельно управлявшиеся части, которые назывались Старым и Новым городом.

всей стране. Они были живым примером для крестьян и городской бедноты. Получив сведения о происшедшем, король Вацлав, проживавший в то время в одном из своих замков, пришёл в ярость. Король грозил жестоко расправиться с мятежниками, но ему помешала болезнь.

Во время июльского восстания в Праге народ выдвинул ряд талантливых руководителей. Одним из них был идеолог левого крыла гуситов, пламенный проповедник и выдающийся организатор масс Ян Желивский. Другим участником народного выступления был будущий герой освободительной борьбы чешского народа, разорившийся шляхтич Ян Жижка из Троцнова.

Ян Желивский был последователем Гуса, но развивал его учение применительно к требованиям плебейской оппозиции, в соответствии с изменением обстановки и в прямой связи с возросшей активностью и сознательностью масс. В своих выступлениях, которые снискали ему горячую любовь пражского плебса, Желивский учил, что власть и богатство принадлежат феодалам лишь до той поры, пока они не нарушают «слова божия». В последнем случае народ получает право на вооружённое сопротивление. Если добавить, что эксплуатацию Желивский считал смертным грехом и злостным нарушением «воли божьей», станет очевидным, что под религиозной оболочкой в его проповедях скрывался призыв к вооружённому сопротивлению эксплуататорам. Будучи идеологом городского плебса, Ян Желивский считал, однако, что крестьяне являются основой общества, и сравнивал их с ногами, которые держат на себе всё тело. Короля, панов, попов и в особенности монахов Желивский в своих произведениях уподоблял паразитам, называл их грабителями, отнимающими трудовой хлеб у бедняков. Желивский был первым, кто придал библейскому изречению «если кто не хочет работать, тот пусть и не ест» революционный смысл, направив его против эксплуататоров. В его лице перед нами выступает замечательный плебейский вождь, многими своими чертами напоминающий славного вождя Великой Крестьянской войны в Германии Томаса Мюнцера.

Вскоре после начала революционных событий в Праге умер король Вацлав. Это было в середине августа. Детей у него не было, и чешская корона должна была перейти к его брату Сигизмунду, королю Венгрии и императору Священной Римской Империи. Но Сигизмунд, предавший

Гуса, был настолько ненавистен народу, что с этим вынуждены были считаться даже феодалы. Помимо того, всем в Чехии было известно, что император — фанатический враг гуситского учения и один из инициаторов созыва Констанцкого собора. Ввиду этого Сигизмунд не отважился приехать в Чехию и назначил правительницей государства овдовевшую королеву Софию. Фактически власть находилась, однако, не в руках королевы, а в руках правительственного совета, который возглавлял крупный феодал Ченек из Вартенберка, один из панов, подписавших в своё время протест против казни Гуса, направленный Констанцкому собору. За протекшие годы он, подобно многим другим панам, успел присвоить немало монастырских владений и примкнул к умеренным гуситам.

К осени 1419 года положение в Чехии стало чрезвычайно сложным и напряжённым.

Моравские паны отделились от Чехии. Сигизмунд был признан в Брно, Знойме, Оломоуце и Йиглаве, а также в Силезии. В Моравию и Силезию были введены его наёмные войска. Даже ряд областей в собственно Чехии был занят Сигизмундом и германскими феодалами. Положение страны было очень тяжёлым. Но восставший народ смог справиться с этим.

Для приведения в порядок государственных дел, а в действительности для подавления развивавшегося восстания, пан Ченек распорядился собрать сейм. Решения сейма являлись важным документом, так как показали, что захватившие монастырские земли феодалы и сильно потеснившие в городах немецкий патрициат чешские бюргеры уже считали свои главные требования выполненными и готовы были идти на соглашение с феодально-католической реакцией при том условии, что их новые приобретения будут закреплены за ними на «законном» основании. Сейм подтвердил свободу проповеди, постановил раздавать впредь причастие под двумя видами, запретил называть Гуса и Иеронима еретиками, а также принял решение производить суд на чешском языке и не допускать иностранцев к занятию государственных должностей. На условии подтверждения этих решений сейм соглашался подчиниться Сигизмунду и признать его королём Чехии.

Но император не хотел и слышать ни о каких компромиссах с теми, кого он считал еретиками и мятежниками.

Он тянул переговоры, отвечал неопределённо и уклончиво, явно оттягивая время, чтобы собрать силы для расправы с восставшими.

Между тем из разных мест страны к Праге стали подходить отряды вооружённых крестьян. Народные проповедники призывали не признавать королём Сигизмунда и не подчиняться тому, кого они клеймили названием антихриста. Народные собрания на горах приобретали всё более и более революционный характер. Особенно большое значение имело собрание на Крестовой горе близ Праги 29 сентября 1419 года, где Вацлав Коранда призывал крестьян, собравшихся со всех концов Чехии, к вооружённой борьбе. «Вместо паломнического посоха,— обращался Коранда к народу,— ныне настало время взять в руки меч». Участники собрания на Крестовой горе двинулись к Праге. Они вступили в город ночью, при свете факелов. Над встревоженной столицей снова загудел набат. Крестьяне и присоединившийся к ним городской плебс врывались в уцелевшие церкви, выбрасывали и уничтожали иконы, избивали попов. Снова запылали монастыри и дома католического духовенства.

В ходе этих событий крестьяне объединились с городским плебсом. Совместно вырабатывали они и план дальнейших действий. На 10 ноября было назначено новое собрание в Праге. Всё более революционной становилась пламенная агитация Коранды, Желивского, замечательного проповедника Амброжа, а также названных выше Микулаша из Гуси и Яна Жижки. Жижка был мелким шляхтичем из села Троцнова в южной Чехии. Ещё в молодые годы ему пришлось столкнуться с произволом крупных магнатов. Он был близок к народу, знал его нужды и положение. Жижка был опытным воином. Есть основания полагать, что он принимал участие в Грюнвальдской битве, а ещё до этого возглавлял отряды, которые вели в южной Чехии вооружённую борьбу против Рожмберка.

Революционные события в Праге не на шутку всполошили феодально-католический лагерь. Регентша и Ченек из Вартенберка стали нанимать латников, собирая в Праге всё новые и новые военные силы. Кроме того, по мере развёртывания событий значительно уменьшился первоначальный энтузиазм зажиточных бюргеров. Напуганные растущей активностью масс, пражские бюргеры, считавшие, что они уже получили всё необходимое,

заключили в октябре 1419 года союз с регентством. К этому союзу стали примыкать прелаты и паны.

Усиление реакции немедленно сказалось на дальнейшем ходе движения: в начале ноября к Праге со всех сторон стали подходить новые отряды крестьян. Начальник королевских войск пан Пётр из Штернберка попытался силой задержать крестьян у Живогошти. Однако войска феодалов не выдержали натиска плохо вооружённых крестьян, во главе которых стояли мелкие шляхтичи Хвал из Маховиц и Брженек из Швигова. Это было первое крупное вооружённое столкновение крестьян с войсками панов и первая победа восставших. Крестьяне пробились к Праге. Их волновали слухи о том, что Сигизмунд посылает деньги своим сторонникам в Чехии и, следовательно, нужно ожидать вторжения в страну наёмных войск. Придворные круги и Ченек из Вартенберка не хотели допустить нового появления восставших крестьян в Праге; отряды таборитов стали осаждать Пражскую крепость и заняли ряд укреплённых мест внутри города. Это оттолкнуло от регентства многих сторонников гуситов из числа шляхты.

В конце октября и начале ноября атмосфера в Праге сильно накалилась. Близились новые революционные бои. Уже 25 октября пражский плебс пытался захватить Вышеградский замок. Борьба обострилась, когда к городу подошли крестьянские отряды, во главе которых стоял Микулаш из Гуси. Когда пражский плебс узнал, что на пути в Прагу крестьяне подверглись вооружённому нападению, в городе ударили в набат. Вооружённый народ двинулся на улицы. Микулаш из Гуси взял в свои руки командование и сумел направить усилия повстанцев на занятие той части Праги, которая называлась Малой Страной. В кровопролитном ночном бою (с 4 на 5 ноября) наёмники Ченека были побеждены. Вся Малая Страна перешла в руки народа. Повстанцы устремились к королевскому дворцу. Вооружённые столкновения и пожары продолжались и на следующий день. 6 ноября к восставшим присоединились новые отряды крестьян под руководством Хвала из Маховиц. Однако и королевские войска получили новые подкрепления. К ним на помощь прибыли отряды, присланные не только католическими панами, но и некоторыми панами, считавшимися сторонниками чаши. Панские отряды препятствовали снабжению города.

13 ноября было заключено перемирие. Пражские бюргеры соглашались впустить королевские войска в занятый к тому времени Вышеградский замок, прекратить разрушение католических церквей, выпустить из города королеву. Королева и паны обязались защищать свободу «закона божьего» и сохранить причастие под двумя видами. Таким образом, пражские бюргеры не включили в свои условия ни одного из требований восставшего крестьянства.

В эти тревожные дни Ян Жижка окончательно связал свою судьбу с делом народа. Наряду с Микулашем из Гуси, Вацлавом Корандой, Брженеком из Швигова и другими он непосредственно руководил военными действиями повстанцев и сам принимал участие в боях. Успехи народа были велики, но до полной победы было далеко. В ходе событий стала всё больше выясняться неустойчивость верхушки пражского бюргерства, его стремление к соглашению с реакцией. Для характеристики положения внутри гуситского лагеря весьма показательны ответы, данные пражскими магистрами на вопросы о том, следует ли, во-первых, властям защищать «правду закона божьего» силой оружия и, во-вторых, переходит ли эта обязанность к народу, если власти с нею не справляются. Боясь полностью оттолкнуть от себя массы, университетские магистры отвечали после больших колебаний, что хотя следовало бы вообще избегать кровопролития, но в случае необходимости защищать права народа оружием всё же допустимо. Ответ пражских магистров свидетельствует о том, что умеренное крыло гуситов готово было использовать народ в качестве ударной силы и в то же время боялось его возраставшей революционной активности.

Существовавшие среди гуситов разногласия обрисовались отчётливее, когда Сигизмунд перешёл в наступление. В декабре 1419 года император созвал чешский сейм. Боясь явиться в Прагу, он назначил местом заседаний сейма город Брно в Моравии, где был особенно силен немецкий патрициат. В Брно прибыли наместники королевских замков, много чешских панов, епископы, королева София, представители немецкого патрициата и верхушка чешского бюргерства.

Все члены сейма присягнули на верность Сигизмунду. Депутаты Праги на коленях просили императора простить горожан за «беспорядки» и в то же время настаивали на сохранении причащения под обоими видами. Сигизмунд

объявил, что вопрос о чаше будет решён впоследствии, а пока приказал разрушить укрепления Праги и стал назначать на все должности в Чехии католиков. Из состава магистрата Брно были удалены все заподозренные в сочувствии гуситам. Католические паны и их сторонники стали возвращаться в Прагу. Современный летописец свидетельствовал, что немецкие патриции въезжали в город «со смехом и великим ликованием, говоря: теперь уже близок конец ереси!»

Ещё до того, как произошли эти события, Брженек из Швигова, Ян Жижка и их сторонники оставили Прагу. Они двинулись к Пльзню, вероятно, под влиянием Коранды, который хорошо знал условия в городе и понимал его военное значение. Жижка и другие руководители хотели создать в южной Чехии вооружённый оплот гуситов. К отряду Брженека и Жижки присоединилась городская беднота и многие крестьяне из окрестных сёл. Противники их были изгнаны из города, многие католические церкви и монастыри сожжены. Политическое руководство принадлежало здесь Коранде. Среди других проповедников источники упоминают и будущего вождя таборитов Проккопа. Брженек и Жижка занимались преимущественно военными делами; Брженек из Швигова был избран гетманом повстанцев. В окрестностях Пльзня шли ожесточённые схватки. Сторонники Сигизмунда, предводительствуемые паном Богуславом из Швамберка, неоднократно пытались уничтожить повстанцев. Однажды Богуслав окружил небольшой отряд повстанцев в нескольких милях от Пльзня и, значительно превосходя их в силах, преградил отступление в город. Жижка сумел защитить свою пехоту от натиска закованных в броню рыцарей, укрыв войска за оградой из возов. Это был один из первых известных случаев применения чешскими повстанцами знаменитой впоследствии возовой обороны. Второй раз возы были использованы восставшими крестьянами в битве против немецкого патрициата Кутной Горы в марте—апреле 1420 года. Это был приём народной борьбы, зародившийся в Чехии значительно ранее этого времени, но получивший массовое применение именно в битвах Великой Крестьянской войны¹.

¹ Возовая оборона известна, впрочем, в военной истории и многих других стран, в том числе на Руси. Так, во время битвы на Калке в 1223 году русские воины применяли возовую оборону.

Расправа кутногорского патрициата с пленными гуситами
(из рукописи XV века)

Покуда вокруг Пльзня шли бои, реакция подняла голову по всей Чехии. Сторонники Сигизмунда подвергали пыткам и мучительным казням захваченных гуситов. В особенности отличились в этом деле кутногорские патриции. Владельцы шахт сбрасывали живыми в шахты пленных гуситов. Изуверства немецких патрициев и их ненависть к восставшим дошли до того, что за каждого сторонника чаши они назначили денежную плату. Пленных специально покупали для расправы. Схваченных проповедников подвергали ужасным пыткам. За короткое время в Кутной Горе было замучено до двух тысяч гуситов.

Однако эти зверские преследования не могли остановить развития движения. Повсеместно возникали новые и новые отряды восставших. В западной Чехии на Зелёной горе расположился оставивший Прагу Микулаш из Гуси. На горе Ореб у Градца Кралёвого укрепились крестьяне, которыми руководил священник Амброж. Но главным центром повстанцев стал Бехинский край. В январе 1420 года восставшие крестьяне захватили с помощью плебса власть в Сезимовом Усти. Город был плохо укреплён, и один из предводителей восставших, звонарь Громадка, предложил укрепиться на соседней горе, где ещё были заметны развалины старого города, разрушенного за несколько столетий перед этим. Громадка правильно оценил военные преимущества избранного им места. Повстанцы укрепились на горе и заложили город, получивший название

Табора. Новый город господствовал над окружающей местностью. Подступы к нему были затруднены, и при тогдашнем уровне военной техники он мог считаться неприступным. Но для обороны Табора нужны были вооружённые силы. Руководители укрепившихся в Таборе повстанцев обратились к гуситам, находившимся в Пльзне, с просьбой прислать военную помощь. В Табор был отправлен отряд под командой Хвала из Маховиц. В это время королевское правительство решило подавить очаг восстания на юге страны. Пльзень был осаждён войсками под командой пана Вацлава из Дубы. Отправив отряд в помощь Табору, Брженек и Жижка ослабили свои силы. В самом Пльзне сторонники католиков и Сигизмунда стали нападать на воинов Брженека и Жижки. Существовала опасность, что они откроют ворота врагу. В таких условиях повстанцы вынуждены были принять присланных к ним для переговоров послов и в конце концов решили очистить город и уйти в Табор. Согласно заключённому соглашению Брженек, Жижка и все их воины вместе с жёнами и имуществом получили свободный выход из осаждённого Пльзня. В марте 1420 года небольшой отряд Брженека (около 400 воинов и 12 возов) выступил из Пльзня. Но враги хотели использовать подходящий, как им казалось, момент для расправы с повстанцами. Союз шляхты — так называемый Пльзеньский ландфрид объявил, что его не касается договор, заключённый начальником королевских войск. Паны Йиндржих из Градца и Богуслав из Швамберка устремились за повстанцами. Узнав о приближении врагов, Брженек и Жижка решили выбрать для сражения удобное для их маленького отряда место. Они заняли позицию у села Судомержи, которое было защищено с двух сторон естественными препятствиями — осушёнными прудами. Когда 25 марта преследователи приблизились, они вынуждены были атаковать гуситов только с одной стороны и притом там, где это было им труднее всего. Паны рассчитывали на лёгкую победу. Гуситы были немногочисленны, измучены пребыванием в осаждённом Пльзне, а у католиков насчитывалось до двух тысяч конных воинов. Но в жестоком бою, который продолжался до глубокой ночи, войска феодалов понесли большой урон и отступили.

Уже в битве у Судомержи впервые ясно выявилась та характерная для всей тактики восставших черта, которую

Табор. Современный вид
(на переднем плане — остатки укреплений XV века)

можно определить, как умение дать бой в наиболее удобном для себя и в наиболее невыгодном для противника месте. Брженек и Жижка сумели использовать благоприятные условия местности и смогли благодаря этому одержать победу над значительно превосходящим их количеством врагом.

В битве погиб Брженек из Швигова. Отряды повстанцев возглавил Ян Жижка. Жижка двинулся дальше и вскоре достиг Табора. Оценив военные выгоды этого места, Жижка распорядился переселить в новый город жителей Сезимова Усти. 30 марта Усти было сожжено, и главным центром гуситов в южной Чехии стал Табор. 7 апреля 1420 года повстанцы избрали четырёх военачальников—гетманов; им принадлежала и административная власть. Первым гетманом был избран Микулаш из Гуси, который незадолго до этого также прибыл в Табор, вторым стал Жижка; были избраны ещё два гетмана — Збынек из Буховец и Хвал из Маховиц. На первое место в качестве военного руководителя вскоре выдвинулся Жижка, превосходивший остальных военной опытностью и прославившийся в битвах с врагами.

Табор превратился в грозный оплот крестьян и городской бедноты всей Чехии и дал своё имя революционному плебейско-крестьянскому лагерю гуситов.

Образование внутри гуситского движения самостоятельного крестьянско-плебейского лагеря было закономерно подготовлено всем ходом событий. Знамя антикатолического и национального движения, поднятое первоначально Гусом, сплотило вокруг себя разнообразные общественные элементы. Цели и программа гуситов определялись в первую очередь их классовой принадлежностью.

Та часть панов, которая не сразу оказалась в лагере феодально-католической реакции, поддерживала новое учение лишь постольку, поскольку давно мечтала о захвате обширных церковных земель. К 1419 году цель эта была достигнута, и для большинства панов-гуситов вопрос состоял лишь в том, чтобы сторговаться с Сигизмундом о сохранении присвоенных ими земель. Активные выступления крестьян сразу указали большинству панов, что их место в королевском лагере.

Сложнее и противоречивее была позиция мелкой шляхты и бюргерства. Вражда земана к церкви была гораздо более прочной и последовательной, чем те разногласия, которые существовали между панам и католическим духовенством. Только немногие земаны обогатились в этот период за счёт церковных владений и, подобно панам, думали лишь о сговоре с феодально-католической реакцией. В ходе вооружённой борьбы многие рыцари, даже не получив земли, всё же почувствовали себя гораздо свободнее. Уменьшилась их постоянная зависимость от крупных феодалов. Была уничтожена задолженность — по крайней мере, для тех рыцарей, которые (а таких было большинство) были в долгу у попов, монахов и патрициев. Получили полный простор и национальные чувства земанов, которые видели, как народ расправляется с ненавистными иноземцами — монахами, попами и патрициями, и сами принимали в этом участие. Наконец, нельзя забывать и о том, что в рядах повстанческих армий все командные должности занимались, как правило, представителями земанов или обедневших панов. Поэтому, не взирая на то, что шляхту отпугивали «крайности» крестьянско-плебейской массы, она всё же видела в этой массе своего союзника, или, точнее, видела в крестьянах

ту ударную силу, которую можно использовать в борьбе против крупных светских и особенно духовных феодалов.

Что касается бюргерства, то его материальные интересы были тесно связаны в этот период с делом восстания, хотя многие бюргеры были очень далеки от понимания этого и мечтали только об уступках, которые они рассчитывали заслужить у феодалов своей умеренностью. Только находясь в рядах восставших, бюргеры могли расправиться со своими конкурентами и врагами из числа рясников. Только опираясь на массы, они могли изгнать из городов или оттеснить от господства немецких патрициев. Только в союзе с рыцарями и народными массами могли они надеяться отстоять родину от грабительских полчищ Сигизмунда. Наконец, только в лагере восставших могли бюргеры обрести ту свободу личности, которая делала из презируемой феодалами «городской черни» носителей подлинной власти в большинстве чешских городов. Но бюргерская оппозиция была непоследовательной и половинчатой. Справедливость требует сказать, что даже многие рыцари оказались более верными и стойкими борцами за свободу и независимость родины, чем эти трусливые предшественники чешской буржуазии. Это объясняется в первую очередь тем, что чешское бюргерство ни экономически, ни политически не созрело к началу крестьянской войны настолько, чтобы выступить в качестве самостоятельной силы с чётко сформулированными целями и задачами. Бюргерство Чехии не могло ещё самостоятельно возглавить борьбу всего народа. Поэтому линия поведения бюргерства представляет собой ряд колебаний между крестьянско-плебейским лагерем и лагерем феодально-католической реакции. В этих колебаниях маятник всё время отклонялся вправо, пока, наконец, чешские бюргеры не отыскивали своё место. Но что это было за место? Это не было место более или менее самостоятельного буржуа. Это было положение бюргера в феодальном обществе, угодливо сгибающего свою спину перед властью феодалов и авторитетом католической церкви.

Нужно при этом подчеркнуть, что чешское бюргерство не представляло собой вполне однородной массы. Рядовой ремесленник, которому постоянно грозила опасность

разорения, временами склонялся к совместным действиям с плебсом, но в силу своей экономической зависимости от цеховой верхушки вынужден был во многих случаях плестись за нею.

Только народные массы всегда выступали последовательными борцами за свободу и независимость родины, за её прогрессивное развитие. Разумеется, задавленное нищетой, всё усиливавшимся феодальным гнѐтом и вековой темнотой, крестьянство не признавало ясно конечных целей своей борьбы, не могло создать своей чѐткой и продуманной положительной программы. Но было бы совершенно неправильно заключить, что крестьянские восстания средневековья и, в частности, такое мощное выступление народных масс, как Великая Крестьянская война в Чехии, были только судорожным и безнадѐжным усилием доведѐнных до отчаяния крестьян. Напротив, вопреки религиозной оболочке движения народные массы наряду с энтузиазмом, выдержкой и отвагой обнаружили в ходе гуситских войн также и довольно высокий для тех условий уровень организованности и сознательности.

Десятки и сотни безымѐнных народных проповедников, ежеминутно рискуя подвергнуться издевательствам, пыткам, попасть на плаху или на костѐр, повсеместно призывали крестьян и плебеев сплочѐнными усилиями подняться против феодального гнѐта и в первую очередь против католических прелатов. Их проповедь в силу условий времени была облечена в религиозную форму, но от этого не становилась менее понятной для слушателей. Они призывали к вооружѐнной борьбе, к расправе с угнетателями. В особенности станет ясной их заслуга, если учесть, что в эти времена в Европе ещё не было книгопечатания и распространение печатных книг, брошюр и листовок не могло иметь место даже в тех масштабах, в которых существовало столетием позже, во времена Великой Крестьянской войны в Германии. Огромную роль в мобилизации масс сыграли и крестьянские «хождения на горы» накануне событий 1419 года. Они были мощными демонстрациями и в то же время хорошей школой организации и сплочения народных масс. Чешский крестьянин слушал из уст проповедников те истины, в справедливости которых он ежечасно убеждался на опыте. Рисуя перед народом картину его невыносимого положения, народные

проповедники не призывали его покорно переносить гнёт феодалов в надежде на небесное блаженство. Напротив, даже воздействуя на религиозные чувства крестьян, они внушали им идеи борьбы, призывали «препоясаться мечом» и взять дело истребления эксплуататоров в свои руки.

Нельзя недооценивать роли этой подготовки движения. Именно она в значительной степени помогла чешским крестьянам подняться над местными интересами с их узкой ограниченностью. Светлая картина общества, где нет эксплуатации и гнёта, наполняла сердца слушателей энтузиазмом. Хотя эти идеалы были недостижимы при существовавшем тогда уровне развития производительных сил и при общих исторических условиях того времени, их мобилизующая сила и значение были велики. Картина общества, построенного на основах свободы и братства, смутно рисовавшаяся перед крестьянами, удерживала их под знамёнами движения, не допуская повстанцев разойтись после первой одержанной над феодалами победы, как это обычно бывало во времена почти всех прежних крестьянских восстаний средневековья.

Очень затрудняет изучение идеологии восставших то, что эксплуататорские классы уничтожили в дальнейшем все программные документы крестьян и плебеев. К тому же выступления народных проповедников никем не записывались и вряд ли заранее составлялись в письменном виде. Поэтому для восстановления программы таборитов приходится пользоваться главным образом сочинениями их врагов. Авторы этих сочинений ставили своей целью исказить события и очернить народные массы самой грязной клеветой. Нельзя забывать и о том, что учение крестьянско-плебейской массы было заключено в религиозную оболочку. Поэтому многое в их требованиях может показаться сейчас неясным и неопределённым. Между тем это была единственно возможная тогда и доступная для масс форма идеологии. Поэтому надо уметь видеть сквозь библейский туман формулировок проповедников Табора отражение реальных жизненных интересов широких масс чешского народа.

В чём же заключались основные положения таборитов? Прежде всего, взглядам крестьянско-плебейских масс, составлявших ядро этого лагеря, был свойствен так

называемый хилиазм¹, унаследованный от средневековых народных ересей.

Табориты утверждали, что мир, построенный на эксплуатации, не вечен, очень скоро должно наступить тысячелетнее царство справедливости, когда на земле «не будет ни короля, ни властителя, ни подданных, прекратятся все налоги и платежи, исчезнет насилие и люди будут жить, как братья и сёстры. Личной собственности также не будет, и потому уже сейчас всякий, имеющий собственность, впадает в смертный грех». В Таборе да и в других городах таборитского союза (Водняны, Писек) была даже сделана попытка практически осуществить общность имущества. Табориты выступали как республиканцы. Они утверждали, что королём должен быть только бог, а правление земными делами следует передать народу. Правда, последовательными республиканцами были лишь наиболее левые в лагере таборитов. Для приближения царства божьего все верующие должны отвергнуть налоги, платежи, феодальные права и т. д. В случае сопротивления все «неправедные» господа — паны, прелаты и патриции должны быть уничтожены. Эта программа направлялась против основ феодального строя, была несовместима с его существованием и максимально активизировала народные массы на борьбу против угнетения. Отвергая феодальный строй, призывая к борьбе против феодалов, табориты всё же главный свой удар направляли против католической церкви. Табориты полностью отвергали католическую обрядность и церковную организацию, а наиболее крайние представители лагеря таборитов стояли на грани отрицания христианства вообще. Табориты совершенно отвергали авторитет церкви в делах религии, считая единственным источником веры библию.

Некоторые проповедники вообще утверждали, что закон божий должен быть в сердце каждого человека, так как даже в библии имеется немало человеческих измышлений, к числу которых относится проповедь покорности и послушания, признание налогов и т. д.

¹ Хилиазм — от греческого слова «хилиас» (тысяча) — учение, существовавшее у средневековых революционных сектантов, согласно которому должно наступить второе пришествие Христа, вслед за чем на земле будет установлено тысячелетнее царство счастья и справедливости.

Табориты последовательно отвергали пышный католический культ, иконы, священнические облачения, они считали, что богослужение можно производить с одинаковым успехом и в храме и под открытым небом. Богослужение должно совершаться на понятном народу языке, причём священниками могут быть все, в том числе и женщины. Священников и епископов должен избирать сам народ. Табориты отвергали почитание святых и молитвы за покойников, отрицали существование чистилища. Они не признавали мощей, посты объявляли изобретением антихриста. Из всех таинств они признавали лишь причащение, но при этом утверждали, что каждый мирянин может причащать верующих. Наиболее крайние отрицали, что во время причащения верующие принимают тело и кровь христову. Они считали, что этот обряд имеет чисто символическое значение и в нём участвуют лишь простой хлеб и вино. Были среди таборитов и такие, которые отрицали божественность Христа и выступали против троичности божества.

Религиозное учение таборитов означало на практике полное отрицание католической церкви вместе с её главой — папой. Уже призыв к тому, чтобы народ сам избирал духовенство, таил смертельную угрозу католической иерархии. Отрицание заупокойных служб, многочисленных и сложных религиозных церемоний грозило служителям церкви прекращением поступления доходов. Отрицание таборитами догматов и всей организации католической церкви было вместе с тем направлено против всего феодального строя, так как средневековая католическая церковь была идеологической надстройкой феодального общества и укрепляла его основы. Охарактеризованные выше взгляды таборитов не были, насколько известно, систематически изложены каким-либо одним лицом или в каком-нибудь одном произведении. Здесь перед нами взгляды, выкристаллизовавшиеся в процессе длительной, кровопролитной и упорной борьбы угнетённых масс против своих поработителей. Идеи народно-еретических учений совмещались здесь с положениями, почерпнутыми из проповедей Гуса и его продолжателей. Но в своей основе учение таборитов являлось обобщением смутных народных стремлений и надежд, возникших и оформившихся в среде угнетённых масс средневековой Чехии в ходе многовековой классовой борьбы. Враги таборитов, в передаче которых

дошли до нас сведения об учении Табора, могли исказить и, несомненно, злонамеренно искажали отдельные его положения. Однако они всё же правильно почувствовали и отразили общую антифеодальную направленность взглядов таборитов.

В соответствии со своими взглядами табориты попытались заложить уже тогда фундамент общества, очертания которого неясно рисовались в их воображении. Ещё в пору первых хождений на горы стихийно возникли элементы уравнительного распределения материальных благ. Уходя на несколько дней из дому, многие крестьяне брали с собой продукты, а по прибытии на место объединяли всё принесённое и в дальнейшем потребляли его коллективно. Эти принципы равенства всех повстанцев табориты старались осуществлять в ходе крестьянской войны, особенно на первом её этапе.

Особенно чётко они проявились в организации самого Табора, где восставшие крестьяне сделали попытку создать такую организацию общества, при которой не было бы необходимости пользоваться словами «моё» и «твоеё». Если кто-либо из приходивших в Табор имел деньги, он обязан был сдать их в общую кассу, которая обыкновенно представляла собой бочку или кадь, выставленную на площади. Всё захваченное у врага рассматривалось как общественное достояние, поступало в распоряжение гетманов и распределялось в соответствии с потребностями каждого отряда или воина.

Все пришедшие в Табор называли себя братьями и сёстрами.

Сословные различия исчезали. В Таборе не было места приниженности женщин. Напротив, многие из них были активными бойцами таборитских отрядов. Все члены общины таборитов делились на две половины, из которых одна всегда находилась в полной боевой готовности, а другая занималась производственной деятельностью. Периодически эти части сменяли друг друга. Среди таборитов было немало опытных ремесленников, и они скоро сумели наладить в необходимых масштабах производство оружия, предметов снаряжения, боеприпасов и транспортных средств.

Таборитская община управлялась гетманами, избираемыми на общем собрании всех таборитов. Гетманы изби-

рались пожизненно и в отношении военных дел пользовались всей полнотой власти. Особо важные вопросы, касавшиеся всего Табора, иногда решались на общих собраниях.

К таборитам примкнуло большое количество городов и сёл. Присоединившиеся общины составляли особый союз — «братство». Во всех основных вопросах они были связаны решением таборитов и таборитских гетманов.

Первоначально у таборитов не было церковной организации и проповедовать мог каждый желающий, не исключая и женщин. Впоследствии табориты избрали епископа, который руководил религиозными делами всей общины.

Могли ли идеи, воодушевлявшие таборитов, осуществиться в Чехии XV века? На этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ. Низкий уровень развития производительных сил делал все идеалы общественного строя, основанного на отсутствии эксплуатации, братстве и сотрудничестве трудящихся, лишь прекрасной мечтой угнётённых масс.

Но героическая борьба таборитов, несмотря на то что она в конце концов окончилась поражением, имела огромное историческое значение. Объективно, независимо от собственной воли и целей восставших крестьян, их борьба вела страну к наиболее прогрессивному развитию того способа производства, который в то время ещё не изжил себя в Чехии, к максимальному развитию товарно-денежных отношений, к полной победе денежной ренты, к ликвидации всех элементов барщинной системы хозяйства и тесно связанных с ней наиболее тяжёлых форм зависимости крестьян. В конечном счёте это означало, что крестьяне объективно боролись за приближение краха феодального общества и наступление эпохи победоносных буржуазных революций. В этом, казалось бы, было особенно заинтересовано бюргерство. Однако слабость чешского бюргерства помешала ему возглавить народное движение. Подавляющая часть бюргерства нашла себе место не в рядах таборитов, а в рядах правого крыла гуситского движения — так называемых чашников.

В состав чашников входили кроме бюргеров также и мелкая шляхта и даже часть панов, которая первонач-

чально примыкала к движению. Программа чашников была вначале сформулирована магистрами Пражского университета в так называемых четырёх пражских статьях. Чашники требовали, во-первых, свободы проповеди «слова божьего» Под этим они понимали прежде всего свободу антикатолической пропаганды при сохранении реформированной христианской церкви. Но по отношению к проповедникам народных масс пражские бюргеры уже в 1420 году ввели цензуру, пытаясь лишить таким образом народ свободы проповеди, провозглашённой одним из программных требований бюргерской оппозиции.

Во-вторых, чашники требовали причащения для мирян из чаши (отсюда и их название — «чашники», или «каликстины», от латинского «каликс» — чаша ¹). В этом требовании проявлялось свойственное бюргерству стремление уничтожить исключительное положение средневекового духовенства, закреплённое в учении и в организации католической церкви. Под религиозной оболочкой в единственно доступной тогда сознанию чешского бюргерства форме проявлялась идея буржуазного равенства. Требование причащения под двумя видами было сформулировано ещё Матвеем из Янова, который даже пытался провести его в жизнь. Гус не выдвигал этого требования, но когда с 1414 года многие священники в Праге начали причащать своих прихожан под двумя видами и один из учеников Гуса попытался обосновать правильность этого, Гус, заключённый уже тогда в темницу в Констанце, выразил своё одобрение этому обряду. Поскольку требование чаши разделялось не только низшей шляхтой, но даже частью панов, и в то же время само собой подразумевалось народными массами, гуситы изображали чашу на своих знамёнах, оружиях, печатях и т. д.

Третий пункт пражских статей отвергал светскую власть духовенства, лишая тем самым церковь возможности иметь собственность. В этом пункте проявилось свойственное бюргерской оппозиции стремление к дешёвой церкви. В то же время шляхта рассматривала эту статью как начало осуществления своих стремлений к

¹ Так как чашники требовали причащения под обоими видами, они назывались ещё «подобоями» или «утраквистами», от латинского «суб утракве», т. е. «под обоими» (подразумевается — видами).

ограничению всевластия католического духовенства. Со своей стороны паны, не принявшие остальных пражских статей и в том числе отвергавшие даже чашу, использовали третью статью для захвата церковных и монастырских владений. Наконец, народные массы вкладывали в это требование своё содержание. Они видели в нём мощное оружие в борьбе против феодальной иерархии, за осуществление идеалов евангельской простоты жизни и равенства всех людей.

Четвёртая статья устанавливала, что смертные грехи и все стеснения проповеди слова божьего должны быть наказаны. В устах бюргеров и шляхты это требование выражало скромное желание исправить грехи церковников и, ограничив их роль в феодальном обществе, укрепить реформированную церковь. Крестьяне и ремесленники придавали четвёртой статье иной смысл, прямо направленный против феодалов. Для них принятие этой статьи означало призыв к активной борьбе, к физической расправе с эксплуататорами, к уничтожению векового гнёта и несправедливости. Народные проповедники, трактуя эту статью, прямо призывали массы «препоясаться мечом» и «очистить вертоград господень», не только возродив церковь, но и перестроив всё общественное здание на новой основе.

Таким образом, четыре пражские статьи ввиду недостаточной своей чёткости были приемлемы и для чашников и для таборитов. Но если чашники ограничивали пражскими статьями всю свою программу, то для таборитов эти статьи являлись только первым шагом в борьбе за осуществление их идеалов. Впрочем, табориты понимали четыре статьи вообще далеко не так, как чашники. В то время как чашники вопреки смыслу первой статьи преследовали крайние радикальные течения, табориты требовали полной и безусловной свободы проповеди. Из требования равенства, символом которого была чаша, народные массы выводили отрицание феодальных сословий и уничтожение имущественных различий. Если шляхта и бюргеры, захватив церковные земли, думали лишь о том, как бы удержать свои приобретения, то народные массы требовали раздела отобранных у духовенства земель. Наконец, признавая необходимость наказания за смертные грехи, чашники считали, что осуществлять наказание

должно феодальное государство и его органы, в то время как табориты вкладывали в четвёртую статью признание права народных масс на возмездие угнетателям. В дальнейшем, когда чашники и табориты окончательно разделились, их требования нашли своё выражение в новых программных документах.

Итак, накануне и в начале крестьянской войны в Чехии происходит размежевание двух направлений внутри гуситства. Каждое из этих направлений в свою очередь не было монолитным, на каждом новом этапе ~~классовой~~ борьбы всё резче обозначались различия между лагерями и социальные группы, первоначально колеблющиеся, находили своё место внутри того или другого направления.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ И ЕГО РАЗГРОМ. ХИЛНАСТЫ В ТАБОРЕ

(1420—1421 годы)

Революционные события в Чехии в первой четверти XV века имели огромное международное значение. Смелые выступления Гуса, Иеронима и их соратников вызвали горячее сочувствие народных масс за рубежом, так как отвечали также и их стремлениям. Повсюду, где трудящиеся массы изнывали под тяжестью гнёта духовных и светских феодалов, обличения язв католической церкви и призывы к борьбе против эксплуататоров находили себе благодатную почву. После свирепой расправы с Гусом и Иеронимом феодалы и католические прелаты праздновали победу, надеясь, что навсегда искоренили опасную «ересь». Ход событий показал, что радость их была преждевременной.

Когда по Чехии прокатилась волна народных выступлений, направленных против католической церкви, когда восставшие крестьяне и городские низы стали изгонять

католических попов и разрушать монастыри, всё это нашло в той или иной форме отклик в соседних и даже отдалённых странах. Пример активного выступления народа оказался сильным революционизирующим фактором для угнетённых масс во всех странах феодальной Европы.

События в Чехии сыграли большую роль в развитии освободительного движения братского словацкого народа, томившегося под тройным гнётом своих, венгерских и германских феодалов. Для словацкого народа с началом гуситских войн создались благоприятные возможности для осуществления его вековых стремлений к тесному и неразрывному объединению с единокровными чешскими братьями. Возможность воссоединения Чехии и Словакии в едином государстве, подготавливавшаяся всем хозяйственным и социальным развитием чешских и словацких земель, не была осуществлена в силу ряда причин в XV веке. Однако борьба лучших сынов словацкого народа под одним знаменем с восставшими чехами имела огромное значение и оставила глубокий след в истории Словакии.

Идеи Гуса и таборитов находили в словацких землях многочисленных приверженцев. Распространение их облегчалось близостью языков, наличием тесных экономических и культурных связей между Чехией и Словакией. Многие словаки-проповедники были в молодости студентами Пражского университета. Идеи освободительной борьбы, провозглашённые чешским народом, восставшим против феодального гнёта, были особенно близки словацким трудовым массам, стонавшим под тяжёлым инонациональным игом.

Уже в 1417 году в Моравии был обвинён в проповеди гусизма Ян Вавринцов из Рачиц, поселившийся в 1419 г. в Нитре. Всеобщим признанием и уважением у радикальной части таборитов пользовался словак Лукаш из Нового Места под Вагом. Лукаш не только распространял учение гуситов среди родного народа, но и призывал чехов и словаков к совместной борьбе против общих врагов — феодалов. Бесстрашный народный проповедник был предательски схвачен панами Рожмберками и сожжён в 1424 году.

Но дело не ограничивалось одним лишь распространением в Словакии гуситских идей или участием выходцев из словацких земель в освободительной борьбе чешского

народа. Уже в 1415 году хронист упоминает о вооружённом выступлении гуситов в Спишской Старой Вси¹. В первые годы крестьянской войны по западной Словакии прокатились волнения крестьян и горняков. В 1421 году поднялись на борьбу горнорабочие Спишских копей и крестьяне окрестных сёл. Их примеру последовали крестьяне Ясовского монастыря, а также горняки из района Смольника. Позже из состава крестоносных армий перешли на сторону гуситов нитранские земаны. Когда летучие отряды таборитов проникали в 1425—1427 годах на территорию словацких земель, они находили активную поддержку у населения — среди рыбаков, крестьян и городской бедноты.

Борьба словацкого народа была существенной помощью для восставших чехов, так как словацкие земли входили тогда в состав венгерского королевства, основного ядра владений Сигизмунда. К тому же волновались крестьяне и в собственно венгерских областях, а также в находившейся под властью Сигизмунда Трансильвании, где к венгерским крестьянам присоединялись и румынские крестьяне. Всё это ослабляло натиск феодальной реакции и её главы императора Сигизмунда на «мятежную» Чехию.

Очень велико было значение реформации и крестьянской войны в Чехии для Польши и Великого княжества Литовского, населённых братскими славянскими народами. К началу XV века положение польских и литовских крестьян резко ухудшилось. Увеличились феодальные поборы, выросли государственные налоги. Весьма тяжёлым было и положение плебса в польских городах. Поэтому в Польше к этому времени создались условия для усиления антифеодальной борьбы народных масс, а следовательно, и для распространения гуситской проповеди.

Ещё в апреле 1415 года в Гнезненском архиепископстве был обвинён приходский священник Якуб из Трлага, резко выступавший против католического духовенства. Якуб называл Гуса святым мучеником, а папу — сыном дьявола. Этот факт говорит об уважении и внимании, с какими относился польский народ к учению Гуса и к самому реформатору, томившемуся в ту пору в констанцской темнице. Польский народ живо откликнулся на

¹ Возможно, впрочем, что это событие произошло в более позднее время и было ошибочно отнесено составителем хроники к 1415 году.

начало открытого выступления народных масс в Чехии. Польские феодалы вынуждены были констатировать, что в Польше много гуситов. Король Владислав Ягайло настойчиво требовал от инквизиторов применения самых жестоких пыток по отношению к заключённым в тюрьмы гуситам, так как считал, что необходимо выведать имена их многочисленных сторонников. Епископ Збигнев Олесницкий утверждал, что в его диоцезе чрезвычайно умножилось количество «еретиков». Особая булла римского папы, изданная в ноябре 1423 года, указывала, что среди жителей западных областей Польши весьма многие являются последователями «зловредной гуситской ереси». Гуситов было много и в Кракове, и в Силезских землях, и особенно в пограничных с Чехией районах.

Приведённые высказывания крупнейших феодалов очень показательны. Они свидетельствуют о широком распространении сочувствия гуситам в стране и о страхе польских феодалов перед грозным Табором, об их стремлении уничтожить самую возможность революционного выступления народных масс Польши.

К сожалению, сохранившиеся источники не дают нам достаточного материала, на основании которого можно было бы представить полную картину участия польского народа в революционной борьбе чехов. Но даже отдельные, изолированные сообщения, дошедшие до наших дней, показывают обстановку напряжённости, существовавшую в те годы в Польше. В 1421 году в Познанской консистории судился Адам из Мосины, который был виновен в том, что избил своего противника, оскорбившего в споре гуситов и память Гуса. На другом конце Польши — в Куявии в 1424 году был обвинён в гусизме священник Шимон из Конояд. Преследования заставили его отказаться от «еретических заблуждений». Позже, в 1430 году он снова был обвинён в том, что восхвалял семерых поляков, бежавших в Чехию на помощь восставшим таборитам. В 1425 году упоминаются гуситы в Люблине. Католические инквизиторы жестоко расправлялись со всеми заподозренными в «чешской ереси». В польских городах, особенно в Силезии, дымились костры, на которых сжигали сторонников гусизма. Народ считал казнённых мучеников святыми и отвечал на усиление репрессий актами справедливого возмездия, расправляясь с наиболее ненавистными инквизиторами.

Если народные массы, нападая на церковь, вели объективно борьбу против феодального гнёта, то многие из польских шляхтичей и даже панов сочувствовали чешской реформации лишь постольку, поскольку надеялись использовать её для увеличения своих богатств за счёт католической церкви в самой Польше. Некоторые польские шляхтичи считали, что союз с восставшим чешским рыцарством поможет Польше в её борьбе против германской феодальной агрессии. Впрочем, время наибольшего распространения гуситских идей среди феодалов Польши относится уже к более позднему периоду — к 30-м годам XV века. В описываемое время польские феодалы ограничивали свои выступления против церкви тем, что отказывались платить десятину и другие церковные поборы. Случаи захвата владений, принадлежавших церковным магнатам и монастырям, засвидетельствованы в документах, но были сравнительно редки. Так, шляхтич Спитек из Мельштына не побоялся занять земли самого канцлера — краковского епископа Збигнева Олесницкого. Составив отряд из своих крестьян, Спитек вступил в вооружённую борьбу с епископом. Но ему помешали королевские войска. Другой шляхтич из Великой Польши, Абрагам из Збоншина в течение ряда лет вёл борьбу против церковных феодалов и также уступил лишь под натиском королевских отрядов. Впоследствии Олесницкий писал королю, что ему и его подручным пришлось приложить много усилий, чтобы искоренить гуситскую «ересь» и не допустить её распространения в польских землях.

Героическая борьба чешского народа вызвала отклики и среди трудящихся масс западнорусских земель. Среди русского, украинского и белорусского населения Литвы и Польши засвидетельствованы случаи распространения гуситских идей. В те времена, когда религия была господствующей формой идеологии, этому способствовало и то внешнее обстоятельство, что причащение из чаши было принято в обиходе восточноправославной церкви. По словам короля Владислава, многие русские переходили в ходе крестьянской войны на сторону гуситов. В числе организаторов и первых бойцов Табора мы встречаем русские имена. Несколько позже Олесницкий писал папскому легату, что при продолжении войны против Чехии следует опасаться «не только чешских еретиков, но ещё более русских схизматиков, придерживающихся греческой

веры, ибо они сходны с чехами многими пунктами, а именно — принятием причастия под двумя видами, бедностью духовенства и многими иными заблуждениями, а также имеют один с чехами язык». Впоследствии, во время пребывания в Чехии вспомогательного литовского отряда под командой Сигизмунда Корибутовича, направленного литовским князем Витовтом, из уроженцев русских земель, сражавшихся бок о бок с чехами, был составлен особый отряд, которым командовал князь Фёдор, известный под прозвищем Острожского. Так крепло и выковывалось уже в далёкие времена средневековья боевое содружество братских славянских народов в борьбе против феодально-католической реакции.

Антифеодальная борьба чешского крестьянства всколыхнула народные массы германских и австрийских земель, активизировала выступления городского плебса и крестьян против феодальной эксплуатации. В 1415—1420 годах во многих крупных городах германских княжеств происходили народные выступления. Почувствовав опасность, феодалы поспешили принять свои меры. Специально собранный в Зальцбурге церковный синод утвердил особые решения о пресечении деятельности народных проповедников, о жестоких казнях и пытках для «еретиков». Но никакие репрессии не могли остановить распространения антифеодальных учений восставшего чешского народа. Немецкие крестьяне и городские низы с жадностью ловили каждое известие о разгоравшейся борьбе своих чешских братьев по классу. Они поддерживали и укрывали проповедников от ищеек инквизиции. Многие отдали в эти годы свою жизнь за общее дело борьбы трудящихся против феодального строя. В Мейссене был сожжён в 1417 году изгнанный из Праги Николай Дрезденский. В Магдебурге взошёл на костёр магистр Якоб Бремер, распространявший взгляды Гуса. В Регенсбурге сожгли по такому же обвинению Ульриха Грюнледера. И в дальнейшем продолжались казни немецких гуситов. В 1424 году отдали свою жизнь проповедники, распространявшие «чешскую ересь» — Иоганн Драндорф и Петер из Турнау. Костры инквизиции загорелись не только в Тюрингии и Баварии, но и в Бранденбурге и в далёких западных областях Священной Римской Империи, вплоть до берегов Северного моря и устья Рейна. Но ничто не могло помешать распространению гуситских идей. Многие

сторонники гуситов бросали родные места, уходили в Чехию, чтобы влиться в ряды восставших. Среди героических защитников Табора насчитывалось немало немцев, особенно из Тюрингии и Саксонии, а также выходцев из австрийских земель.

Отзвуки героической борьбы чешского народа достигли и крайнего запада Европы. Из далёкой Англии революционные сектанты — лолларды — ещё при жизни Гуса обращались с письмами в Прагу. Лолларды рассказывали о жестоких притеснениях, которым они подвергаются у себя на родине, и говорили, что видят в чехах товарищей по борьбе. В 1417 году в число пражских священников был принят англичанин Пётр Пэйн, прошедший впоследствии путь от умеренного чашника до революционного таборита. В 1418 году в Прагу прибыли беглецы из Фландрии, подвергавшиеся на родине репрессиям за свои «еретические» взгляды. Они подчёркивали, что Чехия являлась в ту пору в глазах трудящихся всей Европы той страной, где они видели приближение к идеалам евангельской свободы. Эти беглецы нашли себе убежище в Чехии, но вскоре значительная их часть выехала из страны, разнося идеи крестьянской войны по многим странам феодальной Европы.

Революционное выступление чешского народа вызвало, таким образом, многочисленные отклики в средневековой Европе и имело большое международное значение. Прежде всего, события в Чехии активизировали классовую борьбу трудящихся в других странах, укрепляли их веру

Статуя Яна Гуса
на памятнике Мотеру в Вормсе

в свои силы, их надежду на освобождение от ярма эксплуатации. Кроме того, восставшие чешские крестьяне дали идеологическое оружие угнетённым в их борьбе против эксплуататоров, помогали им сплотиться и объединиться, способствуя тем самым подъёму классовой борьбы народных масс на более высокую ступень.

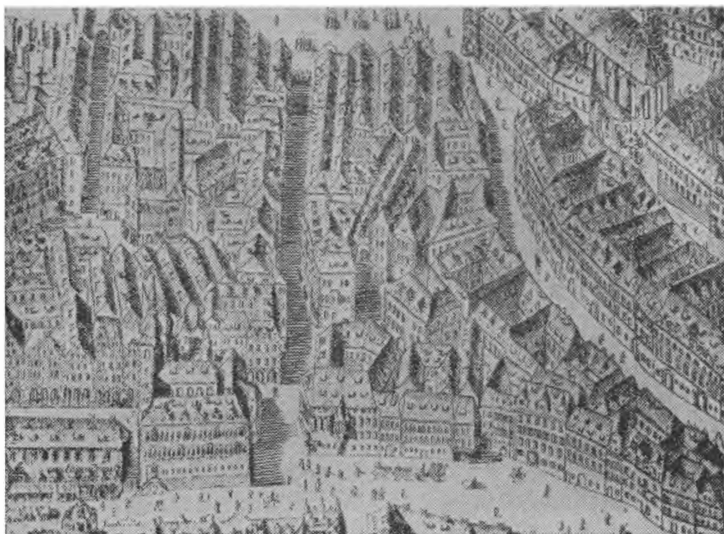
В самоотверженной борьбе чешских крестьян и городской бедноты феодальная реакция, возглавляемая папским Римом, увидела для себя смертельную опасность. Восставший чешский народ поднял руку на материальные интересы церкви, угрожая её веками накапливающимся землям и богатствам. Но, как ни велики были материальные потери католической церкви в Чехии, морально-политический ущерб, понесённый ею во всеевропейском масштабе, был для католической иерархии страшнее и опаснее. Впервые в истории средневековой Европы были поколеблены самые устои католицизма; впервые целая страна осмелилась вступить на путь открытой вооружённой борьбы против оплота феодализма — церкви; впервые было поднято знамя, к которому отовсюду стекались добровольные бойцы; впервые прозвучал с такой силой обращённый ко всему миру призыв к активной борьбе против всевластия духовенства, и впервые был показан живой пример такой вооружённой борьбы — пример, вызывавший везде сочувствие угнетённых и эксплуатируемых масс.

Для славянских народов события в Чехии имели особенно большое значение. Они облегчали совместную борьбу Польши и Литвы против Тевтонского ордена, отвлекая силы его главного союзника — императора Сигизмунда. Таким образом, чешский народ наносил удар по всей феодально-католической реакции, и неудивительно, что в начале 1420 года феодалы всей Европы стали готовиться к расправе с «мятежной» и «еретической» Чехией.

Недавно избранный на Констанцском соборе папа Мартин V с самого начала занял по отношению к восставшей Чехии крайнюю, непримиримо реакционную позицию. Ненависть папы и феодалов увеличивалась по мере успехов крестьянской войны, ибо угроза становилась для них всё более близкой.

В начале 1420 года, после закрытия сейма в Брно император Сигизмунд отправился в Силезию¹. События в Че-

¹ Силезия входила в XIV веке в состав Священной Римской Империи.

Пражские улицы (с плана города XVIII века)

хии оказали на Силезию самое революционизирующее влияние. Ещё летом 1418 года городские низы захватили власть во Вроцлаве и выбросили из окон ратуши наиболее ненавистных городских советников. Теперь во Вроцлав прибыл император с войсками. Последовала жестокая расправа с участниками восстания, 23 человека были обезглавлены. Вслед за этим сожгли на костре пражского бюргера Яна Краса, который прибыл во Вроцлав по торговым делам и был схвачен как «еретик», осмелившийся защищать Гуса и порицать Констанцкий собор.

В обстановке казней и террора начались заседания имперского сейма, собранного Сигизмундом во Вроцлаве. Сейм заседал с января по апрель 1420 года. На сейме была оглашена булла папы Мартина V, обрушившегося на «еретиков» с проклятиями и провозгласившего крестовый поход против гуситов. Император потребовал у германских феодалов военной и финансовой помощи и стал собирать силы для вторжения в Чехию. Немецкие князья охотно пошли ему навстречу. Они боялись, что пример чехов может повлиять на их подданных. Кроме того, изгнание немецких

церковников и феодалов из Чехии они рассматривали как вызов всему «благородному» сословию в Германии.

В скором времени под знамёнами Сигизмунда собрались значительные по тем временам силы. Ядро крестоносной армии составляли немецкие феодалы, кроме того, там было немало венгров, чешских панов-католиков, а также рыцарей и наёмников из разных концов Европы, привлечённых надеждой на богатую добычу. Весь этот сброд, благословляемый папой и воодушевляемый жаждой мести и грабежа, стал скопляться у границ Чехии. Над страной нависла грозная опасность иноземного порабощения и полного торжества феодально-католической реакции.

Военные приготовления Сигизмунда вызвали в Чехии всеобщее возмущение и увеличили ненависть к нему народа. Народные проповедники призывали массы к справедливой борьбе против крестоносных орд, поднимали крестьян и плебеев на защиту родины. Ян Желивский, который вообще был врагом монархии, разоблачал предательское поведение Сигизмунда и призывал к свержению короля, называя его апокалиптическим драконом, увенчанным семью коронами. Эти призывы находили горячее сочувствие среди пражской бедноты.

В новых условиях пражские бюргеры потеряли надежду на возможность признания Сигизмундом их приобретений. 3 апреля 1420 года Желивский добился того, что пражские коншелы и все пражане принесли присягу не щадить сил и самой жизни в борьбе против крестоносцев. Они торжественно подтвердили свой разрыв с католической церковью и верность гусизму. Из Праги были изгнаны все враги гуситского учения. В большинстве это были немцы-патриции, представители духовенства и богатые шляхтичи, постоянно проживавшие в столице. Общее число покинувших город достигало 700—800 человек. Это были самые богатые жители Праги. Имущество и дома изгнанных были конфискованы. Однако за немцами-плебеями сохранились их права. По указанию Желивского им отвели даже специальный храм.

Ввиду угрозы вражеского нашествия пражское бюргерство обратилось к народу с манифестом, в котором все чехи призывались к борьбе против императора и крестоносных полчищ. Прага спешно укреплялась. В оборонительных работах самое широкое участие принимали женщины. Со всех сторон к столице двинулись крестьянские

отряды. Кроме таборитов прибыли подкрепления из северо-восточной Чехии. В городе были избраны новые коншелы и военный руководитель — гетман.

Народный подъём заставил некоторых чешских панов из католического лагеря, а также колебавшихся панов-чашников, согласившихся ранее на съезде в Брно признать Сигизмунда королём, изменить теперь свои позиции и порвать с императором. Они считали этот момент подходящим временем для того, чтобы вырвать у короля серьёзные политические уступки и прочно завладеть церковными и королевскими землями. Пример показал пан Ченек из Вартенберка, главный советник королевы Софьи. Напуганный размахом народной борьбы, Вартенберк стал колебаться, а когда под его защиту стали стекаться пражские изгнанники — патриции, имевшие с собою значительные ценности, Ченек объявил себя врагом Сигизмунда, присвоил имущество беглецов, а их самих выгнал из города.

В апреле 1420 года крестоносные орды Сигизмунда вступили на территорию Чехии. Они превратили Градец Кралёвый в свою опорную базу, заняли Кутную Гору и двинулись к Праге. Интервенты грабили и опустошали страну, убивали и калечили беззащитных крестьян, угоняли скот, сжигали сёла и города. Император поручил пану Ольдржиху из Рожмберка вести военные действия на Юге, где табориты сожгли несколько монастырей (Милевский, Непомукский и несколько позже Златокорунский). Однако Микулаш из Гуси разбил отряд Рожмберка, и начатая последним осада Табора была снята.

В это время земля стала гореть под ногами интервентов и в районе Кутной Горы. В окрестностях города вспыхнуло крестьянское восстание. Посланные для расправы с повстанцами войска потерпели поражение у Ледча, причём крестьяне успешно использовали против превосходящих сил врага возовую оборону. На помощь восставшим попытался выступить кутногорский плебс, но немецкие патриции сумели предупредить восстание в городе и не допустили объединения городских низов с крестьянами пригородных сёл. Вскоре в Кутную Гору прибыл император, и крестьянские отряды вынуждены были рассеяться. Кутная Гора надолго стала резиденцией Сигизмунда и оплотом сил реакции.

Крестьянские выступления охватили и район Градца Кралёвого. Восставшие крестьяне, ядром которых были

«оревские братья» (так называли себя повстанцы, первоначально сосредоточивавшиеся на горе Ореб), двинулись под руководством проповедника Амброжа к Градцу, заняли город и разрушили один из близлежащих монастырей.

20 мая войска таборитов вступили в Прагу. Сразу начались трения между крестьянами и пражскими бюргерами. Воины Табора с возмущением порицали роскошь зажиточного столичного бюргерства, их богатые костюмы, обстановку и т. п. Под давлением таборитов городские власти вынуждены были специальным распоряжением ограничить всякие излишества в одежде и пище бюргеров, запретить пьянство, азартные игры и ругань, закрыть публичные дома. В этом проявился высокий моральный дух поднявших оружие против эксплуататоров народных масс, а также суровый аскетизм, типичный для участников многих средневековых восстаний, носивших религиозную окраску. «Эта аскетическая строгость нравов,— указывает Энгельс,— это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может притти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет»¹.

Идеологи таборитов — Вацлав Коранда, Ян Ичин, Мартин Гуска, Чапек и другие разделяли в это время с Яном Желивским любовь и уважение пражского плебса. Под влиянием их проповедей из многих церквей Нового города были удалены иконы, культовые облачения католического духовенства и т. д. Народные массы обрушили свой гнев также на некоторые уцелевшие монастыри.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 51—52.

С конца июня 1420 года разгорелись сражения вокруг Праги. Столица и крупнейший город страны, Прага занимала важное место в планах реакции. Но её значение понимали и народные вожди. Со всех сторон к Праге подходили отряды повстанцев. В городе был избран чрезвычайный орган власти — совет 12-ти гетманов. Положение столицы было особенно напряжённым ввиду того, что в городской цитадели и в Вышеградском замке засели сторонники Сигизмунда, в том числе и снова переметнувшийся на его сторону Вартенберг. Но в Праге находился Жижка с большим отрядом таборитов, а также Коранда и молодой священник Мартин Гуска, отличавшийся своим красноречием и пользовавшийся большим авторитетом среди таборитов. Воодушевлённые проповедями Желивского, Коранды и других, пражане и табориты отбивали все атаки врага и сами нанесли в нескольких удачных стычках поражение Сигизмунду, который ожидал подхода основных сил крестоносцев. Однако штурм Пражского замка и осада Вышеграда, которую предприняли гуситы, оказались неудачными. Это обескуражило часть богатых бюргеров до такой степени, что они попытались было даже завязать переговоры с императором. Убедившись, что Сигизмунд, в надежде на скорое прибытие крестоносцев, требует полной и безоговорочной капитуляции, бюргеры решились продолжать борьбу.

В начале июля Сигизмунд решил занять важную позицию — Виткову гору (восточнее Праги). Но значение этой позиции оценил и Жижка. Табориты соорудили на горе временное укрепление. В это время к императору прибыли крестоносные ополчения, которыми предводительствовали пять германских курфюрстов, три баварских герцога, мейссенский маркграф и австрийский герцог. Силы врагов были очень значительны. Укрепление на Витковой горе приходилось спешно заканчивать уже в боевой обстановке. Среди защитников Витковой горы находился Коранда, который всеми силами старался поддерживать боевой дух своих воинов. Когда при достройке укрепления не хватило лесу, он распорядился выломать скамьи в одной из близлежащих церквей.

На 14 июля император назначил общий штурм Праги. Однако крестоносцам сильно мешал отряд, укрепившийся на Витковой горе, вокруг которой завязались упорные бои. Гуситы, среди которых было несколько женщин, героиче-

ски отбивали в течение нескольких часов бешеные атаки врага, во много раз превосходившего силы осаждённых. Благодаря этой стойкой и мужественной обороне время было выиграно, а в критический момент на Виткову Гору прибыл сам Жижка. Крестоносцы не могли сломить отважное сопротивление гуситов и отступили с большими потерями. Успешная вылазка из Праги превратила отход крестоносцев в бегство, в ходе которого они понесли значительный урон. В честь этой победы Виткова гора и до настоящего времени носит славное имя Жижки.

После поражения крестоносцы стали вымещать своё озлобление на жителях соседних сёл. Они убивали мужчин, насиловали и калечили женщин, сжигали детей. Прага была подвергнута беспорядочному обстрелу. Однако все их зверства уже ничего не могли изменить. Видя провал своих военных планов, император Сигизмунд попытался было вступить в сношения с пражским бюргерством, но попытка обсуждения четырёх пражских статей ни к чему не привела. 30 июля осада Праги была снята; Сигизмунд уехал в Кутную Гору, увозя с собой чешскую корону и ряд других драгоценностей и реликвий, которые хранились в Пражском замке и были переданы императору его сторонниками. В Кутной Горе Сигизмунд вознаграждал своих приспешников, раздавая им земли и замки. Кроме того, он разрешил панам и земанам, признававшим его королем и сохранявшим верность католичеству, создавать особые союзы по отдельным городам и областям (так называемые ландфриды), на которые возлагалась задача истреблять всеми средствами еретиков.

Таким образом, поход европейской феодально-католической реакции против Чехии закончился позорным провалом. Это произошло благодаря воодушевлению и массовому героизму восставшего народа, который в грозный час опасности выдвинул из своей среды опытных и талантливых военных руководителей.

Задачи общей борьбы против Сигизмунда и его крестоносных полчищ объединили население Праги с пришедшими в город крестьянскими отрядами. Однако полного единодушия в гуситском лагере не было. Богатая верхушка бюргеров Старого города даже во время военных действий не оставляла надежды договориться с «законным» королём. Некоторые бюргеры Нового города также хотели примириться с императором, другие примыкали к

плебсу, стоявшему за тесный союз с таборитами. Ещё в последние дни осады эти группы одержали верх, и результатом этой победы явился закон, по которому последние остатки немецкого патрициата изгонялись из Праги. Имущество немцев и католиков было пущено в продажу, причём было предписано отдавать преимущество активным участникам боёв с врагами. Однако за счёт конфискованного имущества обогатились главным образом зажиточные бюргеры, так как у бедноты не было возможности приобретать дома и другие ценности. Это усилило трения среди гуситов, возросшие особенно тогда, когда непосредственная опасность иноземного порабощения миновала и Сигизмунд вынужден был бесславно отступить к Кутной Горе.

В августе 1420 года, когда опасность иноземного порабощения миновала, расхождения в лагере гуситов обнаружились с ещё большей силой, 4 августа табориты предложили пражским бюргерам принять так называемые 12 пунктов, угрожая в случае их отклонения немедленно уйти из города. В этих пунктах нашли своё выражение общие требования крестьян и пражского плебса. В них содержалось прежде всего требование демократизации городского управления Праги по образцу тех порядков, какие были установлены в Таборе. Далее предлагалось строжайшим образом соблюдать положения четырёх пражских статей, направленные против роскоши и католического «идолопоклонства». Кроме того, табориты настаивали на немедленном разрушении монастырей, всё ещё остававшихся в Праге и её ближайших окрестностях. Община Нового города присоединилась к 12 пунктам, но богатые бюргеры Старого города стали оттягивать ответ. Тогда табориты и низы пражского плебса — беднота, во главе которых стоял Коранда, разрушили Здерацкий монастырь в Новом городе, а затем монастырь св. Климента в Старом. Такая же участь постигла в скором времени и находившийся на юге от Праги Збраславский монастырь. В большинстве столичных церквей народ предавал истреблению иконы, мощи, статуи святых, священнические облачения, культовые предметы.

Большее значение, чем эти полустихийные проявления народного гнева, имело другое событие. Пользуясь пребыванием в Праге таборитских отрядов, которые являлись армией восставших крестьян, городской плебс под руко-

водством Яна Желивского совершил переворот. Прежний пуркмистр и часть коншелов были лишены власти и должны были выдать городскую печать и знамя. По желанию народа и по указанию Желивского были избраны новые коншелы из числа сторонников плебса.

В Праге в это время восставшие открыли свой монетный двор, где чеканили серебряную монету из серебряных дароносиц и чаш. Эта монета в народе получила название «калишки» (по-чешски чаша — «калих»). Было налажено производство оружия, в некоторых пражских монастырях, разгромленных народом, отливались пушки.

Богатые и зажиточные бюргеры Праги затаили своё недовольство. Считая, что власть в городе находится в надёжных руках, руководители таборитов решили увести войска из Праги, чтобы использовать их в новых боях с феодально-католической реакцией.

После того как войска Сигизмунда сняли осаду с Праги и стали беспорядочно отступать, создались благоприятные условия для разгрома опасного врага гуситов — пана Ольдржиха из Рожмберка. Потерпев поражение под Табором, Ольдржих стал жестоко преследовать народных проповедников и их последователей на территории своих огромных владений. Так как земли Рожмберка со всех сторон окружали Табор, для таборитов борьба против этого сильного и коварного врага стала неотложной задачей, тем более, что немалую часть находившихся в Таборе крестьян составляли беглые люди Рожмберка, которые помнили, что он всегда жестоко эксплуатировал их.

Теперь гнев народа обрушился на могущественного пана. Замки Рожмберка подвергались разрушению, а его крестьяне вступали в отряды таборитов. Особенно крупным успехом народных сил явилось взятие города Водняны, захваченного несколько ранее феодалами. Велико было значение и занятия народными войсками важного в военном отношении замка Ломнице. При штурме последнего отличился верный сподвижник Жижки — Ян Рогач из Дубы, а также Ольдржих Вавак. Однако Рожмберк всё же сохранял важнейшие пункты в непосредственной близости от самого Табора, среди которых особенно важны были замки Пршибенице и Пршибенички, стоявшие друг против друга на берегах Лужнице. Из этих замков наёмники и

Жижка во главе народных войск
(из иенской рукописи 2-й половины XV века)

вассалы Рожмберка контролировали связи Табора со всей страной.

В начале сентября в руки Рожмберка попал Коранда. Он был захвачен при выезде из Табора и брошен вместе с несколькими своими товарищами в темницу в Пршибе-нице. Но не так легко было сломить Коранду. В ночь на

13 ноября 1420 года он и его сподвижники сумели освободиться от колодок и выбрались из тюремного подвала в центральную часть башни, под которой находилась их тюрьма. Втыкая в щели между камнями доски, пленные табориты выбрались по ним на верхнюю площадку башни, захватили врасплох стражу и освободили всех остальных заключённых. Одного из сторожей, сочувствовавшего гуситам, табориты отпустили, взяв с него клятву пробраться в Табор и рассказать там о случившемся. Гетман Збынек из Буховец, узнав о происшедшем, двинул отряд таборитов к Пршибенице. Только во время штурма начальник замка узнал, что одна из его башен находится в руках освободившихся узников. Когда начался приступ, Коранда с товарищами оказывали помощь штурмующим таборитам, отгоняли стражу от тех участков стены, которые прилегали к занятой ими башне. Благодаря помощи Коранды и его отважных соратников Пршибеницкий замок был взят таборитами, несмотря на то, что к нему прибыл отряд рожмберкских воинов. Слух об этом дошёл до соседнего Пршибенического замка. Гарнизон овладела паника, и второй замок был взят таборитами ещё к вечеру того же дня. Таким образом, два лучших замка Рожмберка, которые считались неприступными, в один день попали во власть воинов Табора. Табориты завладели громадными богатствами, которые были свезены сюда многими окрестными феодалами, считавшими рожмберкские замки надёжной защитой от народных войск.

В осенние месяцы 1420 года Ян Жижка продолжал успешно действовать на Юге. В начале октября табориты заняли замок Панский бор. На выручку к владельцу замка прибыли сам Ольдржих Рожмберк и ряд других панов, в том числе Богуслав Швамберк. Жижка не мог удержать разрушенные при недавнем штурме стены крепости и расположился со своими отрядами в вазовом укреплении на одном из соседних холмов. Здесь он выдержал ряд атак, а 12 октября перешёл в наступление и одержал блестящую победу. Через месяц после этого Жижка занял крупный торговый центр южной Чехии — город Прахатице.

Примерно в это же время произошли важные события и в центре страны, у Праги. Император Сигизмунд, укрепившийся у Кутной Горы, неоднократно пытался прийти на выручку своему гарнизону, засевшему в Вышеградском замке. До тех пор пока Вышеград находился в руках коро-

Изображение на стене ратуши в Баторе
(согласно традиции, слева Ян Жижка,
справа Микулаш из Пельгржимова)

левского войска, он представлял собой постоянную и страшную угрозу для Праги. Ещё в сентябре пражане пытались отбить Вышеградский замок, но безуспешно. В конце октября Сигизмунд с венгерскими феодалами и подоспевшими к нему отрядами моравских панов снова появился у Праги. Пражане сопротивлялись с помощью оребских отрядов, а также ополчений, присланных из Жатца и Лоуни. Из Табора на помощь к ним прибыл с небольшим отрядом Микулаш из Гуси. Первого ноября Сигизмунд попытался пробиться к Вышеграду, но был разбит в жестокой схватке, где погибло много моравских и венгерских феодалов. Император бежал с остатками своих

войск по направлению к Кутной Горе. На следующий день сдался вышеградский гарнизон.

Около этого времени пан Ольдржих из Рожмберка также был вынужден заключить на три месяца перемирие с таборитами, разрешив при этом свободную проповедь четырёх пражских статей на территории своих владений.

Ликвидация военной опасности привела пражское бюргерство к убеждению, что его положение достаточно упрочилось. Теперь богатая верхушка бюргеров начинает тяготиться союзом с таборитами. В середине ноября пражские власти ввели в городе предварительную цензуру проповедей. Этим были возмущены табориты и их вождь Микулаш из Гуси. Кроме того, пражские бюргеры предложили польскому королю Владиславу корону. Микулаш из Гуси протестовал также и против этого решения. Но он ничего не добился и уехал из Праги. Встав во главе крестьянского войска, он начал очищать от королевских гарнизонов мелкие укрепления вокруг Праги.

Уход таборитов из Праги усилил консервативные элементы в городе. Во второй половине ноября произошёл переворот. На место коншелов, избранных по воле народа, были поставлены новые, позиция которых была видна уже из того, что они отказались соблюдать договор с таборитами, заключённый их предшественниками во время недавней осады города.

Вскоре последовали события, оказавшие влияние на ход военных действий у Праги. В начале декабря к таборитам, осаждавшим Ржечанский замок, присоединился отряд Жижки. Ржечаны были взяты, и победоносные отряды таборитов снова вступили в столицу.

Увеличение политического значения богатого пражского бюргерства обострило разногласия между ним и основным ядром крестьянских армий Табора. Желая во что бы то ни стало подчинить всё народное движение своему руководству и направить его по выгодному только для себя руслу, идеологи пражских чашников не без основания усматривали большое препятствие для этого в деятельности и взглядах народных проповедников. Под предлогом того, что необходимо обсудить и преодолеть идеологические противоречия среди гуситов, было решено 10 декабря собрать совещание представителей чашников и таборитов. Утром этого дня предводители таборитов были приглашены на обед в Ратушу. Жижка отправился по приглаше-

нию, но Микулаш из Гуси отказался явиться, заявив, что не может быть спокоен во время предстоящего совещания за свою жизнь. Дальнейшие события показали, что он был прав. Когда вечером того же дня Микулаш выезжал из Праги в Табор, он пал жертвой довольно подозрительного несчастного случая. При переезде через мост у самой Праги лошадь его понесла, и он сломал ногу и получил тяжёлые ушибы. Его привезли назад в Прагу, и там славный гетман таборитов вскоре умер (24 декабря 1420 года). Современники единодушно отмечали образование, широту политического кругозора, военные способности и преданность делу народа этого выдающегося деятеля Великой Крестьянской войны XV века.

Во время обсуждения разногласий между таборитами и чашниками пражские магистры зачитали длинный список из 76 пунктов, в котором излагали ошибочные и вредные, по их мнению, взгляды крестьянских проповедников¹. Со стороны таборитов отвечали Ян Рогач, Хвал из Маховиц, а также талантливый проповедник Мартин Гуска. Выступил и незадолго перед этим избранный таборитами епископ Микулаш из Пельгржимова. Обсуждение не привело, как и следовало ожидать, к устранению противоречий. Стороны согласились на том, что специально избранным уполномоченным будут вручены письменные ответы по всем пунктам обвинения. В эти же дни из Праги было отправлено посольство в Польшу, а табориты удалились в Табор. Здесь на место Микулаша из Гуси был избран гетманом Ян Рогач. Первым гетманом Табора и признанным главою его вооружённых сил стал Ян Жижка.

В январе 1421 года военные действия возобновились. Табориты во главе с Жижкой и Хвалом из Маховиц двинулись в западную Чехию и заняли два богатых и хорошо укреплённых женских монастыря — Хотешовский и Кладорубский. После этого был осаждён замок Швамберк. Находившийся там старый противник таборитов пан Богуслав из Швамберка вынужден был капитулировать; он был подвергнут заключению в своём собственном замке.

Отсюда табориты двинулись к Тахову, оставив в занятых пунктах гарнизоны. В это время феодально-католи-

¹ Именно из этого документа, сохранившегося в нескольких списках (число пунктов в рукописях колеблется), известны в настоящее время основные положения учения таборитов.

ческая реакция снова активизировалась. Соединившись с баварскими герцогами, не потерявший надежд на своё водворение в Чехии Сигизмунд устремился против таборитов. Однако героическое сопротивление небольшого кладорубского гарнизона, где находился Хвал, остановило его натиск, а прибытие Жижки заставило императора бежать в северную Чехию, а оттуда в Моравию.

В марте 1421 года табориты осадили важнейший город юго-западной Чехии Пльзень. Хорошо укреплённый Пльзень держался стойко. Там находились не только местные патриции и феодалы, но и многие паны, бежавшие при приближении таборитов из Тахова, Домажлице и других городов юго-запада. Сначала паны согласились принять пражские статьи, но, едва табориты отошли от города, они вероломно нарушили соглашение. Пльзень оставался, таким образом, оплотом союза панов — так называемого Пльзеньского ландфрида, который был главной силой реакции внутри Чехии.

Из-под Пльзня таборитские войска двинулись на север. Жижка осадил и взял приступом Хомутов, а Лоуни и Слани открыли перед ним свои ворота. 22 марта победоносные войска гуситов вступили в Прагу.

Незадолго до этого в Прагу прибыл Вацлав Коранда. Он привёз ответ таборитов на обвинения пражских магистров, но отказался передать этот документ городским властям и университетским магистрам и потребовал, чтобы ему было разрешено обратиться непосредственно к народу. Не получив согласия, он выступил в той церкви (церковь Марии Снежной в Новом городе), где проповедовал Ян Желивский, и подробно изложил и обосновал перед многолюдным собранием пражского плебса сущность таборитских взглядов. После этого Коранда послал ответ таборитов пражским коншелям, а сам немедленно уехал из города.

В конце марта гуситы снова выступили в поход. Жижка двинулся к Бероуну, а основные силы пражан и присоединившиеся к ним табориты и оребиты направились в восточную Чехию. Войска Жижки осадили Бероун, занятый войсками итальянских наёмников Сигизмунда под командой Родольфо Беца. Город был взят через несколько дней, причём табориты сурово расправились с врагами. Причиной этой расправы было то, что во время осады войнам Жижки стало известно, как за несколько недель до

того сторонники Сигизмунда учинили в Кутной Горе очередную зверскую расправу с пленными таборитами. Там уничтожили, сжигая или сбрасывая в шахты, более 700 человек. В числе других погиб и один из основателей Табора и руководителей таборской общины — Ян Громадка.

Гуситскими войсками в восточной Чехии командовал пан-чашник Гинек Крушина из Лихтенбурка. Фактическим главою гуситской армии был, однако, Ян Желивский, носивший титул «справца войск». В апреле гуситы одержали ряд побед и заняли такие крупные города, как Чески Брод, Коуржим, Колин, Нимбурк, Часлав, ряд крупных монастырей — Скалицкий, Седлецкий, Сазавский, Вилимовский, Дробовицкий, Опатовицкий. Монастыри предавались разрушению и сжигались, церковная утварь уничтожалась. С захваченными монахами расправлялись беспощадно. В этом сказывалась непримиримая ненависть крестьян, составлявших основу гуситских войск, к жестоким и лицемерным эксплуататорам. Уничтожение монастырей, являвшихся, как правило, сильно укрепленными пунктами реакции, имело, кроме того, и немаловажное военное значение.

Успехи таборитов в восточной Чехии заставили многих феодалов явиться к победителям с повинной. В Колине, между прочим, в лагерь Желивского прибыл пан Ченек из Вартенберка. Он принёс новую присягу на верность чаше и публично покаялся перед войском, прося у пражан прощения за свою прежнюю измену делу гуситов. Дальнейшие события показали, впрочем, что Ченек лишь маневрировал и хитрил, стремясь избежать заслуженного возмездия и снова пробраться к власти.

23 апреля гуситские войска подошли к Кутной Горе. Горожане выслали депутацию женщин и детей, умоляя о пощаде. Желивский согласился оказать милость всем жителям, хотя кутногорские патриции и принадлежали к числу злейших и коварнейших врагов гуситов. За Кутной Горой перед гуситами открыли ворота Жлебы, Лихтенбурк, Хрудим. Здесь к ним присоединился Жижка, а затем совместно были заняты Высоке Мито, Литомишль, Поличка, Яромерж, Кралёвый Двур, Трутнов. Устрашённые моравские паны поспешили выразить согласие с пражскими статьями. Они боялись вступления народных войск в Моравию, где и без того феодалам приходилось

прилагать все силы для подавления разгоравшейся борьбы крестьян.

Именно к этому времени относится попытка моравских крестьян создать свой революционный центр по образцу Табора. В окрестностях села Недакунице (у города Градище) стал стихийно возникать Новый Табор. Крестьяне совместно с присоединившимися к ним лишёнными приходов попами и несколькими мелкими шляхтичами совершили нападение на Велеградский монастырь. Местные паны и оломоуцкий епископ призвали на помощь австрийских феодалов. Однако даже объединённые отряды моравских и австрийских феодалов не смогли захватить укреплённый лагерь восставших крестьян. Движение стало распространяться на соседние территории. Император направил для борьбы с повстанцами значительные военные силы. Тогда крестьяне разошлись, но многие из них не сложили оружия и сумели пробраться в Чехию, где влились в отряды гуситов.

Таким образом, вся центральная и восточная Чехия перешла в руки гуситов. Однако выдающиеся военные успехи сопровождались усилением внутренних противоречий среди гуситского лагеря. Обострение классовой борьбы в годы Великой Крестьянской войны выражалось не только в усилении противоречий между чашниками и таборитами, но и в увеличении расхождений внутри тех и других.

Среди чашников было сравнительно велико количество мелких и даже крупных феодалов, которые, видя военные успехи гуситов, вынуждены были признавать себя сторонниками чаши. Эти элементы пользовались каждым удобным случаем, чтобы предать интересы национально-освободительной борьбы и сторговаться с Сигизмундом. Поскольку они при этом оставались в рядах чашников, они способствовали постепенному превращению чашников в возможного союзника феодальной реакции, и это было тем более закономерно, что основное ядро чашников — бюргеры — было заинтересовано не в углублении и обострении борьбы против феодально-католической реакции, а в таком компромиссе с нею, который закрепил бы командные высоты в городах за чешским бюргерством, оставляя, вместе с тем, в руках шляхты захваченные ею земли.

По мере увеличения размаха крестьянской войны бюргерские элементы внутри чашников всё далее отходили от

революционного крестьянско-плебейского ядра движения. Они пытались использовать в своих интересах и для подавления народных масс примыкавших к движению феодалов. Слабость и незрелость чешского бюргерства выразились в том, что оно никогда не смогло стать гегемоном движения. Бюргеры вынуждены были разделять руководящую роль в движении со шляхтой, уступая по мере развёртывания событий всё новые и новые позиции в пользу последней. Некоторые, очень немногие, чашники шли на сближение с таборитами и в отдельных случаях прямо переходили к ним.

Значительно более резкие расхождения обозначились в лагере таборитов. Нельзя забывать, что социальный состав таборитов был неоднородным. Кроме крестьян, составлявших основную массу участников и ядро национально-освободительного гуситского движения в целом, в рядах таборитов находились рыцари и бюргеры, а также наиболее обездоленная часть городского люда — «вечные» подмастерья, подёнщики, деклассированные элементы, многие из которых были недавно крестьянами, но, разорвав с деревней, не нашли себе места и в городе. Да и сами крестьяне различались по имущественному и юридическому положению, по месту происхождения, и интересы их приходили порой в столкновения друг с другом. Взгляды этих многочисленных групп были так же сложны и противоречивы, как и их интересы; мнения их не совпадали, составляя пёстрое переплетение различных течений и направлений.

К концу 1420 года в первоначальной организации таборитов произошли некоторые показательные изменения. Избрание в Таборе своего епископа — Микулаша из Пельгржинова — свидетельствовало об окончательном разрыве с католической иерархией. Но создание таборского епископства являлось не только одним из звеньев в организационном укреплении таборитов, оно было также выражением разрыва с первоначальными традициями Табора, не признававшими никаких церковных властей и требовавшими полной свободы проповеди. Между тем создание епископской власти сразу же привело к запрещениям и стеснениям проповеди для крайних народных сект.

Трения обозначились ещё яснее, когда осенью 1420 года таборитское командование стало взимать с присоединившихся к таборскому союзу сёл и городов обычный святогал-

льский» чинш¹. Впрочем, осенний чинш 1420 года был намного меньше всей суммы обычных феодальных платежей.

При всём этом примерно до конца 1420 — начала 1421 года крестьянско-плебейские элементы оказывали решающее влияние на облик и поведение всего лагеря таборитов. В отдельных случаях можно говорить о том, что вся полнота власти принадлежала сельской и городской бедноте. Так было в Таборе в первые месяцы его существования, когда повстанцы на практике попытались добиться выполнения, хотя бы в качестве временной и военной меры, отдельных требований хилиастической программы.

Эта мера, вызванная военной и хозяйственной необходимостью, всё же явилась для многих крестьян ударом, отбросившим их из мира светлых фантазий и радужных надежд к суровой земной действительности. Лишь немногие крестьяне ясно понимали, что этот сбор имеет особый характер, что он идёт не на удовлетворение потребностей феодалов, но даёт средства, необходимые для борьбы с ними. Тем не менее введение налога, предполагавшего наличие собственности, наносило идеям крестьянского уравнительного коммунизма сокрушительный удар. Становилось очевидным, что ещё далеко до тех манящих идеалов тысячелетнего царства божьего, которые смутно вырисовывались под влиянием радикальных проповедников в воображении задавленных феодальным гнётом крестьян.

Материальное положение крестьян-таборитов значительно улучшилось. Крепостное состояние было фактически отменено, церковная десятина и многочисленные поборы в пользу попов исчезли, многие крестьяне получили возможность вести самостоятельное хозяйство. Но при существовавшем тогда уровне развития производительных сил общественная собственность на средства производства была невозможна, а хилиастическая общность имущества могла осуществиться «лишь в качестве чисто военной меры»², и притом весьма кратковременной.

Большинство таборитов примирилось с действительностью, покорились необходимости, и далекие идеалы стали постепенно утрачивать для них своё обаяние.

В ходе крестьянской войны развились и усилились противоречия между зажиточным седляком и безземельным

¹ Святогалльский чинш — феодальный платёж, взимавшийся с крестьян в день празднования св. Галла, 16 октября.

² Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 38.

подсоседком, вынужденным искать приработка в хозяйстве богатого крестьянина. Это было естественным результатом ослабления феодальной эксплуатации, спланивавшей прежде всех крестьян в общей борьбе против феодального строя. Перед лицом могущественных феодалов и церкви противоречия в крестьянском лагере естественно должны были тогда отступить на задний план. Но теперь изменения в положении чешского крестьянства приводили с необходимостью к нарушению первоначального единства среди таборитов и к зарождению противоречий в их среде.

Серьёзные изменения произошли к этому времени и в положении городского плебса и бюргерства крупных городов, прежде всего Праги. Ремесленники укрепили своё хозяйство. Ведь одни только военные заказы обеспечивали им постоянный заработок, создавая возможность выгодного сбыта целого ряда видов продукции. Кроме того, изгнание немецкого патрициата и верхушки бюргерства из Праги и большинства городов расширяло хозяйственные возможности чешских бюргеров. Им досталось имущество, дома и мастерские бежавших. Многие обедневшие бюргеры впервые после значительного перерыва получили возможность восстановить самостоятельное хозяйство; многие плебеи получили постоянный заработок.

Однако большинство городского населения продолжало оставаться в тяжёлом положении. Многие видели единственный выход в том, чтобы превратиться в профессиональных воинов. Наряду с крестьянством они входили в состав таборитских армий. При этом их стойкость и преданность делу народа не выдерживали часто сравнения с революционным энтузиазмом наиболее сознательной части крестьянства. Большинство этих воинов-профессионалов поступало на службу из-за денег: одни — в пражские войска, другие нанимались к тем, кто вёл борьбу против восставшего народа.

Разумеется, первоначальные идеалы движения не могли сразу потерять своё значение для всех его участников. Далеко не каждому удалось стать владельцем мастерской или наладить своё крестьянское хозяйство. Крестьяне и городская беднота в своей массе оказались не только наиболее активными бойцами в вооружённой борьбе, но и носителями наиболее революционной идеологии. Городская и сельская беднота объединялась в «народно-революционные, евангелически-коммунистически-респуб-

ликанские секты»¹. Они носили различные названия, но чаще всего сторонников крайних хилиастических взглядов называли пикартами, иногда адамитами. Главными вожжами пикартов были священники Пётр Каниш, Ян Быдлинский, Мартин Гуска и другие. Пикарты последовательно отстаивали хилиастическое учение раннего Тabora, а в их религиозных взглядах были элементы материализма. Они выступали против всякой эксплуатации и насилия. Воображению пикартов рисовалось общество, где не будет никакой собственности и все люди будут жить, как братья. Пикарты называли папу главою еретиков, отрицали всякую церковную организацию, называли церкви притонами грабителей, а монастыри — вертепами разврата. Их идеологи отвергали даже причастие, которое признавали остальные табориты.

Наиболее крайние и последовательные пикарты пытались осуществить свои идеалы уже в то время. Они отрицали не только собственность, но и семью; они учили, что всякое индивидуальное начинание и действие греховно и, напротив, всё, что люди делают сообща, лишено греха. О себе они утверждали, что живут в «райской невинности». Враги обвиняли их в том, будто они вообще ходят без одежды и каждый из них является мужем или женой для всех остальных. Их идеологи проповедовали, что не существует ни бога, ни дьявола: первый живёт в сердцах добрых и праведных людей, а второй — в сердцах злых. Себя они считали бессмертными и равными Христу, в котором видели лишь простого человека.

Воззрения пикартов, в которых выступал заметный элемент материализма, отпугивали многих крестьян, опутанных религиозными предрассудками, и казались им кощунством и безбожием. Поэтому, хотя социальная сторона учения пикартов и привлекала симпатии городской и сельской бедноты, они всё же оставались сравнительно немногочисленными и в решительный момент не получили поддержки широких масс.

Идеалы пикартов, далеко опередившие возможности своего времени, были неосуществимы не только в XV веке, но и в ближайшие века. Поэтому пикарты были обречены на поражение. «...Это стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, Тетрадь 2, Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 224.

фантастическим, лишь насилием над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускали тогдашние условия»¹. Но борьба пикартов не прошла бесследно. Мечты о равенстве людей, об обществе, где не будет эксплуатации, поднимали чешское крестьянство на борьбу и, ставя перед ним неосуществимую при тогдашних условиях цель, максимально активизировали его усилия в борьбе за те непосредственные задачи, которые были очередной ступенью в многовековой борьбе трудящихся за построение бесклассового общества. Далёкие идеалы пикартов помогали массам радикально решать ближайшие задачи борьбы.

К весне 1421 года в развитии гуситского революционного движения наступил критический момент. Размах классовой борьбы крестьян и городской бедноты рассматривался примыкавшими к движению феодалами и бюргерством как прямая угроза их интересам. В связи с этим хилиастическая проповедь пикартов стала не на шутку беспокоить имущие элементы в среде таборитов. Первыми выступили идеологи умеренных таборитов. В конце февраля 1421 года таборский епископ Микулаш из Пельгржинова и магистр Ичина обратились к пражским магистрам с письмом, в котором указывали, что Мартин Локвис и 400 других пикартов не хотят чтить «святой алтарь», выливают на землю «кровь христову», ломают и продают чаши. Николай и Ичина просили помощи против пикартских проповедников у авторитетных магистров — идеологов пражского бюргерства Якубка из Стршибро и Пржибрама. Кроме того, они призывали к согласованным действиям против наиболее активных идеологов и руководителей пикарства.

Прежде всего подверглись преследованию проповедники пикартов, а самим пикартам предложили отречься от их взглядов. После своего отказа они вынуждены были удалиться из Табора и перешли в Пршибенице, но и отсюда были вытеснены. Тогда пикарты укрепились в крепости неподалёку от Пршибенице. Они были вооружены и продолжали свою проповедь, к которой прислушивались

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 37—38. Это высказывание Энгельса о Мюнцере и его сторонниках в крестьянской войне 1525 года в Германии полностью применимо и к Мартину Гуске и другим чешским хилиастам XV века.

многие бедняки-табориты. О серьёзных разногласиях среди оставшихся таборитов свидетельствует тот факт, что в конце марта, накануне выступления Жижки из Праги в новый поход, таборитский проповедник Антох прямо призывал воинов Жижки к разрыву с пражанами. Антох говорил о «двурогом звере», один рог которого представляют коншелы старого пражского города, а другой — университетские магистры. Взамен совместного похода он предлагал удалиться в Табор. Несмотря на противодействие Жижки, немалая часть его воинов ушла за Антохом в Табор. Жижка, однако, всё же выступил в намеченный поход и осадил хорошо укреплённый город Бероун, а после взятия Бероуна двинулся к Табору.

Вскоре после этого по настоянию правого крыла таборитов была учинена расправа с представителями крайних революционно-утопических сект. Укрепление пикартов было осаждено, а затем взято приступом. Пикарты отчаянно оборонялись. Большинство их погибло в бою, но более 40 человек попало живыми в руки победителей. Учитывая, что среди таборитов было немало тайно сочувствовавших пикартам и их программе, инициаторы расправы хотели во что бы то ни стало принудить пленных отказаться от их убеждений. Такое отречение должно было показать, что пикарты сами признали свои заблуждения, и этим окончательно уронить их программу в глазах возможных последователей. Напрасны были и угрозы, и пытки. Пленные пикарты и среди них Пётр Каниш, один из первых организаторов хождений на горы, отвергли все предложения раскаяться и мужественно взойшли на костёр в Клокотах на глазах у всех жителей Табора.

Ещё несколько ранее этого времени преследования пикартов начались в Праге. Пражские коншелы запрещали городским жителям поддерживать связь с пикартами. Но пражская беднота не считалась с этими запретами. Вскоре начались и казни. Летом 1421 года был сожжён пражский ремесленник — портной Вацлав, сторонник пикарства.

Мартин Гуска тоже не избежал расправы. Некоторое время он скрывался в разных местах, но всё же попал в конце концов в руки врагов. Осуждённый в Праге, где городские власти не осмелились привести в исполнение приговор, этот замечательный проповедник и смелый мысли-

тель был сожжён со своим другом в Руднице в августе 1421 года после мучительных пыток, как упорствующий еретик, не признающий святости причастия. Гуска до самой смерти оставался верен своим взглядам. Гуска отказался даже от предсмертной исповеди и молитвы — явление необычное не только для XV века, но и для значительно более близких к нашему времени периодов. Несмотря на все преследования оставшихся сторонников пикарства, память о Гуске пережила века. Уже вскоре после расправы Вацлав Коранда называл его святым, чем вызвал дикое озлобление врагов народа.

После расправы с основным ядром пикартов в Клоках уцелевшие остатки их скрывались в южной Чехии, в Валовских лесах по берегам реки Нежарки. Община этих пикартов была немногочисленна. Под предводительством двух крестьян — Петра и Николая, которые называли себя Моисеем и Христом, а своих сторонников «ангелами господними», ниспосланными для наказания погрязшего в грехах мира, южночешские пикарты (их иногда называют николаитами) нападали на владения соседних феодалов. Живя за счёт военной добычи, они пытались последовательно осуществлять свои идеалы.

Осенью 1421 года пришёл и их черёд. Посланный Жижкой довольно значительный отряд отборных воинов в октябре 1421 года вступил в Валовские леса. Окружённые в своём лагере пикарты упорно сопротивлялись. В бою был убит гетман Боржек из Клатова, посланный Жижкой. После взятия лагеря немногочисленные пленные, среди которых были и женщины, подверглись сожжению.

Расправа с крайними революционно-утопическими сектами должна была по представлению Жижки и тех социальных слоёв, представителем которых он являлся, усилить народно-освободительное движение в целом. Ликвидация левого крыла таборитов не была случайным явлением и объяснялась в конечном счёте всей совокупностью и сложным сплетением предшествовавших событий, уровнем социально-экономического развития и расстановкой классовых сил в Чехии в ходе Великой Крестьянской войны. Но в результате разгрома левых народных течений сузилась социальная база таборитов в целом, во главе всего гуситского революционного движения окончательно встал бюргерско-рыцарский блок.

В учениях и практике пикартов содержались, вне сомнения, некоторые пункты, которые могли объективно лишь повредить тому делу, за которое они боролись, но это объясняется тем, что в условиях средневековья чрезвычайно трудно было не только бороться за идеалы бесклассового общества, но даже и формулировать эти идеалы. Ввиду крайней сложности задач, стоявших перед идеологами и вождями крайних течений гуситства, трудно было бы ожидать от них чётких и продуманных ответов на те вопросы, которые ещё не были сформулированы условиями жизни. Их значение определяет та величественная цель, за которую они самоотверженно боролись, пытаясь повести за собой массы, связь с которыми они сами ослабили, призывая их к борьбе за такие идеалы, для осуществления которых ещё не была подготовлена почва в тогдашней действительности.

Расправа с крайними течениями таборитов не могла усилить гуситский лагерь в целом и лишь ускоряла увеличение удельного веса правых его элементов. Только изоляция правого крыла и дальнейшее углубление и обострение борьбы народных масс могли бы укрепить весь революционный лагерь. Но на этот путь не могли вступить земаны и бюргерство, которые находились у руля во время Великой Крестьянской войны в Чехии. Земаны и бюргеры в ходе событий сами отклонялись всё более и более вправо. Это означало, что крестьянская война отныне неизбежно должна была идти к поражению, хотя и не прямолинейно, а со значительными порой подъёмами революционной активности масс. Самому Жижке пришлось скоро убедиться на опыте, что прочное соглашение с земанством и бюргерством, объединёнными в лагерь чашников, невозможно без дальнейших уступок, на которые он и его сторонники ещё не были согласны. Но победа у Малешова не могла восстановить равновесие, навсегда разрушенное кострами в Клокотах.

**РАЗГРОМ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО КРЕСТОВЫХ
ПОХОДОВ. ЯН ЖИЖКА.
РАЗРЫВ МЕЖДУ ТАБОРИТАМИ И ЧАШНИКАМИ
(1421—1424 годы)**

Победы гуситов весной 1421 года поставили под их власть большую часть территории страны. К этому времени в центре Чехии под контролем Праги находились города Бероун, Лоуни, Слани, Хомутов, Литомержице, Чески Брод, Кутная Гора, Часлав, Хрудим, Яромерж и другие. В занятые города пражские городские власти ставили своих правителей, собирали в них налоги, отправляли суд. После включения в состав Пражского союза Кутной Горы там выпускалась и новая монета от имени пражан.

С другой стороны, ряд южночешских городов входил в Таборское братство. Здесь мы находим такие города, как Писек, Прахатице, Горажdevице, Сушице, Клатови и Домажлице. Наконец, в Градецком крае сложилось Оребитское братство, которому принадлежали Градец Кралёvый и ряд других городов. На северо-западе укрепился Жатцкий союз с центром в Жатце. Все эти новые политические объединения являлись по существу республиками, не признававшими власти императора.

Разгром пикартов и других крайних сект, являвшийся с точки зрения общих перспектив движения в целом серьёзным шагом назад, имел своим ближайшим следствием временное сближение таборитов и чашников. Поэтому на собравшемся в Чаславе по инициативе пражского магистрата сейме оказались возможными многие согласованные решения по ряду важных вопросов. На сейм прибыли представители Сигизмунда, пражский архиепископ Конрад, а также многие католические паны, которые желали признанием сейма спасти остатки своих владений. Сейм, заседания которого продолжались в течение всего июня 1421 года, принял прежде всего решение о том, что четыре пражские статьи распространяются на всю территорию Чехии. Другим важным постановлением сейма было низложение Сигизмунда. Он был объявлен недостойным королевского сана и, как враг священного писания и злейший недруг всей страны, лишённым всяких прав на престол, а его активные сторонники были поставлены вне закона. До избрания нового короля сейм создал временное правительство в составе двадцати «земских владаржей», из которых пять было выбрано от панов, пять от шляхты, четыре от Праги, два от Табора и четыре от всех остальных городов. В число владаржей попали такие паны, как Ченек из Вартенберка, Гинек Крушина из Лихтенбурка, Ольдржих из Рожмберка и другие. От таборитов были избраны Жижка и Збынек из Буховец. В помощь владаржам сейм назначил двух советников из духовенства, которые должны были участвовать в обсуждении наиболее сложных и ответственных вопросов. Советниками стали идеолог чашников магистр Ян Пржибрам и вождь пражского плебса Ян Желивский. Сейм постановил также разработать проект нового церковного устройства и продолжить начатые с Польшей и Литвой переговоры о кандидатурах на освободившийся чешский престол.

Чаславский сейм явился выражением силы гуситского движения. Успехи гуситов были возможны лишь благодаря самоотверженной борьбе народа, они были куплены ценою жертв сотен и тысяч безвестных героев из крестьян и плебеев. Значение Чаславского сейма было велико. Впервые в истории средневековой Европы восставший народ отверг наследственное право короля на престол и создал, хотя бы временно, республиканское правление в масштабах целой страны. Показателен и тот факт, что

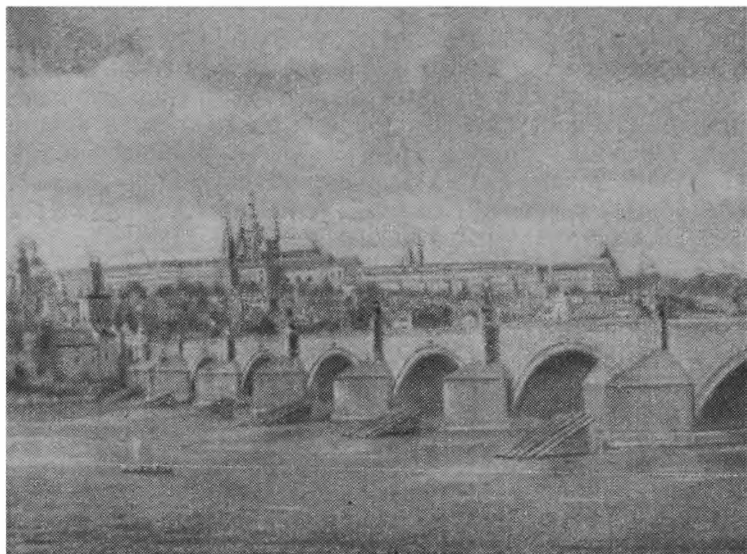
временное правительство состояло наполовину из представителей городов. Распространением пражских статей, лишением Сигизмунда престола и созданием временного правительства сейм в Чаславе закреплял итоги национально-освободительной борьбы, упрочивал положение бюргерства и шляхты, поднимал международное положение Чехии. Одновременно он давал бюргерству других стран образцы антифеодальной борьбы и организации политической жизни.

В то же время Чаславский сейм обнаружил и слабость победителей, и ограниченность их программы и действий, обусловленных классовыми интересами бюргерства и шляхты, стоявших во главе всего движения. В самом деле, народные массы, являвшиеся главной силой движения, после расправы с крайними течениями были отодвинуты на второй план, а их классовые требования даже не прозвучали во время сеймовых заседаний. На сейме, как и в прежние годы, не было ни одного крестьянина, а ведь крестьяне составляли огромное большинство населения и ядро победоносных гуситских армий. Именно поэтому бюргерство и земанство, которые не могли предложить народу программу, соответствующую его классовым интересам, уже в ходе сейма оказались неспособными полностью реализовать те возможности, которые были открыты для них революционной активностью народа. Они стали склоняться к более или менее замаскированным соглашениям с крупными феодалами. Результатом такого поведения и лежавшей в его основе политической ограниченности бюргерско-земанского блока явилось включение в состав временного правительства таких злейших врагов народа и гуситского освободительного движения, как Рожмберк или Вартенберк. Само собой разумеется, что в дальнейшем такой состав временного правительства явился тормозом для всей его деятельности. Выражением политического преобладания бюргерства и земанства и их стремления к соглашению с панами явилось решение сейма о приглашении на вакантный трон Чехии великого князя Литовского. Уже через несколько дней после закрытия сейма из Литвы прибыло посольство, уведомлявшее, что великий князь Витовт согласен вести переговоры по этому вопросу.

Стремление панов-чашиков, богатых пражских бюргеров и части таборитов к соглашению с великим князем

Литовским не выражало подлинных желаний народа. Ян Желивский продолжал в Праге горячо выступать против избрания любого короля и призывать массы к прямому захвату власти. 30 июня народ низверг коншелов, поставленных путём насилия семь месяцев назад, и по предложению Желивского принял важное решение о слиянии Нового и Старого городов в единое административное целое. При всех дальнейших переворотах единство пражского городского управления, установленное в этот день, более не нарушалось. Во время этих событий из тюрем были освобождены многие заключённые. Среди них находился, между прочим, будущий вождь таборитов Прокоп, которого обвиняли в приверженности к пикартству. Новые коншелы были избраны из числа сторонников Желивского. Некоторых из них враги также называли пикартами. Современники-летописцы феодально-католического лагеря свидетельствуют, что все зажиточные пражане относились к новым властям с подозрением и ненавистью. Сам Желивский оказался вскоре одним из четырёх справцев, которым предстояло решать вопросы переустройства всей церковной организации. Так как остальные три справца тяготели к правому крылу чашников (это были магистры Якубек из Стржибра, Прокоп из Пльзня и Ян Пржибрам), Желивскому, который склонялся к таборитской организации духовенства, не удалось отстоять свои радикальные планы. Были приняты половинчатые решения в духе четырёх пражских статей. Вскоре на Желивского были возложены новые, ещё более важные обязанности.

В середине июля был тяжело ранен выдающийся полководец таборитов Ян Жижка. При осаде замка Раби в его единственный глаз попала стрела. Жижка выжил, но полностью потерял зрение. Между тем военная обстановка требовала немедленных активных действий. Желая под благовидным предлогом удалить из Праги вождя плебейских масс, бюргеры поручили Желивскому командовать пражскими военными силами. Они надеялись в глубине души, что он не справится с этим поручением. Однако их расчёты не оправдались. В июле пражские войска под командой Желивского заняли Билину и осадили Мост. Между тем в Праге начались преследования пикартов, и пражские власти вступили в переговоры с панами относительно избрания нового короля. К тому же на выручку Мосту подошли отряды германских феодалов, и осаду

Прага. Мост через Влтаву
(построен в XIV веке)

пришлось снять. Желивский вернул в Прагу. Он стал доказывать народу, что сговор с панами об избрании короля противоречит интересам народа. Под давлением пражского плебса бюргеры отказались участвовать в переговорах с панами, но затем всё же послали своих представителей в Кутную Гору. Тем не менее представители Праги воздержались от участия в решении о приглашении Витовта, которое было принято в Кутной Горе.

Во время всех этих событий над чешским народом опять нависла грозная опасность. В конце августа новые отряды крестоносцев перешли западные границы Чехии. Здесь были представлены силы пяти германских курфюрстов, ландграфа Мейссенского и многих других князей. В армии крестоносцев было немало феодалов из самых отдалённых углов Европы. В походе принимали участие английские и даже арагонские рыцари, благословляемые папой и возбуждаемые надеждой на богатую добычу. Вся эта пёстрая и неорганизованная масса грабителей двинулась от Хеба к Хомутову, а затем осадила Жатец, куда прибыл Ян Желивский. Город упорно оборонялся,

и натиск крестоносцев вскоре ослабел. Воины занимались грабежом и свирепо истязали захваченных в плен крестьян из окрестных сёл. Князья ссорились между собой и роптали на Сигизмунда, который должен был по первоначальным планам наступать в это время с юго-востока вместе с австрийским герцогом. Император по обыкновению замешкался. Узнав, что на выручку Жатцу идёт Жижка, крестоносцы в панике бежали. Гуситы преследовали их и нанесли иноземным захватчикам значительный урон.

Замечательный народный полководец Ян Жижка, будучи слепым, продолжал оставаться на своём боевом посту. Опираясь на выкованные им кадры умелых военачальников и на великолепную подготовку своих воинов, он держал в страхе врагов. Выступление крестоносцев застало его на юге, когда Рожмберк и другие южночешские паны, рассчитывая, что теперь уже настал конец ненавистным таборитам, открыто объявили себя сторонниками Сигизмунда. Жижка во главе таборитов взял хорошо укреплённый замок Подейгус, принадлежавший Рожмберку, а затем его же город Собеслав. После этого Жижка двинулся к Пльзню, так как патрициат города в союзе с панским ландфридом выступил на стороне врагов, а незадолго до этого табориты потеряли город Рокицаны. Придя на выручку к своим, Жижка едва не попал в западню, но сумел пробиться к Жатцу, где одного его появления оказалось достаточно, чтобы обратить крестоносцев в беспорядочное бегство.

В это время Сигизмунд решился, наконец, выступить в поход. Он долго и безуспешно пытался привлечь на свою сторону польского короля Владислава, предлагая даже уступить ему Силезию, но не добился согласия. Сигизмунд заключил союз с австрийским герцогом Альбрехтом, обещав ему все те части Чехии, которые тот успеет занять. Войска Сигизмунда, главную силу которых составляли германские и венгерские феодалы, возглавлялись итальянским наёмным полководцем Пипо Спана ди Озора. Перед лицом этой новой угрозы многие из примыкавших к гуситам панов перебежали на сторону Сигизмунда. Среди предателей оказались, как и следовало ожидать, Рожмберк и Вартенберк.

19 октября 1421 года над Прагой снова разнёсся тревожный звон колоколов церкви Марии Снежной, где был священником Желивский. Желивский горячо убеждал на-

род не верить ни панам-изменникам, ни пражским богатеям, которые готовы на сговор с врагом. Он призывал пражан вручить власть единому военачальнику — городскому гетману. Народные массы последовали за своим испытанным руководителем. На пост гетмана, который давал право карать смертью изменников и предателей, а также право назначать и смещать коншелов, был избран бедный шляхтич Ян Гвезда по прозвищу Бздинка. Гвезда во всём согласовывал свои действия с желаниями пражского плебса. В тот же день было смещено пять коншелов, которые были заменены избранниками народа. На следующий день казнили ненавистного пражской бедноте пана Садло, обвинённого в измене народу.

В такой сложной и напряжённой борьбе в Праге утвердилась власть городского плебса, руководимого Желивским и Гвездой, в помощь которому были избраны четыре подгетмана. Гвезда вскоре двинулся во главе войск навстречу крестоносцам и после ряда мелких стычек вернулся в Прагу, где к тому времени народ сместил двух из четырёх справцев и поставил на их место новых.

Между тем предупреждения Желивского оказались правильными. Паны стали переходить к Сигизмунду, который, надеясь на лёгкую победу, уже готовился к вступлению в Прагу. Но теперь против него выступили основные силы таборитов во главе с Жижкой. Слепой полководец был грозным противником и вскоре доказал это врагам. Опорным пунктом таборитов против двигавшихся к жизненным центрам Чехии полчищ Сигизмунда могла быть Кутная Гора. К ней одновременно с противоположных сторон устремились крестоносцы и гуситы. Жижка сумел опередить врага и первым занял город. Но с востока уже подходили отряды императора. На своём пути они опустошали деревни и города Чехии, грабили население и зверски расправлялись с ним, не щадя ни женщин, ни детей. Видя, что кутногорские бюргеры очень ненадёжны, Жижка отвёл свои войска из города и стал укреплённым лагерем в окрестностях Кутной Горы. Отряды Жижки расположились на возвышенности, защищённой с трёх сторон природными препятствиями и доступной для нападения только с севера. Императорские отряды двинулись на штурм, но не смогли сломить сопротивления гуситов. Однако в декабре 1421 года из-за измены кутногорских бюргеров город был сдан врагу. В городе разгорелась

кровавая резня. Сторонники папы и императора врывались в дома своих противников и избивали всех без сожаления. В ночь после нападения крестоносцев Жижка воспользовался темнотой, опрокинул осаждающих, прорвался сквозь их кольцо и двинулся по направлению к Колину. Сигизмунд решил, что это бегство. По пути таборитский вождь усилил свои войска, присоединив к ним немало крестьянских отрядов, и в начале января 1422 года двинулся назад к Кутной Горе. Крестоносцы после отхода Жижки разошлись на грабёж по соседним сёлам. Сигизмунд побоялся дать сражение и приказал немедленно начать отступление. Кутногорские патриции и бюргеры страшились заслуженного возмездия и решили отступать с императорскими войсками. По приказу Сигизмунда город был подожжён.

Табориты преследовали королевские войска, и вскоре отступление последних превратилось в беспорядочное бегство. Крестоносцы оставляли награбленную добычу, бросали всё, включая оружие. Сам Сигизмунд побоялся задержаться даже на одну ночь в Немецком Броде и безостановочно бежал до самой Ийглавы. Пипо Спана ди Озора пытался задержать таборитов при переправе через Сазаву, но потерпел поражение и стал поспешно перебрасывать остатки своих отрядов через замёрзшую реку. Лёд не выдержал тяжести множества закованных в железо рыцарей, и они стали тонуть. При таких условиях о спасении уцелевшей части обоза не могло быть и речи. Гуситам досталась огромная добыча — несколько сот возов добра, награбленного крестоносцами, в том числе одних только книг, вывезенных патрициями из Кутной Горы, было взято три воза, что представляло собой по тем временам огромную ценность.

После этого таборитские войска отступили к Немецкому Броду. 10 января 1422 года город был взят приступом, гарнизон уничтожен, остатки населения выведены, уцелевшие укрепления разрушены, а строения подожжены. На следующий день, когда табориты праздновали победу над врагом, престарелый Жижка удостоился высшей чести. От имени всего народа он был опоясан мечом. Через несколько дней победоносные войска таборитов торжественно возвратились в Прагу. Так провалился благодаря героическому сопротивлению народа, поднявшего оружие на справедливую борьбу против феодальной

эксплуатации и католической иерархии, второй поход европейской феодальной реакции.

В тяжёлую осень и зиму 1421/22 года, когда над Чехией нависла грозная опасность, народные массы, как всегда, встали грудью на защиту родины и своей самоотверженной борьбой отстояли завоёванную свободу. Поэтому богатые пражские бюргеры вынуждены были терпеть ненавистное им правление плебейских коншелов и мириться с революционными проповедями их руководителя Желивского. После побед у Кутной Горы и Немецкого Брода пражские богачи, которые считали, что внешняя опасность уже миновала, решили, что настало время ликвидировать завоевания плебса и укрепить своё положение за счёт народа.

Богатые бюргеры обратились к посредничеству таборитской верхушки. Специальная третейская комиссия, где преобладали паны-чашники, приняла решение произвести выборы новых коншелов и установить несменяемость их в течение года. Третейская комиссия объявила, что всякое выступление против новых коншелов будет подавлено вооружённой силой. Новоизбранные коншелы были врагами плебса и задумали расправу с неутомимым и неподкупным вождём пражского плебса Яном Желивским. Ян Гвезда был немедленно отстранён от командования войсками Пражского союза, а на все посты в городском управлении коншелы стали проводить своих сторонников.

Общее наступление сил реакции на права народных низов закончилось злодейским убийством Яна Желивского. 9 марта 1422 года он был обманом вызван в ратушу. Там Желивского стали спрашивать о его мнении относительно происходивших в то время военных действий пражского войска. В соседнем помещении уже находились наготове палачи, и, когда в ратушу прибыли вызванные туда же девять ближайших соратников Желивского, по приказу новых коншелов все они были схвачены. Непосредственно вслед за этим арестованных по одному вывели во двор ратуши и обезглавили.

Скрыть это кровавое преступление не удалось. Кто-то из народа заметил кровь, вытекавшую из-под ворот ратуши. Быстро распространились слухи о расправе с руководителями пражской бедноты. В городе ударили в набат. Народные массы ворвались в ратушу и, обнаружив

голову и тело своего любимого вождя, преисполнились ненависти к его подлым убийцам. Все схваченные коншелы были перебиты, их дома разрушены. Заодно досталось и богачам — истинным вдохновителям расправы с Желивским. На следующий день были выбраны новые коншелы, на этот раз снова из сторонников народа. Одним из них был случайно уцелевший Шрол, бывший коншел, один из соратников Желивского. Вызванный в день убийства в ратушу, он не успел туда явиться и благодаря этому остался жив.

Смерть Желивского была большой потерей для народа. Ян Желивский пользовался заслуженной любовью пражского плебса. Но его жестоко ненавидели богатеи-бюргеры, которые видели в нём не только пламенного трибуна, но и умелого политического руководителя, прямо призывавшего народные массы к организованной борьбе за участие в государственном управлении, за облегчение тяжёлой участи трудящихся. Бессменный член пражского совета, Желивский неуклонно отстаивал во всех случаях дело и интересы народа. Поэтому, как только пражские богачи с помощью таборитов отразили очередной грозный натиск всеевропейской феодально-католической реакции, верхушка пражского бюргерства организовала предательский заговор и злодейское убийство пламенного вождя самых радикальных слоёв Праги. Народ отомстил презренным палачам и их вдохновителям, но руководителя, подобного Желивскому, народные массы Праги не смогли уже выдвинуть до конца гуситских войн. Убийство Яна Желивского показало, что верхи пражского бюргерства уже вступили на путь предательства, который привёл их впоследствии к Липанам¹ и капитуляции перед феодально-католической реакцией.

В эти тревожные месяцы Ян Жижка и перешедший к тому времени в ряды таборитов Богуслав Швамберк продолжали вести военные действия в южных районах Чехии, стремясь нанести решающее поражение пану из Рожмберка. В конце февраля собранный по инициативе Жижки съезд таборитских проповедников в Писеке принял решение вступить в переговоры с неприятелем, чтобы добиться смягчения тяжёлых последствий войны для мирного насе-

¹ В битве у Липан в 1434 году феодалы разгромили основные силы восставшего народа.

Замок Карлштейн

ления. Войска Сигизмунда подвергали чешские города и сёла полному опустошению. В 1421 году немецкие курфюрсты дали при вторжении в Чехию приказ убивать всех, за исключением детей. Крестоносцы действовали с варварской жестокостью. Они убивали и калечили мужчин, насиловали женщин, уничтожали скот, вытапывали посевы, сжигали запасы продовольствия. Народные массы, поднявшись на справедливую войну против феодального гнёта, предлагали своим врагам прекратить это варварство

и вести войну более гуманными средствами. Ответа они не получили.

В конце апреля в Чехию прибыл долго ожидавшийся чашниками ответ от Витовта. Литовский князь сообщал, что он готов принять чешскую корону, и посылал временно в качестве наместника Сигизмунда Корибутовича, своего племянника. Вступив на чешскую территорию, Сигизмунд Корибутович собрал сейм в Чаславе, дал клятву соблюдать четыре пражские статьи и был признан королевским наместником. 17 мая он въехал в Прагу под охраной сопровождавших его отрядов. Верхушка столичного бюргерства снова произвела переворот. Шрол и его сторонники были лишены власти, а на их место поставлены лица, угодные пражским верхам.

Видя, что Сигизмунд Корибутович был признан сеймом и беспрепятственно занял столицу, Жижка от имени таборитов также согласился признать его правителем государства. Он не хотел допускать раскола среди гуситов в момент, когда Чехии угрожала новая военная опасность. Жижка полагал, что призвание литовского князя должно укрепить международное положение Чехии и способствовать росту её связей с братскими славянскими странами. Об этом свидетельствует письмо Жижки, адресованное в середине июня жителям Праги.

В летние месяцы 1422 года продолжались военные действия таборитских армий на Юге. Здесь против главного врага таборитов — пана Ольдржиха Рожмберка и поддерживавших его панов действовали Жижка, Хвал из Маховиц, Швамберк и некоторые другие. Табориты взяли город Бехин, много замков и причинили своим врагам большой материальный ущерб. Военные успехи крестьянских войск Табора объяснялись в первую очередь тем, что они пользовались полной поддержкой и горячей любовью народных масс. Крестьяне рожмберкских владений, изнывавшие под нестерпимым гнётом, показывали им пути, сообщали о передвижениях неприятельских отрядов и делились с народными воинами последним куском хлеба. Борьба крестьян, всегда особенно активно проходившая на Юге, с приходом таборитов поднялась на новую ступень. Во многих местах стали возникать народные отряды под командой крестьян, ремесленников или бедных шляхтичей. Эти отряды вели военные действия против ненавистных панов и являлись неисчерпаемым источником

пополнения гуситских армий. Да и среди самих воинов Жижки с самого начала было немало местных уроженцев — в недавнем прошлом крепостных и бедных ремесленников, которые только под знамёнами таборитов сбросили ярмо вековой феодальной эксплуатации. Ярким примером отношения народа к своим освободителям может быть случай, когда крепость Волглавы была сожжена таборитами с помощью местных жителей. Именно в органической и неразрывной связи с народом заключалась главная причина постоянных успехов славных войск Табора.

Пока на юге Чехии табориты вели военные действия против Рожмберка, войска пражан осадили замок Карлштейн — последний оплот императора Сигизмунда вблизи Праги. Замок был хорошо укреплён. Гарнизон его держался упорно, так как начальник рассчитывал на скорое появление императорской армии. Действительно, летом 1422 года немецкие князья, боясь распространения «богемского еретического яда» среди угнетённых масс Германии, опять стали готовиться к вторжению в Чехию. На имперском сейме в Нюрнберге, начавшем свои заседания в конце июля, император пообещал, что отдаст каждому немецкому князю во владение ту часть Чехии, какую тот сумеет захватить. Этот чудовищный план грозил в случае его осуществления нарушить исторически сложившуюся общность чешских земель и отдать чешский народ в ярмо иноземцам. Надеясь на крупную поживу, немецкие феодалы, встревоженные к тому же известием об осаде Карлштейна, предложили с неожиданной готовностью собрать необходимые для нового вторжения средства путём введения в империи особого налога. Этому, однако, воспротивились немецкие города, не желавшие принимать на себя тяжесть расходов по предприятию, всеми выгодами которого воспользовались бы только феодалы. Тогда сейм обязал каждого князя и каждый город выставить определённое количество воинов. Главнокомандующим был назначен холоп императора Сигизмунда — маркграф Фридрих Бранденбургский.

Однако, когда настало время перейти от слов к делам, выяснилось, что многие князья боялись похода, результат которого представлялся им по здравому размышлению весьма сомнительным. Под знамёна императорского командующего прибыли лишь мейссенские, лужицкие и силезские князья. Тем не менее поход состоялся. Кресто-

носцы снова ворвались в Чехию. Продвижение их по пограничным районам страны сопровождалось, как обычно, убийствами, пожарами и грабежами. Опасность увеличилась, так как и баварские герцоги перешли границу.

Не имея возможности немедленно сосредоточить войска в районах, которым угрожала опасность, и не получив ещё сведений о том, куда направляются главные силы врага, Жижка обратился к жителям одного из западно-чешских городов, входивших в состав таборского союза,— Домажлице. В своём послании вождь таборитов призывал население города оказать интервентам упорное сопротивление. «Пусть каждый,— писал Жижка,— возьмёт в руки дубину или камень!» Он призывал проповедников усилить агитацию против «антихриста»-императора и его союзников — «губителей земли чешской». В этом документе отразилась глубокая вера народного полководца в неиссякаемые силы народа, в его способность отразить любой натиск и обратить в бегство любого врага. Жижка напомнил об опыте первых боёв с врагами, когда повстанцы, отважно сражаясь, «малый против большого, немногие против множества, невооружённые против вооружённых», сумели добиться славных побед.

Крестоносцы, центром расположения которых стал Тахов, постоянно встречали упорное сопротивление и, не надеясь на свои силы, начали переговоры с Сигизмундом Корибутовичем. Но переговоры были безрезультатны, а пражане попрежнему осаждали Карлштейн. В ноябре обнаружилась полная неспособность крестоносного воинства отличиться в чём-нибудь, кроме грабежей. Когда крестоносцы узнали, что осаждённый гарнизон Карлштейна заключил с гуситами перемирие на год, их воинский дух окончательно упал. Вскоре крестоносные банды, напуганные известием о приближении Жижки, отступили на исходные рубежи. Третий крестовый поход европейской феодальной реакции окончился позорным провалом.

Таким образом, в течение трёх лет объединённые силы европейской феодальной реакции трижды потерпели поражение. Справедливая, освободительная борьба чешского народа увенчалась полным успехом. Это было возможно потому, что на защиту родины поднялся весь народ. Вопреки изменам панов, наперекор колебаниям и непоследовательности рыцарей и богатой верхушки бюргерства чешские крестьяне и городская беднота, главная сила дви-

жения, не только проявили в этой самоотверженной и упорной борьбе мужество, пламенный патриотизм и выдающиеся воинские качества, но и сумели под руководством талантливых полководцев использовать материальные ресурсы страны и многолетний опыт крестьянских восстаний против феодалов для построения народной армии и введения новой тактики.

Основное ядро чешских войск, остановивших натиск озверелых завоевателей, составляли народные армии таборитов. Именно табориты выдвинули и практически осуществили новые принципы организации вооружённых сил и ведения боя, направленные против основ рыцарского военного искусства. Войска пражан заимствовали у Табора вооружение и тактику. Однако в их составе находились не только ополчения городских жителей, но и обычные в то время наёмные отряды, удельный вес которых в пражских армиях увеличивался по мере отхода бюргерства от восставших. Что касается рыцарской конницы, то и в войсках пражан, не говоря уже о таборитах, она составляла лишь незначительную часть, не имевшую в большинстве случаев решающего влияния на исход сражений.

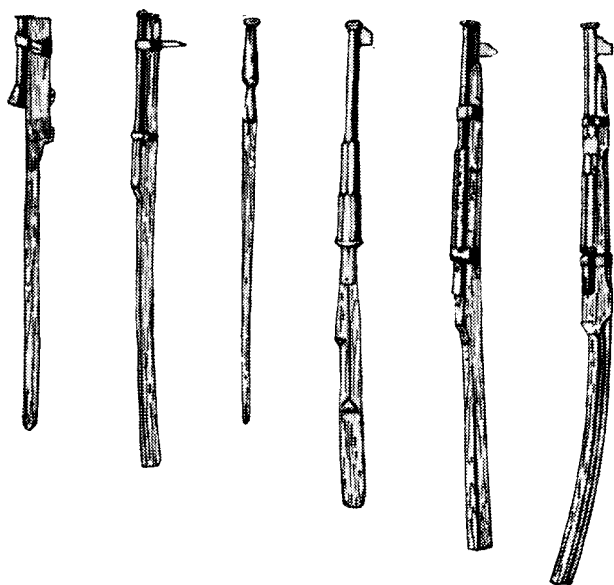
Одной из главнейших предпосылок побед таборитов было то, что их вооружённые силы, комплектовавшиеся, в отличие от наемных феодальных армий, из добровольцев, являлись массовой народной армией. В рядах таборитов сражались вчерашние крестьяне и ремесленники — весь тот сельский и городской люд, который отважно поднялся на борьбу за свободу, воодушевлённый и спаянный чувством классовой солидарности и ненависти к эксплуататорам. Таборитские воины вдохновлялись пусть даже и несбыточными при существовавших тогда условиях, но великими освободительными идеями о создании общества, в котором не будет феодальной эксплуатации и сословного неравенства. Если эти мысли и принимали в сознании таборитов и их идеологов религиозно-мистическую форму, что было неизбежной данью эпохе, когда церкви принадлежала неоспоримая монополия почти во всех сферах идеологии, всё же они не теряли от этого своей действительности. Сильные своим патриотизмом, своей сплочённостью и дисциплиной, своим боевым опытом и выдержкой, армии Табора представляли разительный контраст с вооружёнными силами их врагов, где легкомысленное

бахвальство личной храбростью и силой сочеталось с жаждой грабежа и отсутствием всякой воинской дисциплины.

У таборитов не было щегольства рыцарской ловкостью и выправкой, приобретаемыми на турнирах. Но таборитские воины, проникнутые энтузиазмом и высокой сознательностью, безусловно повиновались своим начальникам, безропотно переносили лишения и трудности суровых военных будней. Они сражались не ради добычи, не в поисках славы, не для того, чтобы показать свою отвагу, а за независимость родины, за уничтожение феодальной эксплуатации, за убеждения, которые были для них самыми святыми и заветными. Это создавало сотни незаметных, не всегда уловимых, но неразрывных связей воинов с народными массами, из которых они вышли, плотью от плоти которых они были. Живая связь с народом проявлялась и в том, что среди таборитских военачальников наряду с обедневшими шляхтичами, такими, как Микулаш из Гуси, Ян Жижка, Гвезда или Рогач, были также и представители низшего духовенства, например Прокоп, и некоторые крестьяне и ремесленники. Так, Велек Кудельник, бывший долгое время гетманом «сирот»¹, по своему происхождению — пражский ремесленник. Ремесленниками были и Пешек Заградник и Черт — военачальники «сирот», гетман Табора Мареш Кржшняк. Многие командиры таборитских отрядов были выходцами из крестьян.

Близость к народу всегда обеспечивала таборитским армиям прочный тыл. Воины Табора пользовались горячей любовью и постоянной поддержкой всех тружеников как в Чехии, так и за её пределами. Во время тяжёлых испытаний таборитским военачальникам стоило только бросить боевой клич — и под их прославленные знамёна отовсюду стекались отряды новых бойцов. В случае крайней опасности в армии таборитов вливались и женщины, которые героически сражались рядом со своими мужьями и братьями. Эта ни на миг не прекращавшаяся, органическая и неразрывная связь с народом, вооружённым авангардом которого они были, делала таборитов грозной и непобедимой силой. Весь боевой опыт таборитов показал, что недостаток рыцарского вооружения и отсутствие про-

¹ После смерти Жижки войска, сражавшиеся непосредственно под его командованием, называли себя «сиротами» в память о любимом вожде.

Огнестрельное оружие таборитов

фессиональной рыцарской выучки могут быть успешно возмещены новым оружием и новой тактикой, органически вытекавшей из характера народных армий.

Разумеется, несмотря на весь энтузиазм восставших крестьян, на их героизм и стойкость, их действия не могли бы увенчаться успехом, если бы общий уровень развития чешской экономики не был в этот период достаточно высоким. В стране добывали немало железной руды, меди, серебра. Ремесло чешских городов было в состоянии обслужить потребности армий и населения, а сельское хозяйство могло, несмотря на все ужасы военного разорения, снабдить бойцов всем необходимым продовольствием.

Сила таборитов состояла также и в том, что их военные руководители — Микулаш из Гуси, Брженек из Швигова, Ян Жижка, Прокоп, Ян Гвезда и другие сумели обобщить и использовать многовековой опыт борьбы эксплуатируемого народа против угнетателей-феодалов. Недостаточность вооружения и подготовки народных воинов заставляла их искать новые средства борьбы, новые

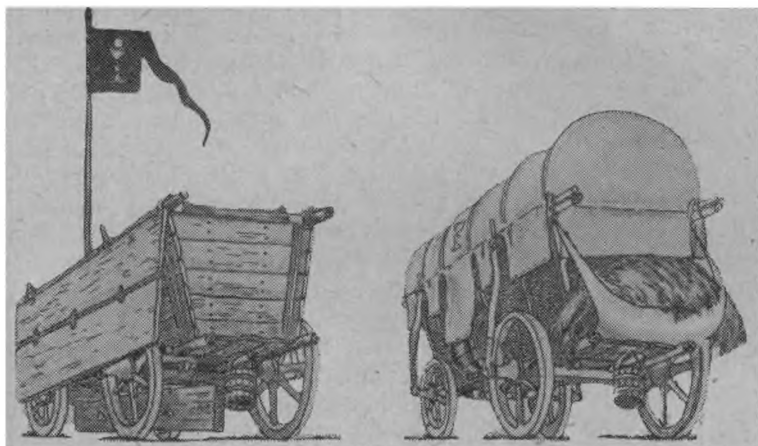
тактические приёмы. Так как основную массу повстанцев составляли крестьяне, не имевшие ни тяжёлых доспехов, ни боевых коней, ни соответствующей рыцарской выучки, вожди таборитов с самого начала были поставлены перед необходимостью возместить эти недостатки использованием всех доступных средств и самой местности в таких масштабах, в каких это никогда не представлялось возможным их врагам. Грозным оружием оказались для феодалов таборитские возы, эпизодически применявшиеся и прежде как средство защиты. Стихийное использование возов в качестве препятствия на пути атакующей рыцарской конницы сложилось у таборитов в стройную систему не только воевой обороны, но и всей организации вооружённых сил.

Несколько изменив конструкцию обыкновенного деревянного крестьянского воза, воины и военачальники таборитов создали из него грозное оружие, силу которого скоро почувствовали феодалы. Возы ставились плотно один к другому, скреплялись заранее приготовленными цепями и досками. Над ними устраивался невысокий досчатый навес, защищавший воинов. Для того чтобы превратить обычный обоз в неприступную крепость, требовалось очень мало времени. За кольцом телег могли скрываться больные и раненые, а в случае необходимости — женщины и дети. Пехота сражалась с телег или из-за телег. Почти никогда рыцарям не удавалось прорвать это мощное кольцо. Конница таборитов обычно билась впереди воевого укрепления. Если неприятель её теснил, она всегда могла укрыться за возами.

У гуситов была мощная по тем временам артиллерия. Наряду с большими орудиями — бомбардами — они использовали и лёгкие пушки, так называемые тарасницы. Применялось и только что появившееся тогда ручное огнестрельное оружие, напоминающее более поздние запорожские самопалы-гаковницы. Несмотря на своё несовершенство, артиллерия и огнестрельное оружие таборитов наносили врагам большой урон, сеяли панику в рядах рыцарей и помогали сравнительно немногочисленным вооружённым отрядам крестьян одерживать победу над численно превосходившими силами тяжело вооружённого и неповоротливого противника.

Постоянным оружием восставших крестьян являлись в средние века орудия земледельческого труда — топоры,

вилы, косы, серпы, ножи. В армии таборитов они также находили широкое применение наряду с более совершенным, но не всегда имевшимся в достаточном количестве обычным оружием — мечами, кинжалами, копьями, сулицами, боевыми секирами и палицами, алебардами и т. п. Большое применение имели и особые крючья, насаженные

Боевые вozy таборитов
(реконструкция)

на длинное древко и приспособленные для стягивания вражеских всадников с сѐдел. Из оборонительного вооружения у таборитов были шлемы, кольчуги, панцири, щиты. Находившиеся в их рядах рыцари сражались, разумеется, со своим привычным оружием. Наконец, применялись специально приспособленные для сражения цепи, которыми стоявшие на возах воины разбивали вражеские шлемы и доспехи.

В организационном отношении армии таборитов были подчинены четырѐм главным военачальникам — гетманам. Должность гетманов была выборной. Однажды избранный гетман сохранял своё звание пожизненно и пользовался неограниченной властью в походе и в бою. Каждому из главных гетманов были подчинены начальники отдельных отрядов. Они также назывались гетманами. В соответствии с делением таборитских армий на возовые части, конницу, пехоту и артиллерию число младших гетманов, подчинѐнных одному главному, не превышало четырёх.

Под командованием каждого из них находились более мелкие подразделения. В возовых частях это были десятки возов и отдельные возы. Каждый воз обслуживался примерно десятью — двенадцатью воинами. Одни из них были ездовыми, другие — стрелками, третьи сражались грозными боевыми цепями или стягивали крючьями с сёдел рыцарей, осмеливавшихся слишком близко подъехать к таборитскому возовому укреплению. Конница и пехота делились на отряды, численность которых менялась от назначения и конкретной боевой задачи. Орудийная прислуга в необходимом количестве обычно прикреплялась к возам вместе с пушками.

Особенности социального состава армии, её вооружения и организации были предпосылками для создания новой тактики. Основу этой тактики составляло доведённое до большого совершенства искусство сложных построений, перестроений и манёвров, а также сочетание действия холодным оружием с применением огнестрельного. Сочувствие населения обеспечивало таборитам своевременное получение сведений о всех передвижениях, а иной раз и с военных планах врага. Жижка, заложивший основу новой тактики таборитов, учил своих воинов действовать применительно к условиям местности, замечать и использовать слабые стороны неприятеля, обращаться в притворное бегство и, выждав благоприятную минуту, переходить в наступление. Эта тактика была тактикой народа, обогащённой лучшими достижениями феодального военного искусства. Жижка и воспитанные им талантливые военачальники вели военные действия по предварительно намеченному плану, умели заранее расположить свою артиллерию наиболее выгодным образом, умели навязать врагу сражение в таком месте и в такое время, где и когда считали это удобным для своих целей. Полководцы таборитов, в особенности Жижка и Прокоп, умели согласовывать свои военные действия с общими политическими задачами момента. Во время наступления они, как правило, сосредоточивали свои войска в направлении одного основного удара и, не давая возможности врагу использовать его численный перевес, добивались успеха. Если при этом отдельные укреплённые города или замки оставались ещё в руках противника, табориты не стремились занять их немедленно любой ценой. Они шли дальше для выполнения главной боевой задачи. При отступлении народные

армии использовали любую возможность для того, чтобы остановить врага в наиболее удобном для себя и невыгодном для противника месте, и, используя обычную для вражеских армий жажду грабежа, заставлявшую преследователей сплошь и рядом нарушать свой военный порядок, обрушивались на них в сокрушительном контрнаступлении. Так как воины Табора были спаяны железной дисциплиной и воодушевлены идеями освободительной борьбы, их вожди не боялись применять рискованный манёвр отступления и не останавливались перед тем, чтобы выступать в любое время года, совершать длительные ночные переходы, давать частые ночные сражения, завершавшиеся, как правило, решительной победой.

Основы таборитской тактики проявлялись в повседневных боях прежде всего в мастерском применении в качестве боевого средства возов и пушек. Вozy двигались на походе либо по несколько в ряд, если позволяли условия местности, либо растягивались в цепочку. Каждый воз был запряжён обычно двумя парами лошадей цугом. При каждой паре лошадей находился ездовой, ехавший верхом на одной из них. На возу находились один или два воина, необходимые припасы и предметы снаряжения, а также часть оружия. Остальные шесть-восемь воинов двигались в пешем строю, охраняя воз от случайного нападения. В случае необходимости вozy быстро изготавливались к бою. Вozовая колонна разворачивалась в кольцо. Обращённая к неприятелю сторона каждого вoза уcмливaлась cпециальным доcчатым щитом. На противоположной стороне вoзов часть их стенок отбрасывалась, образуя входной мостик на платформу. Соединённые в круг вozy связывались цепями. С наружной стороны их колёса закрывались особыми приспособлениями, а своевременно выпряженные лошади отводились в центр окружённого вoзами пространства. В середине круга, а также в специальных промежутках между вoзами помещались пушкaри со своими тарасницами. Сверху с вoзов противнику угрожали огнестрельным и холодным оружием опытные воины-табориты. Табориты часто устанавливали вoзовое укрепление на вершинах холмов и вообще в таких местах, где фланги были надёжно защищены оврагами или водными преградами. Если позволяло время и обстановка, лагерь обносился неглубоким рвом.

Ещё на подступах к возовой крепости таборитов противник нёс немалые потери от меткого огня, стрел и камней. Если рыцарям удавалось прорваться к ограде, их стремительный, но беспорядочный натиск разбивался о неприступное укрепление и героизм его защитников. Здесь их ожидали тяжёлые боевые цепи, становившиеся в руках сильных и бесстрашных воинов грозным оружием, от которого не могли защитить лучшие рыцарские латы. Из-под возов неприятеля поражали выстрелы, удары копий и стрелы. Зазевавший рыцарь в любой момент мог быть стянут с седла боевым багром и либо брошен под копыта соседних лошадей, либо поднят на вражеский воз. Результаты атаки возового укрепления таборитов обычно не приходилось долго ждать. Потерявшие силу первого натиска и обескураженные неудачей и понесёнными потерями, рыцари отступали. Но тут по сигналу таборитского гетмана между возами открывались заранее подготовленные проходы и на спину отступающего врага обрушивалась конница таборитов. Если опасность была устранена, возы снова выступали в обычном походном порядке, увозя раненых и добычу. В любой момент они готовы были снова превратиться из средства передвижения в надёжную защиту для «воинов божьих».

Важную сторону военной организации таборитов составляло снабжение армии. Как уже отмечалось выше, крестьяне и ремесленники, входившие в таборитскую общину, делились на две части: одна из них, представлявшая полевую армию, всегда находилась в боевой готовности, а другая занималась производительным трудом. Первоначально обе части периодически менялись своими функциями. Однако постепенно сложилось постоянное разделение таборитов на «работающих в поле» и «работающих дома». Трудом этих последних создавались необходимые для всего братства запасы продовольствия и фуража, одежды и снаряжения, оружия и пороха.

Перед руководством Табора уже с момента его организации стояла задача бесперебойного снабжения войск всем необходимым. Даже после расправы с хилиастическими сектами внутри вооружённых сил сохранялись принципы уравнительного распределения продуктов питания и одежды, порождённые условиями военного времени. Табориты всегда везли на своих возах нужные припасы, которые пополнялись за счёт центральных складов и лавок,

организованных в безопасных пунктах по всей стране. Грабить мирное население воспрещалось, причём это правило действовало не только на территории Чехии, но и во время походов в Словакию или Силезию. Военную добычу собирали в одно место и распределяли по мере необходимости между всеми воинами.

Эта чёткая организация снабжения представляла разительный контраст с грабежами разнузданных феодальных армий и являлась одним из проявлений морального и организационного превосходства чешских народных войск над их противником, была одной из предпосылок их побед над численно превосходящими силами крестоносцев.

Военная организация и тактика таборитов выработались не сразу. В истории гуситского военного искусства существовали три этапа. Самый ранний этап охватывает время примерно с первых вооружённых выступлений народных, главным образом крестьянских, отрядов против феодалов осенью 1419 года и до избрания первых народных гетманов весной 1420 года. В это время ещё не было постоянных военных отрядов, облечённых властью начальников, организации снабжения и т. п., силы народа в это время действовали распылённо, во многом стихийно, бесплано, а военные действия гуситов носили оборонительный характер.

Второй период является временем собственно организации гуситских вооружённых сил, когда были созданы более или менее постоянные отряды с постоянными начальниками, облечённые военными полномочиями, улучшилось вооружение, в жестоких боях с врагами выковывалась суровая воинская дисциплина, складывались в основных чертах элементы таборитской военной тактики, создавались первые воинские уставы таборитов. От сопротивления врагу народ перешёл к активной обороне, перехватывая во многих случаях инициативу в свои руки. Этот период заканчивается битвами с врагами в 1422 году.

Третий период в истории военного искусства таборитов, начавшийся в 1422 году, представляет собой время, когда организация вооружённых сил и связанная с нею тактика Табора уже сложились в своих основных чертах. В это время завершилось формирование постоянных полевых армий, главной силой которых были крестьяне и плебс. Полевые армии, вооружённые и снабжённые при

участии всего народа и находившиеся под командованием выдающихся полководцев — Жижки, Прокопа и других, не только победоносно отразили нападения внешних врагов, но вскоре перенесли военные действия на вражескую территорию и перехватили у врага военную инициативу. Эти качества армии таборитов наиболее ясно обозначились во время разгрома третьего крестового похода.

Угроза третьего крестового похода привела к временному сплочению всех сил гуситов против общего врага. Однако и в этот ответственный период разногласия между ними не прекращались. Обострение противоречий среди гуситов свидетельствовало о неотвратимом приближении разрыва между основными лагерями движения.

Сигизмунд Корибутович, являвшийся главой и выразителем интересов чашников, завязал во время похода переговоры с предводителем крестоносцев Фридрихом Бранденбургским. В то же время он, выполняя волю верхушки пражских бюргеров, начал расправу с уцелевшими сторонниками Желивского в Праге. Пражский плебс мог рассчитывать в этот трудный момент лишь на помощь Табора. Действительно, вскоре один из таборских военачальников — Богуслав Швамберк и бывший пражский гетман, соратник Желивского Ян Гвезда выступили в поход. С небольшим отрядом таборитов они неожиданно появились у стен Праги и беспрепятственно вошли в Новый город. На требование таборитов созвать общую сходку населения коншелы отвечали отказом. В городе завязались уличные бои, но табориты не могли добиться победы и вскоре оставили город. Вслед за этим Сигизмунд Корибутович подавил волнения плебса и казнил нескольких его руководителей.

Когда угроза третьего крестового похода миновала, разногласия в рядах таборитов обозначились ещё резче. В этом отношении был показателен поход Швамберка и Гвезды, в котором не участвовал Жижка и главные силы таборитов. Расправа с радикальными сектами, которые имели в Таборе немало сторонников, усложнила положение Жижки среди таборитов. Весной 1423 года мы находим Жижку уже в восточной Чехии — в Градецком крае, где он возглавлял силы так называемых оребитов, или Малого Табора. Впрочем, и со Старым Табором Жижка продолжал сохранять дружественные и даже союзнические отношения, хотя организационно отделился от него.

С уходом Жижки в Старом Таборе выдвинулись среди проповедников Микулаш из Пельгржинова и Вацлав Коранда; главными полководцами таборитов были Швамберк и Гвезда из Вицимилице.

Политическое объединение городов, мелкой шляхты и восставших крестьян в восточной Чехии, которое возглавлял Жижка, называлось Оребитским братством. Политическая организация оребитов была сходна с организацией Табора. Впрочем, шляхте принадлежала здесь несколько большая роль. Центром Оребитского братства был Градец Кралёвый.

Главным врагом Оребитского братства был могущественный пан Ченек из Вартенберка, который к этому времени снова перешёл в лагерь императора Сигизмунда, хотя и признавал чашу. Жижка, несмотря на это последнее обстоятельство, вскоре вступил в борьбу с паном-изменником. Оребиты заняли немало владений Ченека, а в апреле 1423 года произошло упорное сражение между Жижкой и Вартенберком, к которому прибыли на помощь многие паны из числа сторонников императора. Жижка одержал над ними решительную победу у Горжице, а вслед за этим взял важную крепость Козоеды.

К этому времени относится составление Жижкой важного военного документа гуситских войн — так называемого военного устава. Устав Жижки не был первым гуситским памятником такого рода. Недавно был обнаружен устав таборитов, относящийся ещё к 1420 году. Военный устав Жижки во многом сходен с ним, но в уставе 1420 года ярко проступают черты хилиастических верований и тенденции уравнительного раздела имущества, в то время как устав Жижки ограничивается военными положениями и организацией раздела военной добычи. В уставе Жижки провозглашается прежде всего верность четырём пражским статьям. В основной части документа поставлена на первое место необходимость неукоснительного выполнения распоряжений начальников и строгого соблюдения дисциплины. Воинам воспрещалось сжигать что-либо без приказа начальников. Были разработаны чёткие правила поведения на марше, во время отдыха и в бою. За нарушение воинского долга или дисциплинарных требований воинам независимо от их общественного положения грозила смертная казнь. Всю военную добычу предписывалось свозить в одно место, а затем делить поровну. Нару-

шители этого принципа также подлежали смерти. Ссоры между воинами, грабёж мирных жителей, пьянство, ругань, азартные игры, разврат объявлялись тяжёлыми преступлениями, и совершившие их подлежали суровым наказаниям. Вожди оребитов и представители входивших в их объединение городов подтверждали своими подписями верность этим правилам. Среди подписей мы находим и имена нескольких крестьян.

Военный устав Жижики свидетельствует о том, что старый полководец таборитов оставался полководцем народа. Совершенно необычными для феодальных армий XV века были суровые дисциплинарные требования, одинаковые притом и для крестьян и для шляхтичей, а также равные для всех «воинов божьих» права на военные трофеи. Военно-демократические принципы Старого Табора проводились, таким образом, и в Новом Таборе. Этим объяснялись постоянные успехи Жижики на полях сражений в последние годы его жизни.

В этот период пражские бюргеры начали открытые военные действия против таборитов. Войска пражан осадили таборитскую крепость Кржиженек. Безуспешные попытки взять Кржиженек продолжались до тех пор, пока на выручку к своим не прибыл отряд Швамберка. Пражане спешно сняли осаду, и в Конопиште между ними и Швамберком было заключено перемирие. Вслед за этим таборитская армия соединилась с войсками Жижики.

К весне 1423 года после длительных дипломатических переговоров с императором Сигизмундом польский король Владислав и литовский князь Витовт решили отказаться от помощи «еретикам». Сигизмунд Корибутович покинул Чехию, а польский король даже пообещал принять участие в войне против Чехии. Оживилась и вся европейская реакция. Датский король прибыл с войсками в Германию, желая присоединиться к крестовому походу. Церковный собор, собравшийся в Италии, возобновил строгие постановления против «гуситской ереси». Однако организовать новый крестовый поход было не легко. В этом прежде всех убедился Владислав Польский. Польские и литовские воины не только не имели желания вступать в ряды крестоносцев, но некоторые из них переходили на сторону чехов. В одном из писем польского короля сохранилось интересное свидетельство о том, что самыми ненадёжными воинами были выходцы из русских земель, находившихся

в ту пору под властью Польши и Великого княжества Литовского. В этом отразилась глубокая симпатия славянских народов друг к другу, сознание необходимости совместной борьбы чешского, русского и польского народов против феодально-католической реакции.

К осени 1423 года Жижка освободил города Яромерж, Двур и Часлав. Принадлежавший пану-чашнику Дивишу Бореку город Градец Кралёвый открыл перед ним свои ворота. Это был переход к открытым военным действиям против пражских чашников. Во всех занятых Жижкой городах находились их гарнизоны. Пражские отряды и союзные с ними войска панов-чашников двинулись теперь против Жижки. Ими руководил упомянутый Боржек из Милетина. В сражении у Страгова (4 августа 1423 года) гуситы впервые встретились друг с другом на поле битвы с оружием в руках. Пражане и паны-чашники потеряли много убитыми и пленными. Лишь жалкие остатки их спаслись бегством. Но в конце месяца им удалось в свою очередь разбить ополчение жителей Градца. Они сделали попытку осадить Жижку в Чаславе. Несмотря на большой перевес сил, взять город они всё же не смогли¹.

Раскол чашников и таборитов использовали паны-подоби, объединившиеся со своими католическими собратьями. 16 октября в Праге был собран сейм, на котором панство приняло постановление об организации нового временного правительства вместо правительства уехавшего Сигизмунда Корибутовича. В состав временного правительства вошли шесть католических панов и шесть панов-чашников. Паны сговорились о том, чтобы провести в ближайшее время публичный диспут по вопросам вероисповедания, и в заключение призвали всех бороться против таборитов и Жижки. Военные действия между чашниками и католиками прекращались на год.

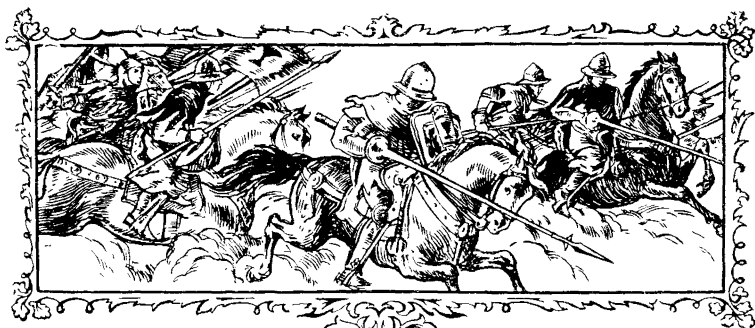
Последствия сговора панов на сейме не замедлили сказаться. В конце 1423 года паны подкупили наёмных убийц, которые должны были умертвить Жижку. Но священник Амброж, один из руководителей и основателей

¹ К осенним месяцам 1423 года многие историки относят рассказ о походе Жижки через Моравию в Венгрию и даже в Австрию. В действительности об этом походе в распоряжении науки не имеется никаких современных свидетельств, и весь рассказ о нём является, вероятно, результатом перенесения на этот период событий более поздних походов таборитов под руководством Прокопа (см. главу VII).

Оребитского братства, а также Ян Гвезда узнали о готовившемся покушении и предупредили Жижку. Когда выяснилось, что попытка подослать убийц потерпела неудачу, паны снова двинулись против Жижки с войском. 6 января 1424 года в битве у Скалице (близ Яромержа) старый вождь нанёс им очередное поражение. После этого Жижка занял несколько замков, пройдя огнём и мечом по владениям предателя Вартенберка.

Все усилия панов договориться с императором разбились об упорство твердолобого Сигизмунда. Император наотрез отказался согласиться с решением сейма об организации диспута для обсуждения религиозных разногласий и воспретил Рожмберку, главе его сторонников в Чехии, даже для виду поддерживать решения сейма. Таким образом, измена панов народному делу и фактическая капитуляция их перед императором не привела ещё в этот момент к прочному соглашению Жижки с силами католической реакции. Тем не менее события 1423 — начала 1424 года показали, что паны-чашники решительно перешли к союзу с силами феодально-католической реакции. Если прежние колебания панов-подобоев являлись иногда только временными и конъюнктурными, то теперь стремление перейти к совместным действиям с католическими панами определяло всё их дальнейшее поведение.

РАЗГРОМ ЧЕТВЁРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА. ПЕРЕХОД ЧАШНИКОВ К СОГЛАШЕНИЮ С РЕАКЦИЕЙ

(1424—1427 годы)

Открытое предательство панов-подобоев оказало влияние на позицию земанства и верхушки пражского бюргерства, объединявшихся в лагере чашников. Впрочем, пражские богатеи, прочно захватившие власть в Старом и Новом городе, давно тяготились союзом с таборитами и выступили теперь в тесном союзе со шляхтой против восставшего народа. Такое поведение чашников представляло большую угрозу для всего чешского освободительного движения. Вожди таборитов и Жижка вынуждены были перейти к активным военным действиям против чашников. Жижка двинулся со своими войсками в Пльзеньский край, который был одним из главных оплотов реакции. Здесь к оребитам присоединился небольшой отряд таборитов во главе с Гвездой. Но противники Жижки смогли собрать большие силы, так как к пражанам и панам-чашникам присоединились отряды католических панов из Пльзеньского ландфрида.

Под давлением превосходящих сил противника Жижка вынужден был отступить. В Костельце на Лабе он был окружён врагами. Паны заранее торжествовали победу. Они поспешили даже известить о ней императора. Но Жижка снова обманул врага. Ночью он неожиданно вывел свои войска из Костельца, переправился через Лабу и ушёл в направлении к Старой Болеславе. Оттуда он повернул на юго-восток, прошёл мимо Колина и Кутной Горы и вблизи Малешова стал укреплённым лагерем.

Когда подоспевшие преследователи, торопясь расправиться с народными войсками, устремились с марша в атаку, им пришлось встретиться с рядом затруднений. Сила натиска закованных в броню рыцарей ослабела, потому что атакующим пришлось растянуться по узкой долине, форсировать ручей, и лишь только после этого их авангард смог вступить в соприкосновение с воинами Жижки, укрепившимися на холме. Уже само продвижение в таких условиях было делом трудным. Под обстрелом и в узком пространстве противникам таборитов было крайне тяжело развернуть свои силы и использовать большое численное превосходство. Со своей стороны, Жижка, остановив первый натиск врага фланговым нападением конницы, использовал затем для удара по столпившимся у крутого склона спешенным рыцарям новый приём, неожиданный и ужасный для противника. По его приказу с вершины холма были спущены одновременно десятки возов, доверху груженных камнями. Рыцари были смяты, а когда остатки их обратились в беспорядочное бегство, Жижка продолжил разгром врага артиллерийским огнём и завершил сражение умело организованным преследованием.

Так 7 июня 1424 года народные войска выиграли одну из самых крупных и кровопролитных битв во всей истории гуситских войн. На Малешовском поле осталось до 1 400 убитых пражан и шляхтичей. Воины Жижки захватили огромные трофеи, в том числе всю вражескую артиллерию. В сражении при Малешове в полной мере проявился полководческий талант вождя «воинов божьих» — слепого, но грозного для врагов Яна Жижки, а также его верных помощников Яна Рогача и таборитского гетмана Яна Гвезды. Потери таборитов были сравнительно невелики, в то время как противник потерпел значительный

Ян Жижка
(рисунки чешского художника М. Алеша)

урон. Одних только богатых пражских бюргеров было убито свыше трёхсот.

После Малешовской битвы Жижка повернул к Кутной Горе и с марша взял город. В Кутной Горе была установлена смешанная власть: один гетман был назначен из таборитов, а другой — из оребитов. Вслед за этим перед Жижкой открыли свои ворота Коуржим, Чески Брод и Нимбурк, разорвавшие союз с пражскими бюргерами и вошедшие в состав Оребитского объединения.

Таким образом, одним из последствий разгрома пражан у Малешова было ослабление Пражского союза, от которого отпал ряд городов, перешедших под власть таборитов или оребитов. Оребиты значительно усилились, особенно усилился Таборский союз, к которому присоединились Млада-Болеслав, Рокицаны, Слани, Лоуни, Жатец, а также Ческа Липа, Яромерж и другие города.

Слепота и преклонный возраст не помешали Жижке руководить продолжавшимися военными действиями. В середине июня, натолкнувшись на сильное сопротивление в окрестностях Пльзня, таборитско-оребитские войска отошли на север. Здесь они заняли несколько населённых пунктов и в начале сентября стали на правом берегу Лабы у Праги.

В Праге находился тогда снова вызванный бюргерами и шляхтой Сигизмунд Корибутович. На этот раз чашники уже прямо предлагали ему корону. Это оттолкнуло панов-католиков от союза с чашниками, так как они считали более выгодным для себя поддерживать императора Сигизмунда. Когда войска Жижки подошли к Праге, среди верхов бюргерства началась паника. Пражские толстосумы, не надеясь на свои силы и хорошо усвоив полученный у Малешова урок, решили просить пощады у Жижки. К нему было отправлено покаянное посольство, в котором принимал участие начинавший уже входить в известность проповедник Ян Рокицана. Посольство убедило Жижку отложить, а затем и вовсе отменить намеченный штурм Праги. 14 сентября было заключено перемирие, которое, однако, не было прочным. Усилив свои войска присоединившимися пражскими отрядами, Жижка двинулся в Моравию. Незадолго до этого император Сигизмунд отдал эту неотъемлемую часть чешской земли своему зятю и главному союзнику Альбрехту Австрийскому. Альбрехт был объявлен наследником династических прав Сигизмунда на Чехию. Получив Моравию, Альбрехт немедленно начал жестоко преследовать даже умеренных сторонников гусизма. В городах Моравии запылали костры, на которых сжигали «еретиков», а к границам Чехии стягивались наёмные латники и стрелки.

Опасности угрожали Чехии и с других сторон. Несмотря на военные успехи Жижки и таборитов, изменнические действия чашников ставили под угрозу не только все завоевания народа, достигнутые ценою тяжё-

лых и кровопролитных боёв на протяжении пяти лет, но и самое существование восставшей Чехии. Богатые пражские бюргеры и паны-подобой прилагали все усилия к тому, чтобы добиться соглашения с реакцией за счёт народа. Только недалёковидность и упрямство узколобого императора Сигизмунда мешали ему использовать острые противоречия среди гуситов. Оплотом императора и католической реакции были чешские и моравские паны-католики и немецкий патрициат моравских городов, усилившийся в годы войны в связи с бегством в Моравию многих изгнанных из Чехии немецких патрициев. Особенно сильна была реакция в таких моравских городах, как Брно, Оломоуц, Зноймо, Ййглава. В Чехии католики и немецкие патриции также удерживали несколько крупных городов — Пльзень, Будеёвице, Локет и стратегически важный пограничный город Хеб. Кроме того, в южной Чехии было много панских замков, а центр рожмберкских владений — Крумлов являлся опорным пунктом реакции и базой раскинувшейся по всей Чехии шпионской сети.

Но не только Рожмберки, моравские паны и Пльзеньский ландфрид угрожали завоеваниям чешского народа. На севере и северо-западе саксонские феодалы завладели многими пограничными землями и укрепились в таких городах, как Мост, Усти и другие. Эта агрессия совершалась при попустительстве и даже при поддержке панов-изменников: Ченека Вартенберка, Яна Местецкого из Опочны и других. Поэтому, несмотря на блестящие победы на поле брани, положение народа, поднявшегося на борьбу против феодально-католической реакции, было сложным и тревожным. Со всех сторон его окружали явные и тайные враги, ожидавшие лишь удобного момента для нападения.

В такой обстановке Жижка решил двинуться в Моравию. Им руководили стремление помочь моравским гуситам и военная необходимость, настоятельно требовавшая уничтожения создававшегося вражеского плацдарма. В начале октября войска гуситов подошли к границам Моравии и осадили крепость Пршибислав, которая господствовала над дорогами, соединявшими Чехию и Моравию. Осада стала затягиваться. Под стенами Пршибислава чешский народ понёс большую утрату. 11 октября 1424 года от начавшейся в лагере осаждающих чумы умер Ян Жижка.

В лице Жижки чешский народ потерял одного из своих верных сыновей, пламенного патриота и замечательного полководца, не знавшего поражения на поле боя.

Сила Жижки заключалась в его связи с народом, который слагал песни о его славных победах и даже самое рождение героя окружил впоследствии ореолом поэтической легенды. Именно эта неразрывная связь с народом, зародившаяся и окрепшая ещё в годы мятежной молодости Жижки, дерзнувшего вступить в отважную борьбу с крупнейшими феодалами южной Чехии — панам из Рожмберка, позволила ему превратиться к концу жизни в полководца восставших народных масс.

Заслуга Жижки состоит в том, что он сумел противопоставить сокрушительному, но не сосредоточенному натиску анархической массы конных рыцарей своеобразную, народную по своему происхождению и сущности тактику. Эта тактика была построена с учётом многовекового опыта борьбы плохо вооружённых крестьян против законных в латы рыцарей. Тактика Жижки была тактикой народа. Она отличалась гибкостью манёвра, подвижностью и умелым сочетанием мнимого отхода с непреодолимым и всегда губительным для врага нападением. Жижка одним из первых оценил силу и значение артиллерии. Возовой обороне, элементы которой были созданы народом ещё в предшествующие времена, он и его помощники сумели придать характер законченности и точного тактического расчёта. Воины Жижки, спаянные железной дисциплиной и классовой ненавистью к угнетателям, проникнутые глубокой уверенностью в правоте своего дела, отличались патриотизмом, сознанием долга и вырастающими на этой основе инициативностью и мужеством. Победы, одержанные Жижкой, не были победами отдельного полководца — это были победы восставшего народа.

Было бы неправильно, признавая выдающиеся заслуги Жижки, забывать, что он был сыном своего времени и своего класса. Чешское рыцарство на рубеже XIV—XV веков было более прогрессивно, чем немецкое рыцарство столетием позже, во время Великой Крестьянской войны в Германии. Поэтому Жижка мог быть и действительно был защитником общенародных интересов и непримиримым врагом католической церкви. В личности Жижки воплощались силы, которые вдохновляли чешский народ на защиту своей независимости, своего права на само-

Табориты
(из геттингенской рукописи середины XV века)

стоятельное развитие. Несмотря на свои колебания, в которых отражались колебания всего рыцарства, Жижка оставался народным полководцем. Микулаш из Гуси, Ян Желивский и некоторые другие превосходили его своей революционной активностью, широтой политического кругозора, но никто не мог так организовать и направить силы народных войск в борьбе за свободу и независимость родины, как этот полководец, несмотря

на то, что враги лишили его зрения. Вместе с тем постоянное стремление Жижки к союзу с бюргерством и расправа с крайними революционно-утопическими сектами выражали его классовую ограниченность. Сплочение всех гуситских сил для совместной борьбы против иноземной агрессии должно было быть, с точки зрения Жижки, куплено даже ценой принесения в жертву, вплоть до физического истребления, идеологов и вождей крестьянской и городской бедноты.

После смерти Жижки поход в Моравию продолжался. Таборитами продолжал командовать Гвезда, а во главе пражских войск стоял Сигизмунд Корибутович. Войска таборитов и их союзников заняли несколько районов Моравии, осадили и разрушили ряд монастырей. Гуситы вступили также в несколько городов, крупнейшим из которых был Иванчице. После этого гуситская армия двинулась на север, но вскоре повернула назад в Чехию. Причины возвращения установить трудно. С одной стороны, Альбрехт Австрийский собирал очень значительные военные силы, с другой — между гуситами вновь стали усиливаться разногласия.

После смерти Жижки находившиеся под его непосредственным командованием войска оребитов сохранили свою организационную самостоятельность. В знак уважения к памяти своего выдающегося полководца полевые армии оребитов стали называть себя «сиротами». На место Жижки среди «сирот» выдвинулся сначала его старый сподвижник Микулаш Сокол, один из участников Грюнвальдской битвы. Табориты и «сироты» совместно сражались против общего врага — феодально-католической реакции, но между ними были и трения. Прежде всего, встал вопрос о том, какие из взятых во время последних походов под руководством Жижки городов отойдут к Таборскому, а какие — к Оребитскому союзу. Кроме того, священники «сирот» совершали, как и чашники, богослужение в облачении, в то время как табориты, будучи последовательными сторонниками упрощения культа, считали это идолопоклонством и их духовенство носило и при выполнении церковных обрядов простую одежду. При всей кажущейся незначительности последнего обстоятельства оно имело немаловажное значение и в нём находило своё внешнее проявление различие в классовом составе «сирот» и таборитов.

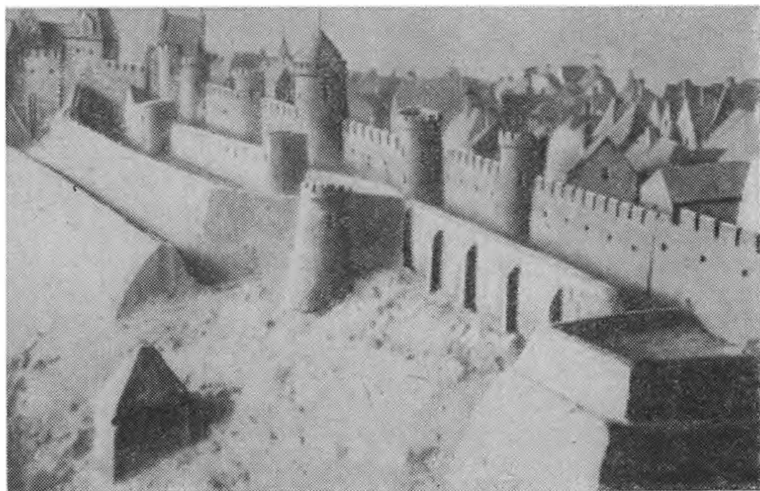
На первый взгляд табориты и «сироты» не отличались друг от друга: и у таборитов и у «сирот» главной силой были крестьяне и городской плебс, к которым примыкали низшие и средние слои бюргерства и часть мелкой шляхты. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что составные элементы этих объединений, будучи близкими, не являлись тождественными, а ввиду этого и удельный вес их внутри каждого из лагерей был в разные моменты неодинаковым. Крестьяне южной Чехии, входившие в таборитские армии, находились до начала крестьянской войны в иных условиях, чем крепостные северо-востока. Хотя, конечно, невозможно отрицать передвижение и смешение крестьян в армиях таборитов и оребитов, всё же Табор в основном опирался на южночешских чиншевиков, а Оребитский союз — на барщинников северо-востока. Навыки самостоятельной деятельности были у первых прочнее, шире и многостороннее был их жизненный опыт, выше уровень классового сознания. С другой стороны, имущественные различия в южночешской деревне были сильнее, а обусловленные ими противоречия — острее. Поэтому даже после расправы с крайними левыми сектантами табориты выступали более сознательными и последовательными борцами против феодально-католической реакции, чем оребиты. Впрочем, в ходе борьбы внутри лагеря таборитов происходили заметные сдвиги, а когда крестьянская верхушка нашла общий язык с бюргерством, стало ясно, что дни Табора как революционного центра всей Чехии сочтены. Разумеется, это обозначилось не сразу, но соответствующие тенденции были заметны на протяжении всей крестьянской войны.

Равным образом и бюргерство Табора нельзя отождествлять с бюргерством городов северо-востока. До весны 1421 года в Таборе более или менее последовательно осуществлялась хилиастическая общность имущества, ввиду чего бюргерство было здесь к середине 20-х годов в своей массе бедным и бюргерская верхушка не определилась с такой законченностью, как в старинных городах, а по своим традициям, по происхождению и по всему прошлому бюргеры Табора ближе стояли к народу. На первых порах это усиливало таборитов, сплачивало их, повышало их революционную активность. Однако впоследствии, когда молодое таборское бюргерство окрепло и разбогатело, когда прежние идеалы потеряли в его глазах свою

притягательную силу и оно чётче осознало свои узкоклассовые интересы и соответствующие им цели внутри движения, ему легче было повести за собой зажиточные элементы крестьянства. Короче говоря, по мере развёртывания революционных событий и в Таборе и среди оребитов неминуемо намечались противоречия, с той разницей, что среди таборитов разделительная черта пролегла позже и не между бюргерством и всем крестьянством, как это было среди оребитов, а между бюргерами и верхними слоями крестьянства, с одной стороны, и городской и сельской беднотой, с другой.

В Оребитском братстве уже вскоре после смерти Жижки произошёл раскол. Часть шляхты и бюргерства перешла к чашникам, а крестьяне и плебс теснее сблизилась с Табором, почти полностью сливаясь с ним в минуты обострения внешней опасности. Полевые армии оребитов продолжали называться «сиротами». Во главе их встал Кунеш из Беловице, заменивший Сокола. Ближайшим его помощником оказался бывший ремесленник из Нового города Велек Кудельник. С этого времени «сироты» во всех решающих случаях выступали бок о бок с таборитами, которыми командовали Ян Гвезда, Богуслав Швамберк, Ян Рогач, Ян Блега и другие. В начале 1425 года табориты и «сироты» предприняли совместный поход против пражских чашников, а также успешно вели военные действия в Градецком крае. В руки «сирот» перешли Литомишль, крупный город, резиденция епископа, а также важная и сильно укреплённая крепость Опочна. Правда, попытка захватить Прагу ночным штурмом оказалась безрезультатной; табориты отошли к Слани и с помощью местных жителей взяли город, после чего двинулись к Роуднице. Город был также занят, но господствовавшая над ним крепость, где был сильный архиепископский гарнизон, устояла.

Во время всех этих боевых операций армии таборитов и «сирот» росли за счёт присоединявшихся к ним крестьян. В мае были подвергнуты опустошению владения панов из Коловрата и из Швигова, а также земли Рожмберков. Табориты взяли Нове Гради и серьёзно угрожали Тржебони. Везде к ним присоединялись отдельные беглецы, группы и даже целые отряды крестьян. Рожмберк стал уступчивее и согласился вести с гуситами диспут по вопросам религии, но император и папа запретили ему

Укрепления Табора
(макет в музее г. Табора)

всякие переговоры с «еретиками». Ободрённые смертью Жижки, которому они готовы были приписать все свои поражения, Сигизмунд и его сторонники рассчитывали при первой возможности организовать новое вторжение в Чехию и мечтали, что им удастся, наконец, расправиться с восставшими.

Лето и осень 1425 года были очень тяжёлыми для Чехии. Необыкновенно сильная жара вызвала засуху, и почти весь хлеб погиб. Начался голод. В довершение бедствия наёмные банды вроцлавского епископа опустошали наименее затронутые стихийным бедствием восточные и северо-восточные районы страны. В конце лета снова разгорелись военные действия. Табориты и «сироты» выступили против союза чашников-панов и пражан. Наиболее ожесточённые столкновения развернулись в районе Седльчан и далее к западу, в Пльзеньском крае. Здесь командовал войсками Ян Гвезда, а в окрестностях Праги — Швамберк. При осаде крепости Вожице Гвезда был тяжело ранен. Рана оказалась неизлечимой при тогдашнем уровне медицины, и в октябре этот выдающийся народный полководец, друг Желивского и соратник Жижки, умер. Накануне смерти Гвезда пережил последнюю радость:

пражане прислали к нему как к главе таборитов просить мира, а осаждённая крепость капитулировала. Выполняя распоряжение умирающего полководца, табориты отпустили пленных, но крепость Вожице разрушили и сожгли.

Осенью 1425 года табориты действовали и в Моравии. Здесь они с помощью «сирот» заняли хорошо укреплённый Тржебичский монастырь и проникли на юг до Знойма. Отсюда, преследуя отступавшие армии Альбрехта Австрийского, табориты двинулись на юг. Они не встретили серьёзного сопротивления в Австрии. Лишь укреплённые замки феодалов приходилось брать с бою. При штурме замка Рец был убит и другой выдающийся деятель гуситских войн — таборитский гетман Богуслав Швамберк. В самом конце 1425 года, когда гуситские армии возвратились в Чехию, из старых, опытных и прославленных вождей оставались в живых Ян Рогач и Хвал из Маховиц, из новых военных руководителей выдвинулись Ян Блега из Тешнице и в особенности священник Прокоп, известный под прозвищем Голый¹.

К 1426 году над Чехией снова собрались грозные тучи. Император Сигизмунд всё ещё не терял надежды покорить чехов. Он рассчитывал на поддержку европейской феодально-католической реакции во главе с папой. Многие немецкие феодалы были настроены агрессивно. Новый саксонский герцог Фридрих Воинственный стремился расширить свои владения за счёт Чехии и захватил города Мост и Усти. Ещё в конце 1425 года на помощь жителям Моста прибыли табориты. Они осадили город, но безуспешно. Другая часть таборитов во главе с Рогачем очищала от интервентов северные районы Чехии. В мае

¹ Биография этого выдающегося деятеля гуситских войн мало известна. Обычно считают, что он происходил из патрицианской семьи. В молодости Прокоп побывал в Германии, Италии, даже в Испании и Палестине. Вернувшись, он стал священником. Подобно другим представителям низшего духовенства, из рядов которого вышли в это время такие деятели, как Желивский или Коранда, Прокоп был последовательным защитником интересов народа. Враги обвиняли его в пикартстве. В 1421 году он находился в тюрьме и спасся только во время одного из выступлений пражского плебса. Что касается прозвища, под которым он вошёл в историю, то оно является результатом неудачного перевода на русский язык чешского слова «holý» — «бритый» и обязано своим происхождением тому обстоятельству, что Прокоп, в отличие от других таборитских проповедников, брил бороду. В чешской исторической литературе Прокопа часто называют Великим.

табориты освободили Млада-Болеслав, Ческу Липу и некоторые другие населённые пункты. Это заставило Сигизмунда и немецких феодалов поторопиться с новым вторжением в Чехию.

19 мая был созван имперский сейм в Нюрнберге. На сейме присутствовал папский легат кардинал Джордано Орсини. Призывы легата и уговоры уполномоченных Сигизмунда наталкивались, однако, на серьёзные препятствия, которые стояли на пути объединения империи. В 1425—1426 годах на территории Германии шла непрекращавшаяся междоусобная борьба. Баварские герцоги вели долгую и кровопролитную борьбу за так называемое штраубинское наследство. Они никак не могли разделить земли, оставшиеся после одного из их родственников. Один из главных врагов гуситов,— архиепископ Майнцский в союзе с герцогом Брауншвейгским вёл продолжительную войну с ландграфом Гессенским. Интересы многих других князей, городов и феодалов также переплетались и перекрещивались самым неожиданным образом и часто приводили к военным столкновениям.

В конце концов, на Нюрнбергском сейме всё же был выработан план совместного наступления сил реакции, который предусматривал концентрированный охват восставшей Чехии со всех сторон. С севера должны были двинуться войска Фридриха Саксонского, с юго-запада — пфальцграфа Иоганна, со стороны Моравии в наступление должен был перейти Альбрехт Австрийский. Кроме того, под влиянием папы в войне против гуситов согласились участвовать польский король Владислав Ягайло и многие мелкие немецкие князья.

Эти планы широкого наступления международной реакции оказались невыполнимыми. Польский король уклонился от участия в походе. Противоречия между немецкими князьями были очень велики. Каждый из них стремился обеспечить прежде всего свои личные интересы, и поход в Чехию казался многим слишком опасным. Главной ударной силой очередного похода против Чехии оказались войска Фридриха Саксонского, которому пришли на помощь многие западноевропейские рыцари.

В сложившейся обстановке табориты правильно определили наиболее угрожаемый участок театра военных действий и двинули войска в северо-западную Чехию. Ещё осенью 1425 года отдельные таборитские отряды действо-

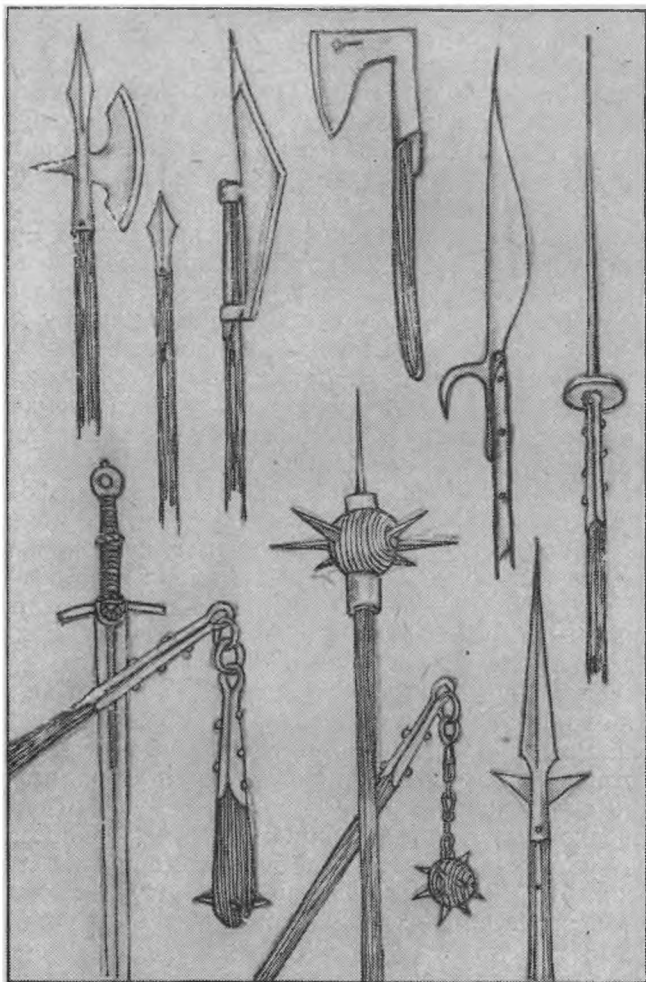
вали во владениях Фридриха Саксонского. Теперь они продолжали свои действия, очищая города и замки, занятые прежде саксонцами, и нанося удары католическим панам. Угроза нового наступления реакции привела ко временному смягчению противоречий между гуситами. Во главе объединённых гуситских армий летом 1426 года находился Прокоп, облечённый властью главнокомандующего.

Табориты и «сироты» двинулись к Усти, где засел сильный вражеский гарнизон. Ни артиллерийский обстрел, ни подкопы не помогли им взять город, на помощь которому спешили саксонские и мейссенские войска. Таборитский военачальник Якубек из Вржесовице в свою очередь призвал всех гуситов без различия убеждений под стены Усти. Вскоре подошли наёмные войска пражского городского союза, во главе которых стоял Сигизмунд Корибутович. Сюда же потянулись и отряды чешской и моравской шляхты, примыкавшей к чашникам. Но главную часть гуситской армии составляли полевые войска таборитов и «сирот», которыми командовал Прокоп.

Объединённая немецкая армия, куда входили войска мейссенских, тюрингских, лужицких, силезских и других феодалов, а также ополчения имперских городов, ещё в начале июня сосредоточилась у Фрейбурга. Сохранившиеся источники утверждают, несомненно, впрочем, преувеличивая, будто здесь насчитывалось до 70 тысяч воинов. В середине июня интервенты перешли границу и вскоре приблизились к гуситским войскам. Современники указывали, что на каждого чеха приходилось до пяти немцев.

Опасаясь одновременного удара армии врага, подоспевшей с фронта, и отрядов, осаждавших с тыла, Прокоп отвёл войска от стен осаждённого города Усти на одну из ближайших возвышенностей, с большим умением избрав позицию для решительного сражения. Гуситы стали лагерем на холме между двумя ручьями, окружив себя двойным кольцом возов. Это было не простой мерой предосторожности, но продуманным тактическим приёмом. Уменьшив линию обороны, табориты тем самым не позволяли противнику использовать его численный перевес и в то же время повышали действенность своего артиллерийского огня.

Ещё до решительного военного столкновения чехи предложили вражескому командованию по возможности смяг-

Образцы вооружения народных войск

чить ужасы войны. Немцы наотрез отказались щадить пленных «еретиков», оказывать помощь раненым и т. д. Тогда табориты и их союзники перешли в свою очередь к беспощадным действиям против интервентов.

В жаркий летний полдень 16 июня 1426 года завязался жестокий бой. Первоначально рыцари, используя свой

количественный перевес, упорно атаковали возовую оборону Прокопа и даже прорвали наружную линию укреплений, захватив несколько возов. Однако, несмотря на значительный численный перевес атакующих и этот первый успех крестоносцев, народные воины не дрогнули. Табориты открыли с флангов огонь, а также умело действовали крючьями, стягивая рыцарей с коней. Решающий момент наступил, когда Прокоп подал сигнал к контратаке. Враг не выдержал натиска. Колонны отступавших смешались, сбились в кучу, а затем обратились в беспорядочное бегство. Гуситы преследовали бегущих и никому не давали пощады. Враги понесли колоссальные по тем временам потери. По всему пути отступления до сёл Пржеблице и Грабовице было уничтожено более десяти тысяч захватчиков, среди них — графы фон Гляйхен, фон Гартенштейн, фон Кверфурт, фон Вайхлинген и многие другие. Чехи взяли большие трофеи: возы, орудия, знамёна и 66 богатых палаток.

Битва при Усти была одним из самых кровопролитных и решительных сражений в ходе гуситских войн. Ближайшим следствием победы явилась сдача осаждённого гарнизона и переход Усти в руки гуситов. Страх охватил немецких феодалов. Они укрепляли города и замки, ожидая наступления гуситов. Страх сделал то, чего не могли добиться ни приказы императора, ни обращения папского легата. Ряд германских князей спешно выставил обещанные отряды, и вскоре новая крестоносная армия стала собираться у границ Чехии.

Предложение Прокопа, который призывал довершить победу у Усти преследованием бегущего врага на его территории, было отклонено чашниками, которые откололись от остальных гуситских сил и ограничились осадой Моста. Удобный момент был упущен. К Мосту с противоположной стороны шли войска интервентов. Отряды пражан проиграли битву у стен города и отступили, оставив врагу часть своей артиллерии. Одновременно другой отряд чашников потерпел неудачу у Клатови, где они столкнулись с отрядами баварцев. Так предательство чашников и их раскольнические действия почти свели на нет результаты победы гуситов у Усти.

Во второй половине 1426 года среди богатого пражского бюргерства всё громче стали раздаваться голоса, требовавшие примирения с папой и императором. Ян

Пржибрам и другие пражские магистры призывали к полному разрыву с таборитами, осуждали захват церковного имущества и требовали возвращения ко всем обрядам католической церкви. Ободрился и пражский архиепископ Конрад, примыкавший одно время к чашникам. Теперь архиепископ созвал специальный синод в Роуднице и отказался признавать зависимость церкви от светской власти. В защиту его выступили Пржибрам и другой магистр — Кржиштян из Прахатице. Сигизмунд Корибутович поддерживал такие настроения. Он рассчитывал, что примирение с папой даст ему немало выгод, а может быть, и чешскую корону. Однако народные массы Праги не хотели возвращения к старому. Даже многие чашники протестовали против полной капитуляции перед императором и папой. Эту часть чашников возглавлял магистр Ян Рокицана. Вскоре Пржибрам, Кржиштян из Прахатице, Прокоп из Пльзня, Пётр из Младеновице и их сторонники стали бояться выходить на улицу и прятались в укреплённой ратуше.

В это время табориты продолжали военные действия против панов на севере Чехии. Ещё летом 1426 года табориты и «сироты» осадили замок одного из крупнейших магнатов — пана Гинека Бочека из Подебрад. Бочек в это время вступил в союз с панами Путой из Частоловице, Яном из Опочны, Крушиной из Лихтенбурка и Бочеком из Кунштадта. Паны-чашники готовились к реакционному перевороту и завязали сношения с внешним врагом. Подебрадский замок был хорошо защищён и укреплён, поэтому осада затянулась. Осенью табориты вынуждены были снять осаду, так как обозначилась новая опасность на юго-востоке. Ещё в конце августа Альбрехт Австрийский, усилив свои войска отрядами присланных Сигизмундом венгерских шляхтичей и используя помощь патрициата крупных городов Моравии, перешёл к военным действиям. Войска Альбрехта осадили крепость Бржецлав, но **взять** её им оказалось не под силу. Таборитский гарнизон упорно и стойко оборонялся, а в ноябре Прокоп Великий нанёс осаждающим чувствительное поражение и доставил осаждённому съестные припасы, боевое снаряжение и подкрепления. Эта выдающаяся операция нагнала страх на многих панов. Ольдржих из Рожмберка поспешил заключить перемирие.

Главным результатом блестящего прорыва таборитов к Бржецлаву было то, что он спутал карты врагов Чехии. Попытка концентрированного охвата страны силами европейской католической реакции включала как одно из своих составных звеньев наступление с юга, через Моравию. Для того чтобы окончательно ликвидировать угрозу с юга, табориты подготовили и провели контрудар против Альбрехта на его собственной территории. 12 марта войска таборитов и «сирот» под общим командованием Проккопа Великого подошли к укрепленному городу Цветтль и осадили его. Здесь они нанесли австрийцам крупное поражение. В ходе битвы у Цветтля события развивались так же, как и в сражении при Усти. Сначала атака рыцарей имела некоторый успех. Они даже захватили ряд возов. Но затем табориты и «сироты» обрушились на фланги австрийцев, смяли их и нанесли им страшный урон. Немецкие летописцы исчисляют потери войск австрийского герцога в несколько тысяч человек. В числе других трофеев победителям досталось знамя австрийского командующего Райнпрехта фон Вальдзее.

Этой победой была сорвана очередная попытка иноземной агрессии; планы европейской реакции, угрожавшей в то время Чехии новым крестовым походом, потерпели крушение. Вместе с тем укреплялись границы Чехии, а враги были лишены подготовленного плацдарма для наступления на центры страны.

Поход гуситов в Австрию увенчался победой. Эта была первая крупная победа, одержанная войсками восставшего народа за пределами чешской территории. Вместе с тем поход в Австрию открывал собой новую страницу в военной истории гуситских войн. Если в прошлом гуситы почти не совершали походов за рубежи своей родины, то операция у Цветтля положила начало многим выступлениям, во время которых таборитские войска достигли даже побережья Балтийского моря.

Блестящая военная победа у Цветтля сопровождалась серьёзным успехом народных масс внутри страны. Силы реакции группировались в Праге вокруг Сигизмунда Корибутовича, который продолжал переговоры с папой, обещая привести гуситских «еретиков» в лоно католической церкви. Сигизмунд Корибутович потерял всякое доверие народных масс Праги. 17 апреля он был арестован восставшим народом. Реакционные магистры — Ян

Пржибрам и его сторонники были изгнаны из столицы, а к руководству пражской общиной пришли коншелы, среди которых выделялся один из помощников Желивского — Иероним Шрол и верный сподвижник Яна Рогача польский рыцарь Вышек. Пражский плебс проявил в этих событиях высокую бдительность. Зарубежной реакции, возлагавшей свои надежды на Сигизмунда Корибутовича и стоявших за его спиной панов, был нанесён чувствительный удар.

В бессильной ярости император Сигизмунд провёл на имперском сейме во Франкфурте решение о новом крестовом походе против гуситов. На сей раз по мысли организаторов этого кровавого предприятия следовало навсегда уничтожить очаг «революционной заразы» в самом центре Европы. Правда, немецкие князья и города потеряли немало времени, препираясь на сейме с целью переложить друг на друга бремя военных расходов. В конце концов, сейм всё же утвердил сбор чрезвычайного военного налога — рейхспфеннига. Кроме того, на сейме были приняты решения об укреплении дисциплины и частичных преобразованиях имперской армии, прежде всего о значительном увеличении артиллерии. После долгих споров на сейме был утверждён план генерального наступления на Чехию одновременно с севера, с запада и с юго-востока. В центре, у Праги, основные силы крестоносцев должны были встретиться с войсками силезских князей и австрийского герцога.

Расчётам европейской реакции, вынашивавшей планы концентрированного наступления на чешские земли, табориты противопоставили свой план, разработанный их выдающимся полководцем — Прокопом Великим. Опасность удара с юга была уже предотвращена победой у Цветтля. Теперь необходимо было сорвать намеченный удар с севера. В середине мая Прокоп Великий и Велек Кудельник во главе таборитов и «сирот» перешли границу и нанесли силезским феодалам ряд чувствительных ударов. Силезские князья не осмеливались выступить против таборитов в открытом поле и ограничивались присылкой незначительных отрядов на помощь городам. Первым подвергся нападению город Циттау, где находился в то время пражский капитул. После изгнания из Чехии католического духовенства члены капитула укрылись в Силезии, вблизи чешских границ и плели там всяческие интриги

против восставшего народа. Вокруг них группировались самые тёмные силы реакции. Но присланная на помощь капитулу группа рыцарей Тевтонского ордена, а также отряды других силезских городов и князей, набравшиеся смелости выступить в открытое поле, при первом же появлении таборитских воинов обратились в паническое бегство. Табориты и «сироты» преследовали их до самых ворот Циттау и нанесли им большой урон.

После этого табориты, не осаждая города, двинулись дальше, повсеместно получая поддержку крестьян Силезии. Они разоряли имения феодалов и монастыри, расправлялись без всякого сожаления с захваченными феодалами и в особенности с католическими попами. 16 мая они заняли Лаубан (современная Любань), а спустя несколько дней — Гольдберг. Считая свою задачу выполненной, Прокоп Великий повёл войска назад. Силезские князья, собрав к этому времени свои отряды, следовали за гуситами до границ Чехии, но так и не отважились вступить с ними в бой.

Военные действия в Силезии ещё раз спутали карты замышлявших крестовый поход врагов Чехии и способствовали укреплению её северных рубежей. Войска силезских князей были рассеяны или деморализованы, и силезским феодалам было теперь не до вторжения в Чехию. Тем самым одно из составных звеньев цепи, которой европейская феодально-католическая реакция рассчитывала удушить Чехию, было разбито, а вся цепь разорвана, и общий натиск врага значительно ослаблен. Крестоносцы не смогли соединить основной удар с запада с одновременным натиском с севера и юга, и табориты получили возможность сконцентрировать силы в районе главной опасности. Силезский поход дал таборитам богатую военную добычу, большую часть которой составляло огромное количество скота. Современники отмечали, что после возвращения из этого похода табориты продавали корову за 8—10 грошей¹.

По пути на родину табориты заняли две крепости в восточной Чехии — Червену Гору у Находа и Жлебы у Часлава. Эти опорные пункты имели большое военное значение, особенно в тот период, когда Чехии угрожало но-

¹ Обычная цена коровы не опускалась, как правило, ниже 30—35 грошей.

вое нашествие врага. 15 июля 1427 года табориты и «сироты» с триумфом вступили в Прагу. Простой люд столицы с восторгом встречал крестьянское войско Проккопа Великого. Но оно оставалось в Праге недолго. Уже через несколько дней табориты вместе с «сиротами» выступили на запад, навстречу новому удару врага.

В середине лета 1427 года немецкие феодалы закончили свои военные приготовления. Если даже согласиться, что численность их войск указана в источниках с большим преувеличением, всё же надо признать, что против чехов была собрана армия в несколько десятков тысяч. Такие большие силы не могли быть составлены из одних только феодалов. В армии крестоносцев было немало крестьян, которых принудительно гнали на братоубийственную войну, используя их в качестве пехоты и лагерной прислуги. На этот раз немецкие феодалы имели на вооружении возы и лёгкую артиллерию, пытаясь усвоить опыт гуситов. Кроме германских феодалов в новом крестовом походе против Чехии принимали участие рыцари из различных стран Европы. Особое место занимал тысячный отряд прославленных в то время английских лучников. Этот отряд был приведён в Чехию родственником английского короля кардиналом Генрихом Винчестерским, который организовал специальный сбор средств для крестового похода против «еретиков» и которого папа назначил своим легатом во время похода.

В напряжённые летние месяцы 1427 года паны-чашники Гинек из Вальдштейна и Ян Смиржицкий стали на путь самой гнусной измены. Они стали готовиться к тому, чтобы в решительный момент нанести предательский удар в спину народным войскам. Паны-изменники заключили предательский договор с одним из злейших и давних врагов Чехии — Фридрихом Бранденбургским. Кроме того, они вступили в сношения с Тевтонским орденом. Предатели обязались выдавать все военные планы гуситов, сдать города Роуднице и Мельник, защищавшие подступы к Праге, а в случае успеха крестоносцев (после вступления последних в Слани) они обещали сдать ордам крестоносных грабителей столицу Чехии.

Одновременно паны-чашники завязали переговоры с верхушкой пражского бюргерства. Чешские патриции Праги, которые только и думали, как бы закрепить достигнутые ими позиции мирным соглашением с реакцией,

ухватились за это предложение и в свою очередь пообещали изменникам содействие при захвате столицы. Но чёрным планам предателей не суждено было осуществиться. Они были сорваны замечательной победой чешского народа у Тахова.

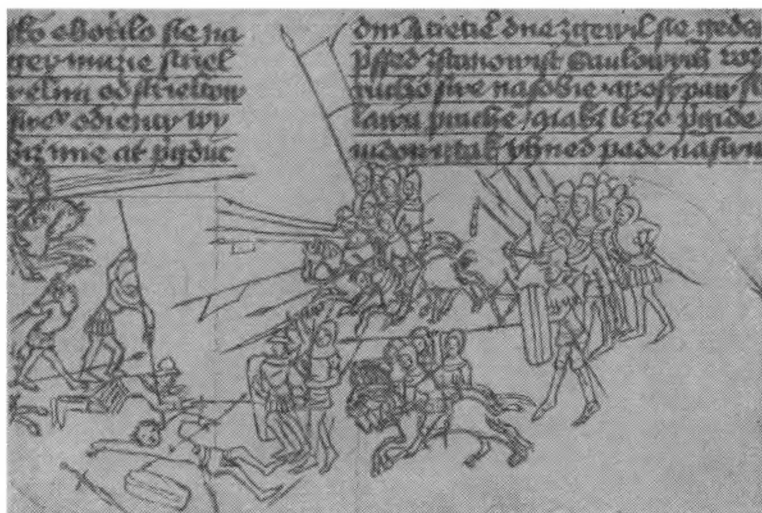
Ещё в начале июля крестоносцы проникли в нескольких пунктах на территорию Чехии. С севера к Кадани шли отряды саксонских феодалов, с запада к Хебу двигался Фридрих Бранденбургский, а к Тахову — курфюрст Трирский. Снова запыхали сёла и города Чехии, опять чешский народ подвергся насилиям, убийствам и грабёжам со стороны разнузданного феодального войска.

Продвигаясь вглубь страны, войска интервентов соединились у Стршибро и осадили немногочисленный таборитский гарнизон этого города. Несмотря на отчаянное положение осаждённых (их было всего 200 человек) и огромный перевес врага, народные воины, во главе которых стоял Пржибек из Кленова, доблестно отражали все атаки крестоносцев, озлобленных сопротивлением осаждённых, и упорно удерживали город, который обстреливала чуть ли не вся артиллерия крестоносцев.

Героическая оборона Стршибро сыграла решающую роль в ходе кампании. Гуситы успели сконцентрировать свои войска у Рокицан и двинулись к Стршибро. Они были ещё довольно далеко, когда трёхтысячный отряд вражеской конницы узнал об их приближении. Одного слуха о сосредоточении войск грозного Прокопа оказалось достаточно для того, чтобы доблестные рыцари, так долго готовившие решительное выступление против «еретической» Чехии и успешно грабившие беззащитных стариков, женщин и детей, обратились в паническое и неудержимое бегство.

Это объясняется не только моральной неустойчивостью искателей пожизны, но и тем, что в крестоносной армии было много насильно согнанных со всей Германской империи крестьян. Рыцари имели все основания не верить готовности немецкого крестьянина проливать кровь за интересы феодалов и бояться, что их собственные слуги и пехотинцы могут обратить против них своё оружие и выступить в союзе с гуситами.

При беспорядочном бегстве от Тахова крестоносцы оставили всю награбленную добычу и боевые возы, которые они завели, подражая таборитам. Предводители армий

Бой гуситов с крестоносцами
(из рукописи XV века)

феодалов не понимали истинных причин своих прежних поражений и считали, что для успеха необходимо только отлить побольше пушек да обзавестись боевыми возами. Табориты продолжали преследовать врага и за Стршибро. Лишь у Тахова Генриху Винчестерскому, сначала угрожавшему беглецам, а затем унижавшемуся перед ними, удалось сколотить несколько боеспособных групп. Однако и они разбежались 4 августа при первом известии о появлении чехов. В руки таборитов снова попали богатые трофеи. Остатки крестоносцев укрепились было в Таховской крепости, но к середине августа и она была взята. Тахов и Стршибро превратились в оплоты «сирот» и таборитов на западе Чехии.

Так бесславно и позорно закончился четвёртый крестовый поход европейской реакции против восставшей Чехии. Чешский народ одержал новую победу. Подтвердилась глубина стратегического замысла Прокопа Великого, сумевшего лишить крестоносцев сначала южного, а затем и северного плацдарма и вынудившего врага наступать лишь с одной стороны вместо намечавшегося первоначально concentрического охвата Чехии со всех

сторон. Правда, вскоре силезские феодалы, забыв недавно полученные уроки, снова двинулись в поход. Они подошли к Находу и сумели выманить «сирот», которыми командовал Ян Чапек из Сана, из их укрепленного лагеря. Несмотря на урон, «сироты» всё же удержали город. Когда силезские князья получили известие о разгроме крестоносцев у Тахова, они обратились вспять, ознаменовав своё вторжение в Чехию лишь грабежами и убийствами. При отступлении от Находа, например, они сожгли госпиталь, находившийся близ города, вместе со всеми больными и ранеными.

Но и постыдное поражение у Тахова не заставило феодалов сложить оружие. Генрих Винчестерский убеждал князей и курфюрстов напрячь все силы для «богоугодной борьбы» против «проклятых чешских еретиков». В ноябре 1427 года во Франкфурте снова собрался имперский сейм, на котором было решено приступить к сбору войска и денег для войны против Чехии. После долгих споров постановили ввести специальные налоги, обложив духовенство в размере 5% с доходов, а мирян — сбором в полгульдена с имения ценою до тысячи гульденов и в один гульден — с более значительных поместий. Для контроля за сбором средств и для военных приготовлений был создан особый совет, куда входили уполномоченные от курфюрстов и от имперских городов. Главнокомандующими были назначены папский легат и маркграф Бранденбургский.

Несмотря на все эти решения, подготовка к новому походу шла черепашьям шагом. Князья и города, исправно выколачивая новые налоги с крестьян и ремесленников, стремились присвоить собранные деньги себе. Они объявили, что сами наймут войска для похода, но либо расходовали средства на другие цели, либо, нанимая латников и стрелков, воевали друг с другом. Рыцари всячески стремились избавиться от уплаты причитавшихся с них сумм. Но в особенности изощрялось в этом отношении духовенство. Хотя, казалось бы, борьба против «чешских еретиков», провозглашённая самим папой, касается их ближе всего, жадные попы и монахи не хотели расстаться ни с какой частью своих «безгрешных» доходов даже во имя самых «святых» целей. Ввиду этого сборы средств для нового похода шли крайне медленно, а страх, который гуситы внушали врагам, был так велик, что до окончания общих приготовлений никто из имперских князей не хотел пер-

вым начинать опасную войну. Таким образом, на известный срок непосредственная угроза интервенции была ослаблена, и Чехия получила некоторую передышку.

Победа гуситов над крестоносцами создала предпосылки для выступления и против внутренней реакции. Правда, попытка подчинить Пльзень влиянию таборитов не увенчалась успехом, но с ландфридом было заключено перемирие. Устрашённые разгромом крестоносцев, пань-католики согласились участвовать в дискуссии по религиозным вопросам. Это был первый случай в истории гуситских войн, когда «правоверные» католики согласились обсуждать спорные вопросы вероучения совместно с «еретиками»-гуситами.

Однако это заявление католиков было лицемерным. Несмотря на поражение у Тахова, представители внутренней реакции не теряли надежды на успех. Не дождавшись помощи извне, католические пань, а также те, которые вынуждены были в прошлом примкнуть к чашникам, решили использовать момент, когда внимание народа было приковано к границам. Они не оставляли мысли о захвате столицы, рассчитывая при этом на неустойчивость и колебания разбогатевших бюргеров Праги. Смещение и заключение Сигизмунда Корибутовича было для последних серьёзным ударом, так как он уже начал переговоры с папой. Теперь верхушка пражского бюргерства готова была на новую измену. Пражане договорились с панями-заговорщиками, что откроют им ворота и помогут занять столицу. Ободрённые пань подготовляли выступление, надеясь легко захватить Прагу. В начале сентября 1427 года конный отряд панов из 600 человек под командой Гинека из Вальдштейна и Яна Смиржицкого ворвался в город. Но пражские низы не были застигнуты врасплох. Народ сумел немедленно организовать вооружённое сопротивление, а трусливые бюргеры поспешили во-время отмежеваться от заговорщиков. Попытка переворота была сорвана. Большинство участников налёта на город было уничтожено, в том числе и Гинек. Только благодаря вмешательству одного из главных идеологов пражского бюргерства — популярного среди горожан проповедника Яна Рокицана уцелевшим рыцарям была сохранена жизнь. Табориты зорко следили за событиями в столице. Уже на третий день после ликвидации заговора в город вступил

со своими отрядами Прокон. Этим победа городских низов была закреплена.

В самом конце того же богатого событиями года табориты и их союзники предприняли поход против другого оплота реакционных сил внутри Чехии — Колина, где в это время укрепились паны-предатели Дивиш Боржек из Милетина, Пута из Частоловице и другие. С помощью городской бедноты в середине декабря Колин был взят и с этого времени стал составной частью обширного таборитско-«сиротского» союза, куда входило в общей сложности более тридцати городов. При взятии Колина табориты проявили излишнюю мягкость, отпустив пленных панов.

1427 год явился во многих отношениях переломным в истории гуситских войн. Это был год серьёзных испытаний для сражавшейся Чехии, год, когда усилия внешних врагов сомкнулись с предательством врагов внутренних. С полной очевидностью выявилось, что значительная часть шляхты и бюргерства, объединённая под знаменем чашников и под руководством богатых пражских бюргеров, стала на путь превращения из силы, ведущей в союзе с восставшими крестьянами и городской беднотой борьбу против феодально-католической реакции, в союзника и резерв своих прежних врагов. Если в прошлом, при всей остроте разногласий между Старым городом и Табором, страх перед крестоносцами и ненависть к католической иерархии и императору все же приводили чашников в наиболее критические моменты к союзу с таборитами, то теперь, напротив, страх перед восставшими крестьянами и плебсом толкнул чашников — сначала шляхту, присвоившую церковные земли, а затем и успевшую разбогатеть верхушку пражского бюргерства — к сговору с реакцией за счёт народа.

Эта измена народному делу наложила свой отпечаток на всю дальнейшую историю как пражского, так и вообще чешского бюргерства. Разорвав связь с народом, бюргеры оказались впоследствии беззащитными перед лицом торжествующей феодальной реакции и католической церкви. Ведь разрыв с народом означал для бюргерства потерю единственно возможной опоры для борьбы против феодалов. В конкретных исторических условиях это означало не только измену тому знамени, под которым чешские бюргеры, используя революционный подъём масс, обогатились в предшествующие годы за счёт немецкого

патрициата и католического духовенства, но и утрату всякой дальнейшей перспективы в борьбе. Говоря другими словами, близорукое бюргерство, продавая своего союзника, лишалось возможности дальнейшей борьбы за свои собственные классовые интересы. Измена бюргерства с неизбежностью приводила в дальнейшем к ухудшению международного положения Чехии и ставила под угрозу результаты многовековой героической борьбы чешского народа против германской феодальной агрессии. В этом смысле можно сказать, что верхушка пражского и всего чешского бюргерства вступила в 1424—1427 годах на путь, который вёл страну не только к Липанам, но и к Белой Горе¹.

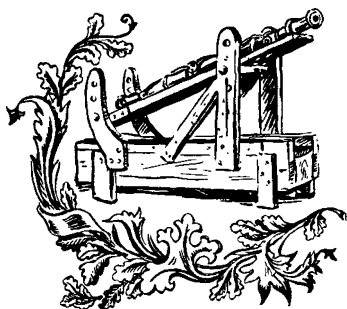
Однако к этому времени силы народа не были ещё исчерпаны. Велик был его революционный энтузиазм. Чешский народ располагал грозной для врагов армией, крестьянской в своей основе, которая оказалась непреодолимым препятствием на пути внешних и внутренних врагов. Победа у Тахова убедительно показала, что до полного торжества внешней реакции и её внутренних пособников ещё далеко.

1427 год явился важной вехой и в истории международных отношений Чехии с европейскими странами. Очередной разгром крестоносных полчищ надолго отбил у императора и германских феодалов охоту к новым посягательствам на чешскую землю, Эти победы, как и дальнейшие походы таборитов и «сирот» за пределы страны, были возможны благодаря тому, что к этому времени окончательно выкристаллизовалась замечательная военная организация народных армий таборитов и «сирот». Народ создал новые виды оружия и новые способы их применения. Народные массы выдвинули ряд талантливых полководцев, которые сумели использовать многовековой опыт антифеодальной борьбы чешского народа, обогатить его достижениями феодального военного искусства. Феодальные стратеги Европы применяли против чехов свои военные достижения, но безуспешно. Это не привело их к победе. У них было новейшее оружие, но чем могли они заменить воодушевление чешских крестьян и городской

¹ У Белой Горы в 1620 году были разгромлены чешские войска, в результате чего Чехия, уже находившаяся в зависимости от Австрии, попала на триста лет под иго Габсбургов. Белая Гора — символ величайшей национальной катастрофы в истории чешского народа.

бедноты, поднявшихся на священную освободительную борьбу против гнёта и иноземного порабощения?

События 1427 года показали, что чешский народ имел достаточно сил и ресурсов, чтобы отстоять свою независимость, и, более того, был способен вести победоносную войну на вражеской территории. Походы против австрийских феодалов и силезских князей были первыми среди славных походов чешских народных воинов далеко за пределы родной страны. Эти заграничные походы таборитов и «сирот» поднимали на борьбу угнетённое крестьянство, городских ремесленников и бедноту во всём европейском феодальном мире и в первую очередь в тех землях, которым пришлось видеть на своей территории отважные войска чешского народа, поднявшего в самом центре Европы знамя антифеодальной и народно-освободительной борьбы.

**ТАБОРИТЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЧЕХИИ.
РАЗГРОМ ПЯТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.
ПРОКОП ВЕЛИКИЙ. ПЕРЕХОД ЧАШНИКОВ
В ЛАГЕРЬ РЕАКЦИИ**

(1427—1433 годы)

Победы, одержанные народом в ходе Великой Крестьянской войны, были велики, но феодально-католическая реакция продолжала вынашивать планы удушения Чехии и расправы с восставшими. В самой Чехии оставались такие враги гуситов, как Пльзеньский ландфрид, моравские паны и, наконец, некоронованный южно-чешский король Рожмберк. Кроме того, было немало скрытых внутренних врагов, прикрывавших свою измену внешним признанием чаши, на которых и делали ставку император, папа и германские князья. Со своей стороны католические попы и паны-чашники, а также верхушечные слои бюргерства Праги и частично других городов открыто или тайно ориентировались на враждебное Чехии международное окружение. Главной задачей восставшего народа было в этот момент не допустить соединения внешних и внутренних врагов. Таборитское руководство в лице Прокопа, возглавившего в этот период, если не

формально, то по существу, борьбу всех прогрессивных сил страны, избрало для решения этой задачи путь, который подсказывался ему наличием боеспособной, манёвренной, закалённой в многолетних боях и овеянной славой многих побед народной армии.

Зимой 1427/28 года военные действия чехов приобрели новый характер. До этого времени гуситы вели главным образом оборонительные войны, отражая или предупреждая очередные нападения феодальной реакции. Зимой 1427/28 года табориты и «сироты» попытались перенести главные военные действия за пределы Чехии, чтобы предупредить дальнейшие вторжения врагов, обезопасить границы родины и отыскать себе во вражеском тылу союзников. Зарубежные походы гуситов должны были способствовать опровержению злобной и грязной клеветы врагов об учении и жизни таборитов, распространению идей Великой Чешской Крестьянской войны среди трудящихся масс соседних стран.

После взятия Колина, в конце декабря 1427 года войска таборитов во главе с Прокопом, отряды «сирот» во главе со священником Прокупеком и присоединившиеся к ним пражане-чашники во главе с Яном Товачевским двинулись к Венгерскому Броду, взяли его, а затем вступили в пределы западной Словакии, которая входила тогда в состав Венгерского королевства¹. Войска гуситов двинулись по направлению к Братиславе (тогда называвшейся Прессбургом) и везде встречали сочувствие и поддержку крестьян. Во многих местах крестьяне приходили на помощь гуситам целыми отрядами. Известны случаи, когда даже мелкие шляхтичи организовывали вооружённые выступления, нападая на церковников. Когда воины Прокопа Великого приблизились к Братиславе, в городе было обнаружено властями много сочувствующих чехам, особенно среди рыбаков и городской бедноты. Эти слои населения видели в чехах братьев-освободителей. Хорошо укреплённую Братиславу взять не удалось. Табориты сожгли предместье города и двинулись к Трнаве, отсюда вдоль берега Вага прошли на север — к Новому Месту и возвратились в Моравию.

В начале весны 1428 года гуситы перешли границу Силезии. Здесь они без боя заняли целый ряд городов на

¹ Напомним, что королём Венгрии был император Сигизмунд.

левом берегу Одры. 18 марта на берегу Нисы гуситы разгромили войска силезских феодалов во главе с вроцлавским епископом. После этого многие князья оказались вынужденными заключить договоры с гуситами, но епископ Конрад продолжал сопротивляться. Показательно, что чешские паны Пута из Частоловице и Ян из Опочны пришли на помощь епископу. С другой стороны, несмотря на террор феодалов, силезские крестьяне не только польского, но и немецкого происхождения большими группами стекались в лагерь гуситов, так что, по словам современника, войска их «очень усилились за счёт крестьян». Немецким и онемечивавшимся силезским феодалам не помогла бешеная проповедь католических попов, которые клеветали на чехов, утверждая, будто «еретики» убивают и уничтожают всех немцев. В действительности во время продвижения по Силезии гуситы соблюдали строгий порядок. Лазутчики доносили гротмейстеру Тевтонского ордена, что ненавистные «еретики» «разрушают и опустошают только церкви, дома духовенства, усадьбы дворян и кабаки». В этом сказалась не только высокая дисциплина, но и довольно развитое классовое сознание крестьянских армий гуситов.

1 мая табориты и «сироты» подошли к Вроцлаву. Они сожгли укрепления на подступах к крепости и вслед за тем в полном порядке двинулись в обратный путь, ведя за собой большое количество скота, везя захваченную добычу и трофеи. При возвращении на родину число воинов не только не оказалось уменьшившимся, но, напротив, заметно возросло за счёт силезских крестьян, вступивших на путь антифеодальной борьбы по примеру восставших чешских крестьян. Среди них было немало немцев. В Силезии к гуситам присоединился и князь Фёдор Острожский, родом из русских земель, захваченных польскими и литовскими панями. В отрядах Фёдора было много его соотечественников. Эти отряды действовали на стороне восставших чехов ещё во время битвы при Усти в 1426 году, но затем отошли в Силезию. Совместно с чехами сражался и отряд поляков под командой польского шляхтича Добека Пухала. Так в жестоких и кровопролитных боях создавались славные традиции совместной борьбы чехов, поляков, русских, украинцев, белорусов и немцев против феодального гнёта. Так братская солидар-

ность трудящихся ломала границы феодальных княжеств.

По окончании силезского похода гуситские войска направились на юг, в Австрию, где прошли к берегам Дуная, опустошая владения феодалов и разрушая монастыри. Другой отряд двинулся от Тахова в Баварию и занял там ряд населённых пунктов. В середине июля победоносные войска гуситов с триумфом вступили в Прагу.

Походы 1428 года показали, каким горячим сочувствием пользовались гуситские отряды далеко за пределами Чехии. Везде по пути следования войск Прокопа Великого местные крестьяне оказывали им помощь, вливались в их ряды. Немецкие и австрийские крестьяне, не говоря уже о словацких и польских, видели в таборитах защитников своих интересов. Табориты, сжигая монастыри и владения светских феодалов, брали под защиту крестьян, не допускали по отношению к ним насилий или самовольных захватов имущества.

Во второй половине 1428 года военные действия развивались главным образом внутри страны. Основное значение имела осада Бехине — города, который принадлежал пану Йиндржиху из Лозан. Бехине стал в это время оплотом реакционных панов, получавших из-за границы деньги и другую поддержку. Взятие Бехине войсками Прокопа Великого (октябрь 1428 года) нанесло чувствительный удар панам. Напуганный успехом таборитов, их старый враг Ольдржих из Рожмберка поспешил заключить с ними перемирие. В восточной Чехии «сироты» во главе с Прокупеком осадили замок Лихтенбург. Затем они перенесли военные действия в пограничные районы Силезии, где одержали над немецкими феодалами крупную победу у Градца. Одновременно табориты во главе с Прокопом совершили очередной поход в Австрию.

В результате военных действий 1427—1428 годов международное положение таборитов настолько укрепилось, что император Сигизмунд решился, наконец, начать переговоры. Не надеясь после стольких поражений на силу оружия, император рассчитывал использовать раскол среди гуситов. Но Прокоп, который вёл все дипломатические дела, разгадал этот вероломный план. Учитывая, однако, стремление народных масс Чехии к миру, он не отказался от переговоров с опасным и лицемерным врагом.

В январе 1429 года на сейме в Ческом Броде было назначено посольство для ведения переговоров с императором. В этом посольстве были представлены все направления гуситов. Возглавлял его Прокоп Великий. Сигизмунд оттягивал переговоры, и они начались только в апреле. Табориты отлично знали, с кем им придётся иметь дело. Поэтому к Братиславе, где должна была состояться встреча, Прокоп и другие вожди гуситов явились в сопровождении большой армии, а в самый город въехали, лишь получив предварительно надёжных заложников от императора.

Во время переговоров гуситские представители держали себя независимо и свободно. Выступавший от имени всей делегации посланец Праги магистр Пётр Пэйн заявил о несокрушимой вере восставших в правоту своего дела и напомнил Сигизмунду, что его многочисленные и хорошо вооружённые войска неоднократно терпели позорные поражения от значительно меньшего числа плохо вооружённых крестьян. Представители гуситов требовали подробно обсудить четыре пражские статьи, причём настаивали на возможно более широкой гласности прений.

Сигизмунд не смел отказаться от переговоров, но всячески подчёркивал, что простому народу не к чему знать об их ходе и что обсуждение спорных вопросов следует вести в узком кругу учёных-богословов. Гуситы ответили отказом. Тогда Сигизмунд пустился на хитрость: он предложил гуситам немедленно заключить мир со всеми соседями, рассчитывая этим добиться роспуска полевых войск, ослабить чехов и разжечь через своих сторонников междоусобную борьбу в стране.

Прокоп Великий хорошо понимал намерения и расчёты врага и предложил императору прежде всего заключить самому мир с гуситами; а чтобы доказать, что он искренне желает примирения, император должен передать гуситам некоторые замки, где всё ещё держались его сторонники. Угрозы разъярённого Сигизмунда не возымели никакого действия. Посланцы чешского народа ответили, что они готовы до конца отстаивать свободу и независимость родины. Вряд ли могло успокоить императора и условное согласие послов признать его законным чешским королём, так как для этого от него потребовали прежде всего признания четырёх пражских статей.

В это время становилось очевидным, что очередная попытка организовать новую интервенцию находится под угрозой провала. Деньги на крестовый поход поступали очень туго, а князья под различными предлогами не давали военную помощь. Надежд на иностранную поддержку тоже не было, потому что единственным вооружённым отрядом, который двинулся с запада, был пяти-тысячный отряд англичан, наёмный уже упоминавшимся папским легатом Генрихом Винчестерским. Однако дела самих англичан, ведших уже много лет захватническую войну во Франции, потребовали отозвания этих войск ¹. Ввиду того, что не удалось собрать сколько-нибудь значительных сил для вооружённого вторжения в Чехию, Сигизмунд решил продолжать переговоры.

В течение всего этого времени гуситы вели активные военные действия в Австрии и в Баварии. В мае 1429 года в Праге происходили заседания сейма, на котором решались вопросы об участии чехов в намечавшемся новом общеевропейском церковном соборе и об условиях перемирия их с империей. Гуситы согласились участвовать в таком соборе, где будет представлено не только католическое, но и русское, греческое и армянское духовенство.

На сейме Прокоп Великий выступил как защитник прав чешского народа. Он требовал, чтобы из числа участников перемирия были исключены все активные враги гуситов, и настаивал, чтобы Сигизмунд передал управление Моравией, находившейся во власти Альбрехта Австрийского, лицу чешского или вообще славянского происхождения. Особенно показательно, что таборитский вождь призывал не увеличивать тяготы крестьян и отстаивал полную свободу проповеди для народа.

Возобновившиеся переговоры с Сигизмундом не привели к каким-либо серьёзным результатам. Император хитрил, затягивал обсуждение спорных вопросов и уклонялся от всяких ответственных решений. Нетрудно было разгадать смысл этой тактики, и переговоры в июле были прекращены.

¹ Именно в летние месяцы 1429 года в ходе Столетней войны между Англией и Францией произошёл решительный перелом: французские войска, возглавляемые Жанной д'Арк, двигались к Орлеану и вскоре освободили его.

Между тем резко обострились противоречия в Праге. Народные массы, материальное положение которых неуклонно ухудшалось в связи с затянувшейся войной, были недовольны произволом богачей, бесконтрольно правивших городом. Разбогатевшие бюргеры Старого города стремились всячески нажиться за счёт городских масс и установить свою торговую монополию, в том числе и на все предметы первой необходимости. Конфликт принял религиозную форму, что было естественно в условиях того времени. Посыпались взаимные обвинения в отступничестве от «истинной» веры. Во главе трудовых масс Нового города стоял один из сподвижников Желивского — Якуб Влк. В защиту интересов богатого бюргерства выступил магистр Ян Рокицана.

Когда в городе начались открытые вооружённые столкновения, на помощь плебсу Нового города прибыли «сироты» во главе со своим предводителем Велеком Кудельником, который сам был ремесленником и хорошо знал нужды и положение пражского люда. Теперь перепуганные бюргеры Старого города согласились передать разрешение разногласий на рассмотрение Прокопа Великого, выбранного третьей судейей. Прокопу удалось временно смягчить наиболее острые противоречия, так что через месяц он уже мог выступить во главе всех гуситских сил против общего врага.

Первые операции, носившие подготовительный характер, развернулись в Силезии и в Лужицах. Во главе таборитов находился Прокоп, а «сиротами» предводительствовали Прокупек, Велек Кудельник и Пешек с характерным прозвищем Огородник. Военные действия протекали успешно. Был захвачен ряд городов, принадлежавших онемечившимся силезским феодалам. Войска гуситов дошли до границы Бранденбургской марки и в ноябре с победой и большой добычей вернулись на родину.

Теперь табориты и «сироты» стали готовиться к ещё более грандиозному выступлению против враждебных немецких князей. Сознывая, очевидно, что народные массы Германии, задавленные непосильным феодальным гнётом, видят в его войсках освободителей, Прокоп отправил в районы намечавшегося наступления большое количество бедняков-ремесленников, которые должны были подготовить народные массы к приближению гуситов. В декабре 1429 года начался небывалый по своему

размаху поход. Под знаменем Прокопа Великого находились кроме таборитов и «сирот» также ополчения пражан и часть шляхты, примыкавшая к чашникам.

Многотысячная армия гуситов двинулась в Саксонию. Она подошла к Пирне и Дрездену, уничтожая на своём пути замки феодалов, сжигая католические монастыри. Если в начале похода многие в Германии верили рассказам попов и феодалов о жестокости и жадности чехов, то по мере продвижения таборитов и «сирот» вглубь страны немецкие крестьяне и плебеи могли воочию убедиться в лживости этих клеветнических слухов. Городской плебс и крестьяне Тюрингии и Саксонии оказывали большую помощь наступающим гуситам. Они указывали им колодцы, кратчайшие дороги, сообщали сведения о численности и передвижениях противника и т. д.

Немецкие феодалы со своей стороны постарались собрать большие силы, чтобы уничтожить, наконец, ненавистные крестьянско-плебейские армии. Появление гуситов у стен замков и возраставшее сочувствие местного населения увеличивали их страх и злобу. Курфюрст Саксонский, маркграф Бранденбургский, герцог Брауншвейгский, ландграф Тюрингский, архиепископ Магдебургский и другие крупнейшие духовные и светские феодалы сосредоточили в районе Гриммы и Лейпцига весьма значительные по тем временам войска.

Узнав через своих сторонников из немецких крестьян об этих грозных приготовлениях, Прокоп двинулся на врага, чтобы предупредить его нападение. По пути таборитам и их союзникам в тяжёлых зимних условиях пришлось форсировать реку Мульду. Хотя во время переправы гуситы были легко уязвимы, страх перед ними и их легендарным вождём не позволил немецким феодалам использовать благоприятный момент. Более того, когда стало известно, что Прокоп Великий во главе своих отрядов приближается, многочисленное рыцарское воинство обратилось в беспорядочное бегство (январь 1430 года). Преследуя бегущего врага, гуситы подошли к стенам Лейпцига. Отсюда они направились на юго-запад.

Гуситы двигались широким фронтом, разделив свои войска на пять отрядов. Сама возможность двигаться одновременно пятью колоннами, поддерживая необходимую связь между ними и координируя свои действия, говорит о том, что организация гуситского войска была

Бой гуситов с крестоносцами
(гравюра XVI века)

намного выше, чем организация феодальных армий. По пути войска Прокопа заняли Альтенбург, Геру, Плауэн, Гоф и ряд других городов.

Среди немецкого народа надолго сохранилась память о походе 1430 года. В этой связи следует упомянуть так называемую наумбургскую легенду. Когда войска таборитов приближались к городу Наумбургу, гласит это сказание, напуганные городские власти отправили к Прокопу, о кровожадности которого католические попы распространяли злобные басни, депутацию из женщин, девушек и детей. Депутация женщин в белых одеждах и детей с цветами в руках, во главе которой стояла девушка по имени Анита, свободно прошла через ряды осаждавших до самой палатки сурового полководца. Прокоп обласкал детей и обещал, что его войска не тронут город. Вскоре армия гуситов двинулась в поход, оставив Наумбург, жители которого отделались одним испугом.

Ещё в начале XIX века наумбуржцы ежегодно отмечали дату этого события, направляя девушек и детей из города к тому месту, где, по преданию, их предки были встречены славным вождём Табора, покровителем женщин и детей.

Если наумбургская легенда, сложившаяся значительно позже, отразила лишь смутные воспоминания о поведении таборитов и «сирот» во время похода в Саксонию и Тюрингию, то современные событиям документы говорят о прямых выступлениях народных масс Германии против феодалов в эти годы. Само собой разумеется, что почва для этих выступлений была подготовлена местными условиями, но появление на территории германских княжеств крестьянских армий Табора явилось крупнейшим и важнейшим революционизирующим фактором, ускорявшим народные выступления и помогавшим трудящимся найти организационные формы и выработать собственную идеологию для борьбы за свои классовые интересы.

Особенно показательны в этом отношении события, развернувшиеся в Бамберге, к которому гуситы подошли уже в первых числах февраля 1430 года, взяв по пути Байрейт, Мюнхенберг и Кульмбах. При приближении гуситов большинство богатых бюргеров и католических попов поспешно бежало из города. Городские бедняки, на помощь которым подошёл отряд восставших крестьян численностью до 300 человек, стали хозяевами города. Беднота начала забирать брошенное богачами имущество и занимать их дома. По свидетельству летописца, бедняки «ели и пили вволю и чувствовали себя хорошо». Пример Бамберга показывал, что уже одна весть о приближении чешских крестьянских армий революционизировала массы, наполняя их верой в возможность успешной борьбы за улучшение своего положения.

Опасаясь дальнейшего распространения гуситского влияния на трудящиеся массы немецкого народа и не имея в своём распоряжении готовых вооружённых сил для борьбы с гуситами, германские князья, обескураженные многими поражениями и недавним бегством из-под Лейпцига, решились начать переговоры. В это время гуситские войска контролировали очень большую часть территории Саксонии, Тюрингии и Баварии. Передовые отряды их подходили уже к Нюрнбергу, крупнейшему городу тогдашней Германии. Среди патрициев и богатых бюргеров поднялась паника, особенно когда гуситы заняли соседний городок Графенберг.

В такой обстановке феодалы вынуждены были прекратить сопротивление и вступить в переговоры с гуситами. 12 февраля 1430 года курфюрст Бранденбургский

от имени всех германских князей заключил с Прокопом Великим перемирие в Бегеймштейне до 25 июля. Гуситы получили по условиям соглашения громадную контрибуцию. Фридрих Бранденбургский обещал дать 9 тысяч флоринов, баварский герцог Иоганн — 8 тысяч и нюрнбергские патриции — 12 тысяч флоринов. Ещё раньше бамбергский епископ и богатые бюргеры Форхгейма согласились уплатить 12 тысяч гульденов. Значительная часть этих сумм была вручена гуситским гетманам на месте, остальное должно было быть доставлено в Чехию до окончания срока перемирия.

Но гораздо важнее золота была моральная победа гуситов. Немецкие князья и городские патриции согласились созвать в Нюрнберге совещание католических и гуситских богословов. Католики заранее согласились признать те религиозные особенности учения гуситов, правильность которых будет подтверждена авторитетом «священного писания». Это был большой успех гуситов. Никогда в прошлом католическая церковь не соглашалась вести переговоры с «еретиками» как с равными, никогда авторитет библии не ставился ею выше воли папы и учений католических теологов. Существенной уступкой со стороны феодальной реакции было и то, что чешским послам заранее было разрешено явиться на предстоявшее совещание с вооружённой охраной.

После Бегеймштейнского перемирия табориты и «сироты» двинулись в обратный путь. Они везли огромные трофеи. Обоз их составлял более трёх тысяч возов, многие из которых были запряжены шестью, восемью и даже четырнадцатью лошадьми. По пути Прокоп получил ещё выкуп с Хеба. Армия гуситов в этом славном походе не только не уменьшилась, но даже увеличилась, обрастая на пути следования по германским землям отрядами восставших немецких крестьян и городской бедноты. 21 февраля 1430 года отряды Прокопа Великого вступили в Прагу.

Победоносный поход гуситов 1429—1430 годов был событием большого международного значения. Разгром феодальных владений, уже неоднократно служивших базой для агрессивных походов против чешского народа, явился сильным ударом по общеевропейской реакции. Огромная добыча и, в частности, значительная денежная контрибуция, взятая золотой монетой, укрепляла обороно-

способность чешских армий и являлась живым доказательством их силы. Выванное у врага согласие на обсуждение вероисповедных вопросов было серьёзной уступкой католической церкви, подрывавшей папский авторитет.

Внимание всей Европы более чем когда-либо было приковано к героической стране. Во Франции, в Англии, в Италии, даже в далёкой Испании распространялись известия о чехах, отважно поднявших оружие против папы и прелатов, против императора, многочисленных германских князей и собственных феодалов. В массах трудящихся разных стран феодальной Европы находили отклик манифесты таборитов.

Славный поход чешских крестьянских армий на территории Германии показал, что борьба крестьян и городской бедноты Чехии против эксплуатации, в защиту родной страны была тесно связана с борьбой трудящихся масс Германии против католической иерархии и феодального гнёта. Этот поход показал, где и среди кого могли восставшие чехи найти друзей и союзников.

Бегеймштейнское соглашение не привело к прочному миру. Папа Мартин V запретил католическим прелатам и богословам вступать в споры с «еретиками». Он упорно стремился во что бы то ни стало потопить Чехию в потоках крови. С этой целью он завязал новые переговоры со злейшим врагом славянских народов — Тевтонским орденом, одновременно пытаясь убедить польского короля начать войну против чехов. Римская курия чувствовала необходимость подавить любой ценой опасную «ересь», потому что и в Германии, и в Италии, и в других странах борьба гуситов вызывала сочувствие всех простых людей, а распространение гуситских идей угрожало папской власти.

Германских феодалов не надо было долго уговаривать, чтобы заставить их нарушить принятые на себя обязательства; но победы гуситов были для них хорошим уроком. Поэтому на папские призывы начать военные действия князья отвечали уклончиво. Тем не менее папе в конце концов удалось сорвать сначала намечавшееся в Нюрнберге обсуждение спорных религиозных вопросов, а затем и самое перемирие. Военные действия возобновились с новой силой уже весной 1430 года.

В рядах гуситов сражались теперь их союзники — упоминавшийся отряд поляков, которым командовал

шляхтич Добек Пухала, вспомогательные соединения силезских князей, а также отряд русского князя Фёдора Острожского. Одним из полководцев гуситов в этом походе был Сигизмунд Корибутович, перешедший к этому времени на сторону таборитов.

Таборитские войска под командой Прокопа Великого снова проникли в Силезию и заняли ряд крупных городов. Особенно большое значение имело взятие Бжега и Немчи (называвшихся тогда Бриг и Нимч), где были поставлены чешские гарнизоны. Эти города являлись воротами в Силезию и надёжно прикрывали подступы к северным границам Чехии. Один из занятых чехами городов — Гливице был отдан в управление Сигизмунду Корибутовичу. 16 мая Прокоп был уже в Чехии и начал деятельную подготовку к новому походу.

Одновременно другая чешская армия, состоявшая из «сирот» под командованием Велека Кудельника и Прокупека, вступила в Моравию и, пройдя через неё, перенесла военные действия в пределы Австрии и Венгерского королевства. Уже на австрийско-моравской границе «сиротам» пришлось выдержать жестокий бой с армиями Сигизмунда и Альбрехта. Но ещё более ожесточённые сражения развернулись на территории Словакии, где император сосредоточил свои отборные силы и сам возглавил их. Несмотря на численное превосходство врага, положение чехов облегчалось тем, что на их стороне были сочувствие и постоянная поддержка словацкого населения.

В окрестностях Трнавы произошла кровопролитная битва. Несмотря на значительный перевес врага, «сироты» одержали победу. В начале сражения им пришлось очень тяжело, так как войска Сигизмунда прорвали их восточное укрепление. Но благодаря своей стойкости, смелости и дисциплине «сироты» сумели вырвать инициативу из рук врага и разгромили его. Радость победы омрачалась большими потерями. Погиб и выдающийся полководец «сирот» Велек Кудельник. Вскоре после сражения у Трнавы чехи вернулись на родину.

К этому времени вновь назрела необходимость обуздать и внутренних врагов. Католические паны, подталкиваемые папой, снова начали активные выступления. Ввиду этого табориты оказались вынужденными приступить к военным действиям против коалиции враждебных

панов. В течение лета 1430 года были разбиты паны Бедржих и Гануш из Коловрата и западночешские феодалы из Пльзеньского ландфрида, старые враги восставшего народа. Ландфрид фактически капитулировал перед Прокопом.

Примерно в эти же летние месяцы 1430 года шли и военные действия против моравских панов. Войска таборитов прошли к Брно, а затем осадили сильную крепость Штернберг в Северной Моравии и 15 августа овладели ею, установив тем самым свою власть в этом важном районе.

Вслед за этим табориты снова направились в Силезию, где Прокоп Великий пришёл на выручку осаждённому немцами чешскому гарнизону города Немчи. Вскоре им были взяты город и замок Отмухов, принадлежавшие епископу Вроцлавскому. В Силезии табориты не только укрепили существовавшие у них тесные связи с крестьянами, но и стремились установить контакт с бюргерством. Сохранились обращения таборитов к силезским горожанам, призывавшие их к прекращению войн и установлению прочного союза с Чехией.

В начале 1431 года собрался чешский сейм в Кутной Горе. Здесь было избрано 12 земских владаржей, обладавших всей полнотой власти в стране. Другим важным вопросом, обсуждавшимся на сейме, были переговоры с польским королём, начатые по инициативе последнего несколько раньше.

Ещё в 1430 году папа Мартин V, потеряв надежду подавить восстание чехов с помощью Сигизмунда, стал оказывать нажим на Владислава Ягайло, стремясь превратить его в главную ударную силу европейской реакции. Одновременно папа вёл переговоры с Тевтонским орденом, жестоким и старым врагом Польши. Это возбуждало естественное недоверие польского короля, положение которого в период 20—30-х годов было чрезвычайно сложным. К этому времени старые противоречия между польским королём и его родственником — великим князем литовским Витовтом очень обострились. Император Сигизмунд воспользовался этим и обещал Витовту сделать его королём. Реальное значение этого факта состояло в том, что в случае принятия Витовтом королевского титула Литва окончательно отделялась от Польши. Это ущемляло интересы польских панов, которые рассчи-

тывали прибрать к рукам богатые украинские и белорусские земли, захваченные прежде литовскими феодалами. Поддерживая Витовта, император Сигизмунд стремился ослабить Польшу перед лицом своего союзника — Тевтонского ордена. Это было одной из главных причин, в силу которых Ягайло воздерживался до того времени от вооружённого вмешательства в чешские дела.

Осенью 1430 года Витовт был уже недалёк от своей цели. После сложной и длительной дипломатической борьбы Ягайло был готов признать Витовта королём. Но Витовт умер, не дождавшись короны. Однако борьба между польскими и литовскими феодалами не прекратилась, а приобрела ещё более острую форму. Наследник Витовта Свидригайло готовился в 1430—1431 годах к вооружённой борьбе против Польши; он не остановился даже перед тем, чтобы вступить в переговоры с орденом.

В такой обстановке польский король не обнаружил особого желания выполнить панские требования и, напротив, завязал новые переговоры с гуситами. Международный авторитет Чехии после отражения ряда крестовых походов вырос до такой степени, что гуситы в качестве арбитров принимали участие в польско-литовских делах.

В марте 1431 года в Кракове начались регулярные переговоры Владислава Ягайло с чехами. Гуситы были представлены Прокопом, паном Вилемом Косткой из Поступиц, Петром Пэйном и Бедржихом из Страшиц. Характерно, что обсуждение спорных вопросов велось на чешском языке, а не на латыни. Представители гуситов предлагали положить в основу обсуждения четыре пражские статьи, обещая после этого заключить мир и вступить в сношения с открывавшимся Базельским собором, от которого ожидали серьёзных церковных преобразований католической церкви. Владислав затягивал переговоры, требуя безусловного подчинения чехов будущим решениям собора. Краковский епископ Збигнев Олесницкий прилагал все усилия к тому, чтобы вообще сорвать переговоры: он даже запретил в Кракове богослужение на всё время пребывания там «еретического» посольства. Посольство в свою очередь отказывалось заранее капитулировать перед любым решением Базельского собора. Чешские уполномоченные соглашались вступить в Базеле в переговоры как равноправная сторона, не принимая на

себя никаких предварительных обязательств. Несмотря на то, что среди поляков было много сторонников союза с чехами, переговоры были в конце концов сорваны крупнейшими польскими магнатами и верхушкой католического духовенства.

Находясь в Кракове, Прокоп Великий развил кипучую дипломатическую деятельность. Он стремился завязать при посредстве Сигизмунда Корибутовича сношения с литовским князем Свидригайлом Ольгердовичем, который вёл упорную борьбу с враждебной группировкой литовских феодалов, получавших поддержку Ягайло. Эти переговоры не привели, однако, к определённым положительным результатам.

Вскоре после прерванных совещаний в Кракове открылся сейм в Праге (май 1431 года). Перед ним стояла задача: найти общую платформу для предстоявшего выступления гуситов на Базельском соборе. Достичь соглашения было очень трудно, так как ни чашники, ни табориты не хотели поступиться своими взглядами. Более того, в выступлении идеолога чашников магистра Яна Рокицана содержался прямой выпад лично против Прокопа. Рокицана с напускной наивностью спрашивал сейм, допустимо ли, что некоторые таборитские священники пользуются светской властью? При этом имелся ввиду прежде всего славный вождь таборитов Прокоп Великий.

На сейме присутствовали послы Сигизмунда. Сам он в это время готовил силы для вероломного нападения на чехов. Всячески желая замаскировать свои намерения, император лицемерно предложил продолжить обсуждение спорных вопросов в Хебе. Табориты совершенно не доверяли Сигизмунду, но и не отказывались от мирных переговоров. На пражский сейм прибыло и польское посольство. Представителей братской Польши приветствовал лично Прокоп. Среди польских послов был шляхтич Абрагам из Збоншина, который позднее выступил под знаменем гусизма в борьбе против всемогущего краковского епископа Збигнева Олесницкого.

К этому времени роль гуситских войн как крупнейшего международного фактора выявилась во всём своём значении. Прежде всего, непосредственное участие в этих событиях принимали соседние славянские народы.

На территории братского словацкого народа, стонавшего под тройным игом венгерских, германских и своих

феодалов, гуситские отряды всегда находили поддержку и помощь. Жесточайшие репрессии феодалов не могли уничтожить сочувствие угнетённых масс словацких земель к освободителям-гуситам.

Однако в Словакии антифеодалные выступления масс не приобрели такого размаха и характера, как в Чехии. Это объяснялось условиями социально-экономического развития словацких земель в средние века и в первую очередь более низким уровнем развития производительных сил Словакии в начале XV века.

Существенную помощь восставшей Чехии оказал польский народ. Сочувствие поляков боровшимся гуситам приходилось учитывать и польскому королю Владиславу. Особенно ярко проявилось боевое содружество чешского и польского народов во время похода гуситов к Балтийскому морю в 1433 году. Да, собственно говоря, и весь этот поход был бы невозможен без деятельной поддержки населения по всему пути следования гуситских войск.

Несмотря на территориальную отдалённость, в славянских битвах таборитов принимали участие и русские люди. Их было много в войсках Сигизмунда Корибутовича и Фёдора Острожского.

Но было бы неправильно ограничивать международное значение гуситских войн одними славянскими странами. Источники сохранили немалое количество сведений об отзвуках гуситских войн в Германии. Вопреки клеветническим измышлениям историков буржуазно-националистического лагеря, утверждавших, будто в ходе гуситских войн столкнулись «германство и славянство», сам ход событий свидетельствовал о неизменной классовой солидарности трудящихся Германии и Чехии. Все походы гуситов в Германию и особенно поход 1429—1430 годов неизменно кончались тем, что их армия обростала большим количеством немцев-крестьян, мужественно сражавшихся в дальнейшем против отечественных феодалов бок о бок с таборитами — своими чешскими братьями по классу. О влиянии гуситского движения на развитие революционной борьбы в Германии свидетельствуют события 1431 года. В таком крупном городе, как Магдебург, плебеи изгнали архиепископа, захватили власть в городе и обратились к таборитам с просьбой прислать своего начальника, который должен был организовать их для

вооружённого отпора феодалам. В Пассау (Австрия) подобным же образом был изгнан епископ.

Неизменным сочувствием и вниманием пользовались в германских землях проповеди таборитских священников и распространявшиеся ими манифесты, которые призывали к активным выступлениям против феодальной эксплуатации и католической церкви. Не только в Германии, но и дальше на Западе было заметно революционное влияние чешской крестьянской войны. В Турнэ, во Фландрском графстве, ещё в 1423 году был сожжён один из жителей этого города — Жиль Мерсо, который распространял воззвания гуситов и вёл проповедь среди бедноты. В 1430 году в том же Турнэ снова сожгли двух крестьян-проповедников, призывавших последовать примеру чехов. В юго-восточной Франции в Дофинэ собирали добровольный сбор в пользу гуситов, причём собранные средства достигли Чехии. В соседнем графстве Форэ восставшие против феодалов крестьяне выдвинули программу, во многом сходную с требованиями чешских таборитов. Участники выступлений на территории графства Форэ и Маконского бальяжа призывали уничтожить сложную католическую иерархию и провозглашали, что все люди, не исключая знатных, обязаны жить своим трудом. Сбор средств в пользу гуситов был организован и в Нормандии.

Под влиянием таких же фактов на церковном соборе в Бурже французское духовенство в 1432 году вынуждено было признать, что гуситство находит почву для распространения во всех странах, так как требует облегчения материального положения крестьян, выступает против феодальных поборов и церковной иерархии. Французские церковники прямо указывали, что во Франции и в Италии многие народные восстания были непосредственно связаны с распространением гуситских взглядов и лозунгов.

Манифесты таборитов, содержавшие призывы к расправе с ненавистным католическим духовенством и к захвату награбленного папами имущества, распространялись в самых удалённых от Чехии уголках Европы. Один из испанских монахов — Хуан из Сеговии отмечал, что в Испании появилась «богемская чума», причём «ересь» эта особенно опасна, ввиду того что «еретические» писа-

ния обращены не только к зажиточным и образованным людям, но и к бедноте.

Упомянутые Хуаном манифесты относятся уже ко времени, когда во главе таборитов стоял Прокоп. Но ещё с первых лет гуситских войн народ, восставший против католической иерархии и угнетения, старался ознакомить все соседние и даже отдалённые страны со своим учением, со своими идеалами. Гуситы хотели прежде всего рассеять густой туман злобной лжи и ядовитой клеветы, которым со времени Констанцкого собора католическая церковь старалась отделить чехов от других народов. Они стремились донести до всех угнетённых живое слово правды о своих требованиях, а в дальнейшем и о своей борьбе. Манифесты гуситов были средством действенной революционной агитации, остриё которой было направлено в первую очередь против католической церкви — главной идеологической опоры средневекового феодального строя.

Манифесты были написаны живо и доступно для понимания масс. Чтобы облегчить их распространение, табориты составляли свои обращения на различных языках, в зависимости от того, куда они их направляли. У чашников же многие манифесты были составлены по-латыни и предназначались для образованной публики — для университетских магистров, дворян, верхушки городского населения.

Особенно усилился выпуск манифестов после разгрома четвёртого крестового похода, когда табориты под руководством Прокопа Великого совершали свои блестящие походы в соседние страны. По всей вероятности, автором многих манифестов этой поры был сам Прокоп, подпись которого стоит под некоторыми из них вместе с подписями других таборитских священников. Основным содержанием таборитских манифестов являлось изложение гуситской программы и обличение католической иерархии. В одном из них, например, выражалось удивление: почему шляхтичи, бюргеры, да и все люди, бедные и богатые, в Священной Римской Империи и в других землях разрешают католическим прелатам нападать на чехов? Если папы и епископы хотят доказать свою правоту, пусть возьмут священные книги и опровергнут гуситов «духовным оружием». Но на самом деле они боятся вступить в спор и не могут опровергнуть гуситское учение, а все их

выступления содержат одну лишь брань и упрёки. Если, писали авторы таборитского манифеста, прелаты и попы закоснели в своей гордыне и боятся выступить открыто, то следует ли вообще считать их христианами? Отказ же их вступить в честный спор доказывает только, что они сами не верят в силу своих доводов и боятся быть опозоренными перед всем миром. Далее составители манифеста излагали свои взгляды по церковно-догматическим вопросам. Особенно интересно то, что эти взгляды содержали и обосновывали мысль о целесообразности существования бедной церкви. Табориты разоблачали продажность и корыстолюбие духовенства и делали вывод, что вся католическая иерархия от папы до последнего сельского плебана проклята богом за свою страсть к наживе. Для излечения церкви табориты предлагали очень простое средство. «Если забрать у дерущихся собак кость, они перестанут грызться», — говорили они. Поэтому все верующие совершили бы акт христианского милосердия по отношению к своим заблудшим пастырям, если бы отняли у церкви её богатые имения. В таком случае можно надеяться на исправление хотя бы некоторой части католического духовенства. «Поэтому пробудитесь и возьмите у церкви то, что принадлежит вам по праву!» — кончали авторы манифеста свои призывы, обращённые ко всему христианскому миру.

Рассматривая таборитские манифесты конца 20-х — начала 30-х годов, нетрудно заметить, что в них не нашли чёткого выражения классовые требования крестьянства и городской бедноты. Антифеодалная направленность этих документов несомненна, но вся острота, вся сила и страстность обращены против католической церкви. Это, безусловно, обеспечивало гуситским манифестам широкое распространение во всей Европе, но наиболее горячие симпатии должны были они вызывать не среди угнетённого крестьянства, а среди бюргеров.

Однако живые распространители этих манифестов, ежеминутно рисковавшие попасть в тюрьму, на пытку и на костёр, вели, по всей вероятности, гораздо более радикальную проповедь среди своих слушателей. Сам факт распространения манифестов за пределами Чехии свидетельствует, что, несмотря на большие трудности, стоявшие на пути распространения их идей, табориты не щадили сил для привлечения союзников во всех странах тогдашней

Западной Европы. Удивление и восхищение вызывают подвиги тех часто остававшихся неизвестными героев из народа, которые сеяли слово правды среди эксплуатируемых и угнетённых масс феодальной Европы. Достоянием изумления и высокая организационная работа руководителей и идеологов чешской Великой Крестьянской войны XV века. В те времена в Европе не существовало ещё печатного станка, и кроме всех других трудностей распространение гуситских идей усложнялось целым рядом технических препятствий.

Усиление международного влияния чешских событий вызывало злобный страх и бешеную ярость врагов. Феодально-католическая реакция, собрав все свои силы для интервенции, решила ещё раз попытаться подавить свободлюбивый чешский народ. Под прикрытием переговоров, начатых в Хебе, император Сигизмунд стал собирать новую армию для вторжения в Чехию. В этом ему оказывал деятельную помощь папский легат кардинал Джулиано Чезарини.

Ещё в начале 1431 года на имперском сейме в Нюрнберге было определено, какое количество воинов должны выставить феодалы германской империи. В мае — июне отряды феодально-католической реакции стали постепенно стягиваться к назначенным пунктам сбора у границ Чехии.

Вдохновителем захватнического похода был, как всегда, папа. Папский легат Чезарини, благословляя одной рукой крестоносные банды, другой готовился принять от Сигизмунда добрый кусок Чехии, который он выклянчивал за свои «заслуги» в деле истребления «еретиков».

О надвигающейся опасности знали и в Чехии. Угроза нападения крестоносцев снова объединила всех гуситов. Ещё в мае Прокоп Великий начал деятельно готовиться к тому, чтобы дать агрессорам достойный отпор. Под его командованием находились полевые войска таборитов и «сирот», отряды пражан и шляхтичей-чашников, а также польские войска Сигизмунда Корибутовича.

Приведя армию в боевую готовность, вождь таборитов обратился к Сигизмунду с мирными предложениями. Последний, однако, надеясь на скорое уничтожение ненавистных гуситов, отказался вести переговоры.

Понимая, какую большую опасность представляют в момент войны внутренние враги, Проккоп Великий предупредил переход крупных западно-чешских феодалов на сторону Сигизмунда, последовательно разгромив наиболее агрессивно и враждебно настроенных панов. После этого таборитский полководец распустил по домам часть своей крестьянской армии, так как приближалось время уборки урожая, и, сохранив лишь ядро своих сил, несколько отступил от границ. Это отступление усилило воинственное настроение крестоносцев, пыл которых уже успел несколько поостынуть ввиду того, что многие немецкие князья воздержались от присылки пришедшихся на их долю отрядов.

1 августа 1431 года огромная (по некоторым данным, чуть ли не стотысячная) армия крестоносцев перешла чешскую границу и устремилась к Тахову. Одновременно Альбрехт Австрийский вторгся в Моравию, а с севера чешскую границу перешли войска силезских князей, осадивших Немчу и двинувшихся по направлению к Жатцу. Крестоносные армии сеяли смерть и разрушение на своём пути. Снова задымилась развалины чешских сёл и городов, снова по дорогам потянулись толпы женщин, детей и стариков, стремившихся найти спасение, убежище и надёжную защиту у гуситских воинов.

Ещё до перехода войсками крестоносцев границы Чехии папский легат обратился к населению Чехии с длинным и лицемерным посланием. Елейно вздыхая о «заблудших чадах церкви», он обещал раскаявшимся полное прощение грехов и в то же время выражал надежду, что среди них найдутся приверженцы католической церкви и папы. В ответ на это последовал знаменитый манифест гуситов от 21 июля, в котором они протестовали, что их, подобно Гусу, осудили, не выслушав. Гуситы красочно обрисовали испорченность католического духовенства и подтвердили своё желание справедливого мира лишь при одном условии: гуситам должно быть дано право защищать свои взгляды на основании библии. Затем, после изложения четырёх пражских статей и предложения обсудить спорные вопросы религии на соборе, гуситы обращались к рядовым воинам врага. «Зачем,— говорилось в манифесте,— нужна вам война? Разве для защиты имущества корыстолюбивой и развратной церкви, которая нарушает заповедь евангельской бедности, стоит проливать

Прокоп Великий

кровь?» Манифест предупреждал, что начавшие несправедливую войну получат достойный отпор и ответом на насилие будет насилие.

В первых числах августа главные силы крестоносцев двинулись от Тахова к Домажлице и осадили город. Учитывая угрозу, возникшую в этом районе, Прокоп, находившийся 12 августа около Бероуна, 14 августа был уже вблизи Домажлице, пройдя со значительными военными силами за двое суток почти 100 километров. Такая скорость передвижения военных отрядов является беспримерной для того времени и показывает, как высоки были дисциплина, выучка и моральные качества «божьих воинов», горевших энтузиазмом и желанием изгнать

с родной чешской земли ненавистного и коварного врага.

Крестоносцы стояли на возвышенности. По численности они в несколько раз превышали чехов. Но кардинал Чезарини не слишком полагался на храбрость своего войска. Незадолго до решительного столкновения он писал, что сомневается не только в том, будет ли одержана победа, но даже и в том, вступят ли крестоносцы в бой. Действительно, едва только рыцари слышали грохот гуситских возов и грозный боевой гимн приближавшихся таборитов, они обратились в неудержимое, беспорядочное бегство, не попытавшись использовать ни выгоду своего положения, ни свой численный перевес.

Кардинал Чезарини, первоначально пытавшийся вселить бодрость в своих воинов, вскоре сам обратился в бегство, притом настолько поспешно, что в руки таборитов попало несколько его личных вещей, золотой кардинальский посох и даже оригинал папской буллы о крестовом походе против «еретиков».

Табориты и на этот раз получили огромное количество трофеев. Было взято свыше 2 тысяч возов, 300 пушек, много знамён и оружия, палаток, денег, золотой и серебряной посуды, одежды, провианта и т. п. Немало крестоносцев попало в плен. Опасность, нависшая над Чехией, снова была ликвидирована героическими усилиями восставшего народа. Пятый крестовый поход европейских феодалов окончился таким же бесславным провалом, как и предыдущий.

Непосредственно от Домажлице Прокоп Великий двинул свои армии на север, на выручку осаждённой Немчи. Силезские князья не дождались его и поспешили отойти. Отсюда Прокоп быстро прошёл на юг, соединился с войсками «сирот», которыми командовал Прокупек, и обрушился на Альбрехта. Последний в это время свирепо расправлялся с моравскими гуситами, убивая без разбора всех попадавшихся на его пути и сжигая сёла и местечки. Узнав о подходе таборитов, Альбрехт поспешил назад. Табориты и «сироты» изгнали его из моравских земель и преследовали до самого Дуная.

Поражение при Домажлице ещё более накалило атмосферу в соседних с Чехией странах. Именно в этот период, в 1431—1432 годах, произошло крупное восстание крестьян в юго-западной Германии (в районе Вормса и

Шпейера). Восстание в Рейнской области было направлено не только против католического духовенства, но и против городской верхушки. Восставшие перевозили из села в село своё знамя, и везде к ним присоединялись новые отряды. В ряды крестьян влились и некоторые разорившиеся бюргеры. Движение грозило перекинуться на соседние земли. Всюду было много недовольных среди крестьян и городских низов, а победы гуситов показали им силу сплочённых народных масс. Князья юго-западной Германии почувствовали, что им угрожает серьёзная опасность. Войска пфальцского курфюрста и других соседних князей подавили восстание вормских крестьян и варварски расправились с захваченными. Но и после этого во всей Германии было неспокойно. Сами феодалы понимали, что почва ускользает у них из-под ног и что следует опасаться всеобщего народного восстания.

Напуганные восстаниями в собственном тылу, получив под Домажлице ещё один наглядный и убедительный урок, многие руководители феодально-католической реакции пришли к заключению, что с чешскими «еретиками» надо так или иначе договориться, ибо все попытки военной интервенции неизменно кончаются позорным провалом. Обескураженные длинной цепью серьёзных поражений, в том числе и понесённых на своей территории, и напуганные ростом активности народных масс в Германии, даже самые твердолобые и упорные немецкие феодалы стали склоняться к мысли о необходимости приступить к переговорам с гуситами. При этом наиболее хитрые и дальновидные из них рассчитывали на раскол среди гуситов. Они надеялись на поддержку со стороны панов и богатого бюргерства внутри Чехии. В случае если переговоры оказались бы безрезультатными, они всё же дали бы необходимую передышку для новых военных приготовлений. Драпируясь, таким образом, в одежду миротворцев, враги чешского народа готовились нанести ему предательский удар.

Форма намечавшихся переговоров с гуситами определялась сама собой. Следовало только допустить чешских представителей участвовать в совещаниях открывшегося в 1431 году церковного собора в Базеле.

Открытию Базельского собора предшествовала долгая и сложная борьба. Констанцкий собор, пытавшийся залечить наиболее смрадные язвы католической церкви,

прекратил раскол, но не мог преодолеть её общее разложение. Избранный на соборе папа Мартин V, изыскивая всё новые и новые источники доходов, не брезговал и старыми. Все должности попрежнему продавались, денежные поборы увеличивались, а разврат и жадность духовенства были неискоренимы. На Констанцском соборе верхушка католической иерархии вынудила папу дать обязательство регулярно созывать соборы. Папа понимал, что регулярный созыв церковных соборов основательно ограничил бы его власть и доходы. Поэтому он стремился править самовластно и всячески откладывал созыв очередного собора. В 1430 году, однако, папе Мартину V пришлось подчиниться. Дело в том, что даже среди кардиналов всё громче стали раздаваться голоса о необходимости основательной чистки авгиевых конюшен католической церкви, а германские князья открыто призывали созвать собор, который должен был так или иначе прекратить страшную гуситскую «ересь». Когда в самом Риме стали распространяться прокламации с требованием ссбора и выяснилось, что император и короли европейских государств также стоят за созыв собора, Мартин V вынужден был издать соответствующую буллу и поручил кардиналу Чезарини председательствовать на соборе. Но вскоре папа умер, а его преемник Евгений IV опять начал затягивать открытие собора. Поражение крестоносцев под Домажлице показало, что дальше медлить нельзя. В декабре 1431 года состоялось первое заседание собора, хотя он считался официально открытым ещё в июле.

Задача Базельского собора была сформулирована следующим образом: 1) прекращение «ересей», 2) исправление и преобразование церкви, 3) установление всеобщего мира. Все эти пункты были связаны с гуситством. Именно гуситы были теми «еретиками», которых собор должен был обратить в лоно церкви. С другой стороны, пункт об исправлении церкви означал, что критика гуситами католической церковной организации и разложения духовенства в той или иной форме будет принята во внимание собором. Наконец, когда речь шла о мире, каждому было ясно, что имеется в виду прежде всего прекращение войны с восставшей Чехией. Собор не скрывал, что чешские дела стоят в центре всей его деятельности; но пока ещё можно было надеяться на успех крестоносцев, «благочестивые отцы» выжидали, не зная, в какой форме придётся вести

переговоры с «еретиками». Позорный крах интервентов, которых возглавлял сам председатель собора — папа, заставил прелатов забыть о непримиримости и надеть личину евангельской «кротости и любви». Эти «христианские чувства» ещё более овладели сердцами «пастырей стада Христова», когда выяснилось, что новая попытка Сигизмунда собрать средства и войска для войны против Чехии обречена на провал. На призыв императора явиться во Франкфурт на сейм для обсуждения вопроса о новом крестовом походе не откликнулся ни один германский князь, и в назначенный день налицо оказались лишь уполномоченные самого Сигизмунда. Вполне понятно поэтому, что в соборном послании, направленном в Чехию в октябре 1431 года, вместо обычных угроз и проклятий по адресу непокорных, осмелившихся отступить от «истин» католической веры и обличить перед всеми разложение и стяжательство церковников, звучат елейные ноты притворного смирения и миролюбия, а также содержится предложение прислать депутатов для участия в работе собора.

Обращение собора встретило в Чехии различный приём среди чашников и таборитов. Противоречия между ними, несколько смягчившиеся во время крестового похода, разгорелись затем с ещё большей силой. Бюргерство и рыцарство стало уже очень ненадёжным союзником народа в борьбе против внешних врагов, и только победы таборитов и страх перед восставшим народом удерживали теперь большую часть их от окончательного перехода в лагерь реакции.

Многолетние войны губительно сказывались на всей экономике Чехии. Главная тяжесть военного разорения ложилась на крестьян и тесно примыкавший к ним городской плебс, которые составляли основное ядро героических защитников родины. Широкие слои чешского народа видели выход из этого тяжёлого положения в заключении мира. В одной из песен, сложенной вскоре после славной Домажлицкой битвы, выражена надежда народа, что настанет время, когда из мечей будут выкованы плуги, а из копий — серпы и сосед не пойдёт на соседа войной, и каждый будет радоваться, живя в мире со всеми. Но крестьяне и городская беднота имели все основания не доверять медоточивым заверениям устроителей собора. Они не забыли, как другой собор подверг мучительной казни

двух лучших сынов народа. Поэтому вожди таборитов, угадывая коварные планы врага, считали, что никоим образом нельзя распускать полевые армии, так как только сильная Чехия может рассчитывать быть выслушанной на соборе как равная сторона.

В противовес этому чашники призывали к немедленному примирению с церковью и готовы были, как это показали дальнейшие события, немедленно разоружить и распустить армии восставшего народа.

Такая позиция была выбрана чашниками не случайно. Шляхта и бюргерство, обогатившись за счёт духовенства и немецкого патрициата, не хотели расстаться ни с какой частью своей добычи, не желали идти ни на какие жертвы и более всего боялись дальнейшего обострения классовой борьбы масс, хотя она, в сущности, и дала им возможность поживиться имуществом церкви и немецкого патрициата. Разбогатевшие бюргеры и политически укрепившиеся шляхтичи стремились к компромиссу с папой и императором, хотя компромисс этот представлял бы собой на деле не что иное, как прикрытую фиговыми листьями временных уступок капитуляцию перед силами феодально-католической реакции.

В то время как чашники готовы были принять любые условия переговоров с собором, Прокоп с армией таборитов и «сирот» вновь нанёс один за другим ряд ударов феодальной реакции. Пройдя Моравию, народная армия вступила в пределы словацких земель. Оставив здесь отряды «сирот», табориты повернули на юг, так как Альбрехт Австрийский, нарушив перемирие, снова напал на Чехию. Военные действия таборитов были успешны, но положение «сирот», оставшихся в Словакии, оказалось менее благоприятным. Здесь отразилось как значительное превосходство вражеских сил, так и неудачное руководство. После смерти Кудельника во главе «сирот» стоял рыцарь Чапек из Сана. «Сироты» потерпели поражение и вернулись в Чехию с большими потерями. Их начальники, пытаясь переложить ответственность на других, обвиняли в своей неудаче таборитов и, в частности, самого Прокопа Великого.

Этим недовольством «сирот» поспешили воспользоваться враги из католического лагеря, а также чашники, всё более с ними смыкавшиеся. Реакционные силы полагали, что настал долгожданный момент. К тому же Про-

коп заболел, и враги откровенно говорили, что дни народного вождя сочтены. На просьбу больного Прокопа направить к нему врача пражане ответили, что охотнее прислали бы палача.

Тем не менее полевые армии таборитов и их вождь были всё же достаточно страшны для предателей. Слишком свежи были в памяти народа воспоминания о недавних победах славных «божьих воинов». Сейм, специально созванный в Праге в январе 1432 года для решения вопроса о переговорах с Базельским собором, долгое время не принимал никакого решения, дожидаясь представителей таборитов, хотя «сироты» и выступали в согласии с чашниками.

В январе 1432 года «сироты» вновь примирились с таборитами. Планы чашников были расстроены. Участие таборитов в сейме сказалось на его решениях. Была составлена особая комиссия, в которую вошёл выздоровевший к тому времени Прокоп Великий. Эта комиссия должна была уточнить условия участия чехов в совещаниях Базельского собора.

Желая укрепить свои внешнеполитические позиции, табориты решили совершить ещё один поход в глубокий тыл врага. На этот раз путь армий, предводительствуемых Прокопом, лежал на север. В апреле войска таборитов прошли Силезию и вплотную приблизились к резиденции Фридриха Бранденбургского — Берлину. Были заняты Альтландсберг и Штраусберг, находившиеся у самого города. Затем табориты двинулись ещё дальше на север и подошли к Ангермюнде, а в середине мая вернулись с победой в Прагу.

Эти успехи послужили предостережением для устроителей собора. Вскоре чехи получили приглашение приехать на собор. Теперь оставалось уладить некоторые процедурные вопросы. Местом переговоров был избран Хеб. Но, зная коварство врагов, табориты согласились явиться туда, только получив заложников.

В мае 1432 года в Хеб съехались представители гуситов и католиков. Совещание в Хебе имело большое значение, так как здесь гуситы вырвали у католических верхов ряд серьёзных уступок.

Показательно, что на решения совещания оказали воздействие жители Хеба. Под их давлением представители собора, первоначально пытавшиеся затянуть обсуждение,

вынуждены были пойти на существенные уступки. Стойкую и последовательную позицию во время переговоров занимал Прокоп. Представляя в Хебе восставшую Чехию, он заставил всю феодальную Европу юридически признать гуситов. Условия соглашения предусматривали участие чехов в Базельском соборе, причём участники собора вынуждены были согласиться рассматривать их не как отпавших от церкви «еретиков», а как представителей, равных себе. Кроме того, чешские представители получили право выступать на соборе неограниченное количество раз, причём после надлежащей подготовки и без ограничения времени выступления.

Сразу же после возвращения из Хеба гуситы решили двинуться в Силезию, чтобы прекратить, наконец, постоянные нападения силезских князей и вроцлавского патрициата. Но, прежде чем отправиться в Силезию, они вступили в Моравию, чтобы освободить гарнизон укрепленного Градищенского монастыря, который был осаждён войсками австрийцев. Здесь Прокоп Великий узнал о том, что на обоз, доставлявший продовольствие и боеприпасы в осаждённую силезскими князьями Немчу, напали войска вроцлавских бюргеров. Уже через несколько дней чехи обрушились на не ожидавших нападения силезских феодалов. Затем военные действия были перенесены на территорию врага, и силезские князья и вроцлавский епископ поспешили заключить перемирие, уплатив чехам большой выкуп. Одновременно чехи подписали в Пабьяницах договор с польским королём Владиславом Ягайло, направленный против Немецкого ордена.

Большие успехи были достигнуты летом 1432 года и в Словакии, где отряд «сирот» под командой уроженца южной Чехии Блажко из Боротина занял одну из важных крепостей страны — Трнаву. Взятие города оказалось возможным лишь благодаря активной помощи городской бедноты. Крестьянское войско «сирот» помогло жителям соседних сёл вернуть их виноградники, захваченные трнавскими патрициями.

В Словакии гуситы создали себе важные опорные пункты в Тополчанах и Ликаве. Эти укрепления имели большое военное значение. Присутствие в юго-западной Словакии постоянных чешских гарнизонов было возможно лишь при условии поддержки их местным населением, которое видело в гуситах своих освободителей и братьев.

В районы, занятые гуситами, стекались беглецы из всех областей Словакии. Словацкие крестьяне выступали против феодалов, отказывались платить церковную десятину, бросали обработку господских земель, а иной раз и расправлялись с наиболее ненавистными феодалами, особенно из числа церковников. Среди городских жителей, бедноты и мелкого бюргерства также, несмотря ни на какие репрессии, росли симпатии к единокровным братьям-чехам, выступавшим против эксплуататоров и иноземного патрициата, в защиту угнетённых. В 1432 году в Братиславе была обнаружена тайная организация, целью которой было соединение с гуситами и передача им города. Сторонникам гуситов не удалось выполнить этот план, но в последующие годы (1433—1434) подобные попытки снова повторились. Только после Липан братиславский патрициат смог решительно расправиться со сторонниками гуситов, среди которых были и немцы.

Против католического духовенства выступали и некоторые словацкие земаны. Так, Штефан из Плаштёвниц собрал отряд из крестьян своих и соседних владений и вёл «малую войну» против крупных феодалов, нападая на земли духовенства и опустошая их.

В апреле 1433 года гуситы, пройдя через Польшу, снова вступили в Словакию. При движении по польской территории гуситы встречали горячее сочувствие и поддержку местных крестьян. Зато польские паны предупреждали венгерских феодалов и Сигизмунда о готовившемся ударе, они разрушали мосты, перекапывали дороги и всеми силами старались помешать продвижению гуситов. Тем не менее табориты со своими вождями Бедржихом из Стражниц и Яном Пардусом заняли Кежмарок, Кремницу и, пройдя по всей северной и западной Словакии, отправились на родину с богатыми трофеями, в то время как венгерские феодалы так и не осмелились встретиться с ними в открытом бою.

Походы таборитов в Словакию укрепляли дружественные связи чешского и словацкого народов, способствовали подъёму борьбы народных масс против эксплуататоров и подготовляли почву для дальнейшего распространения гусизма в Словакии.

Для подготовки переговоров гуситов с Базельским собором был собран сейм в Кутной Горе. На сейме был принят текст договора с Польшей, а также утверждены

условия перемирия с силезскими князьями и саксонским герцогом. Затем сейм приступил к выбору депутации в Базель. В состав посольства было избрано 3 рыцаря, 4 представителя от городских союзов и 8 от духовенства. В состав посольства входили Пётр Пэйн, Микулаш из Пельгржинова, Ян из Рокицан, а также пан Вилем Костка из Поступиц, главой посольства был Прокоп Великий. Ян из Рокицан — посланец богатых бюргеров Праги — призвал перед отправлением чешской делегации в Базель принять предложение собора о немедленном заключении мира со всеми соседями. Прокоп возражал против этого, напоминая о многих варварских преступлениях Альбрехта Австрийского против чехов. Он указывал, что заключение мира с ним нецелесообразно в данный момент, тем более что никак нельзя допустить, чтобы чехи, распустив полевые войска, остались без защиты перед лицом своих злейших врагов. В решении сейма было отмечено, что чехи уже неоднократно показали на деле своё стремление к установлению прочного мира, а теперь очередь за их противниками.

Пока чешская делегация готовилась к поездке в Базель, в Прагу прибыло посольство из Польши (октябрь 1432 года), имевшее своей целью уточнить конкретные условия выполнения соглашения в Пабьяницах. Переговоры вёл снова Прокоп Великий, который приветствовал прибытие польских послов как залог прочной дружбы Чехии и Польши.

В начале декабря 1432 года чешские представители выехали в Базель. Во время проезда их через Германию народ стекался отовсюду толпами. Немцы с любопытством смотрели на грозные возы таборитов, на первом из которых развевался стяг со словами Яна Гуса: «Правда победит». С особенным интересом смотрели — кто с сочувствием, кто с затаённой враждебностью — на Прокопа Великого, о котором уже тогда ходили легенды. Городские власти и князья не чинили чехам препятствий по пути, если не считать того в высшей степени характерного факта, что нюрнбергские патриции потребовали убрать с головного воза стяг с приведённой выше надписью.

При въезде в Базель чешское посольство было встречено огромными массами народа. С первых дней пребывания в Базеле члены посольства не ограничивались выступлениями перед «отцами» собора, они произносили

проповеди перед жителями города. При этом Прокоп и другие чешские проповедники совершали богослужение и выступали на немецком языке. Это нарушало все расчёты собора, который попытался было запретить чехам выступать перед народом. Гуситы отвергли это ограничение. Потребовалось специальное постановление базельских властей, угрожавшее смертной казнью всем немцам, слушающим «еретические» проповеди. Но изолировать послов всё же было невозможно. Вскоре в собор стали поступать жалобы католического духовенства, что даже простые конюхи из прислуги чехов проповедовали учение Гуса среди городской бедноты. Так представители восставшего чешского народа стремились использовать каждую возможность, чтобы довести до широких масс за пределами их родины слово правды о своём учении и о своей многолетней борьбе.

На соборе при рассмотрении гуситских взглядов каждая пражская статья обсуждалась отдельно. Микулаш из Пельгржинова в своём выступлении защищал гуситское учение о необходимости наказания смертных грехов. Пэйн выступил в защиту конфискации церковных земель и имущества крупных феодалов. Ольдржих из Знойма развивал мысль о недопустимости какого-либо стеснения свободы проповеди. Наконец, причащение под двумя видами отстаивал Ян из Рокицан. В развернувшихся прениях участвовали и другие члены посольства; всеобщее внимание и интерес привлекали выступления Прокопа.

В ходе работы собора гуситские представители не только проявили энтузиазм и веру в правоту своего дела, но и продемонстрировали перед всем миром глубину своих знаний и эрудицию. Многие из них специально добивались и получили право пользоваться местными библиотеками. Дискуссия с гуситами продолжалась с января по апрель 1433 года.

На соборе в полной мере выявились наряду со строгостью и непримиримостью таборитских проповедников и Прокопа колебания и соглашательство вождей чашников. Наиболее ярким представителем этой внешне компромиссной, а в сущности предательской группы был Ян из Рокицан.

Затянувшиеся переговоры не привели к определённым результатам. Собор ставил основным условием соглашения признание непогрешимости католической церкви,

требовал покорности и раскаяния, не допускал ссылок на библию, приводимых гуситами в защиту своих взглядов, не разрешал никаких отступлений от католических догматов. В конце концов собор решил отправить в Чехию своих уполномоченных для переговоров на месте. Таким образом, в апреле 1433 года стало ясно, что собор фактически не хочет примирения, а ждёт односторонней капитуляции со стороны чехов и рассчитывает при этом на врагов народа внутри самой Чехии. В такой обстановке дальнейшее пребывание посольства в Базеле становилось бесцельным.

Если чешскую делегацию при въезде в Базель встречало множество народа, то ещё большие толпы провожали её при отъезде (в середине апреля 1433 года). С бессильной яростью смотрели на это отцы собора, вынужденные скрывать под личиной притворного доброжелательства свои истинные чувства. Не добившись победы ни в открытых боях, ни в дипломатических переговорах, феодально-католическая реакция возлагала теперь все надежды на предателей и изменников среди самих гуситов.

Чешские послы прибыли в Прагу 8 мая. Вскоре после них приехали уполномоченные собора во главе с епископами Филибером Кутанским и Петром Аугсбургским. Кроме них было послано несколько крупных католических теологов, среди них испанский богослов Иоанн Паломар. Паны-чашники и богатая верхушка бюргеров Праги встречали послов собора очень доброжелательно. Начались взаимные визиты, которые послы собора сразу же старались использовать для агитации за подчинение католической церкви, против таборитов и их вождей. С первых же дней делегаты собора начали плести чёрную паутину интриг, стремясь выявить и использовать своих тайных сторонников среди чехов. Паломар завязал явные и тайные сношения с идеологами чашников — пражскими магистрами, с предателями из «сирот» и таборитов, а также с охвостом недобитого католического лагеря, которое, чувствуя благоприятную обстановку, снова стало поднимать голову.

В это трудное время всё громче звучал голос лучших сынов чешского народа, предупреждавший об опасности, надвигавшейся на страну. В Новом Пражском городе большим успехом пользовались проповеди друга пламенного трибуна пражского плебса Яна Желивского, Якуба

Влка, который разоблачал подрывную деятельность послов собора. Влк указывал, что цель собора — не заключение мира, а увеличение вражды, самих же представителей собора называл «сеятелями яда». Опасность понимали и вожди таборитов, в том числе Прокоп Великий. Но они не могли найти выхода из создавшегося положения, да и объективная действительность не давала такого выхода.

В июне 1433 года в Праге собрался сейм. Феодално-католическая реакция, лицемерно призывая к миру, стремилась разоружить восставший народ, чтобы быстрее справиться с ним. Вожди таборитов здесь, как в Базеле и ещё раньше, во время переговоров с Сигизмундом в Братиславе, разгадали и разоблачили коварный приём врага. Отвергая капитулянтские предложения Паломара, феодалов-католиков, Прокоп выступил с речью, в которой выразил отношение народа к миру и войне. Прокоп Великий сказал, что, поднимая оружие в борьбе за свободу, чешский народ боролся за мир для всех людей. Выступление Прокопа было проникнуто глубокой верой в справедливость народной борьбы.

Стремясь обострить противоречия в рядах гуситов, послы Базельского собора потребовали точного изложения четырёх пражских статей. Магистры Пражского университета, выражая точку зрения чашников, дали такую формулировку пражских статей, которая уничтожала всю их антифеодалную направленность. Из всех статей чашники оставили фактически только одну, наиболее аморфную и безобидную в социальном отношении — статью о причащении под обоими видами. Остальные статьи были дополнены таким количеством оговорок, что их первоначальный смысл был совершенно затушеван.

Табориты и «сироты» с негодованием отказались признать, что изуродованные магистрами статьи выражают ту программу, которую они в течение стольких лет с оружием в руках отстаивали от многочисленных врагов на полях сражений. Для того чтобы достичь соглашения, была составлена комиссия из восьми человек, где большинство составляли табориты и «сироты». В комиссию входили Прокоп, Пётр Пэйн, Микулаш из Пельгржинова, священник Амброж, а также Рокицана. Но предательство последнего сорвало деятельность комиссии. В доме Рокицаны послы собора тайно встретились с панами-подобоями и стали указывать им на то, что чешское дворянство

находится в очень незавидном положении, так как вынуждено повиноваться людям, недостойным быть даже его слугами. Единственный выход для благородных, утверждали хитрые попы,— это снова покориться святой католической церкви и собору, тем более что три статьи, по поводу которых идут споры среди самих гуситов, несущественны в сравнении с четвёртой, о принятии которой они уполномочены заявить от имени собора. До тех пор пока в стране был король, продолжали послы, в ней был порядок и власть была в руках панов. Теперь же всё изменилось. Задача панов и всей шляхты должна состоять в том, чтобы восстановить королевскую власть и укрепить старые порядки.

Такие рассуждения были по душе панам-чашникам. Послы собора задели их самую чувствительную струну и в то же время умело дали почувствовать, что собор не смешивает тех, в ком он видит своих собратьев по классу, «с толпами буйной и мятежной черни». Этот коварный дипломатический ход принёс свои результаты. От имени всех панов-подобоев пан Менгарт из Градца поблагодарил уполномоченных собора и сказал, что их слова будут приняты во внимание.

На ближайшем заседании сейма, которое состоялось 25 июня, паны-подобое и богатые бюргеры, составлявшие большинство на сейме, перешли к действиям. Они, не обращая внимания на возражения таборитов и «сирот», объявили, что если собор признает причащение под двумя видами, то об остальном можно будет договориться.

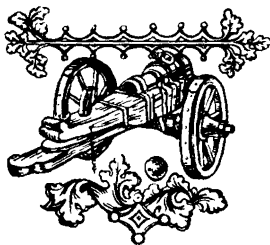
Теперь, когда измена чашников уже полностью выявилась, отцы собора решили выиграть время, чтобы дать возможность своим сторонникам в Чехии вооружиться и подготовиться к неизбежному столкновению с таборитами и «сиротами». Главной их надеждой был союз панов юго-западной Чехии — Пльзеньский ландфрид. Летом 1433 года паны, входящие в ландфрид, открыто начали укреплять Пльзень, свозили туда припасы, порох и оружие. Желая дать своим сторонникам время убрать урожай, послы собора стали затягивать обсуждение пражских статей.

Пока сейм вёл открытое обсуждение спорных вопросов, чашники продолжали за спиной таборитов совещания с уполномоченными собора. Дом Рокицаны был в эти дни штабом всех чёрных сил, стремившихся снова свергнуть восставший чешский народ в ярмо к церковникам. Паны-

предатели до того обнаглели, что осмелились открыто оскорбить светлую память Гуса, священную для всех патриотов и борцов за свободу. Некоторые из них стали говорить на сейме, что, называя чехов гуситами, собор наносит им оскорбление. Прокоп Великий заклеил изменников, сказав, что, напротив, такое название представляет собой великую честь для всех верных сынов родины. Красноречие прославленного вождя таборитов не могло, однако, помочь делу, остановить чашников, с каждым днём уходивших всё дальше от народа и всё глубже погружавшихся в болото предательства. 3 июля послы собора в последний раз выступали на сейме. Через неделю они выехали назад в Базель. Вместе с ними ехали чешские послы, которые имели широкие полномочия для переговоров с собором. Эти посланцы реакции, навсегда покрывшие позором свои имена, были посланы чашниками из числа учёных прислужников реакции, без участия таборитов и «сирот». Посольство возглавлял магистр Прокоп из Пльзня.

Таким образом, летом 1433 года паны-чашники, примыкавшие к ним земаны и разбогатевшая верхушка бюргерства окончательно предали интересы народа. Вместе с тем бюргерство и шляхта изменили и знамени народно-освободительной борьбы. Однако они не могли чувствовать себя спокойно, пока в стране оставались народные армии таборитов и «сирот», пока были живы их опытные и славные вожди. Поэтому предатели должны были ещё стать и палачами.

Так история многолетней борьбы чешского народа против социального и национального гнёта вступила в свою последнюю, трагическую фазу.

ЛИПАНЫ И КОНЕЦ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

(1433—1437 годы)

1419 года в Чехии не прекращалась гражданская война. Одновременно страна вела упорную борьбу с иноземными захватчиками. В военные действия было втянуто подавляющее большинство населения. В страну неоднократно вторгались крестоносные полчища. Они убивали и уводили в плен крестьян и ремесленников, опустошали и грабили страну: захватывали и вывозили ценности, разрушали и жгли чешские сёла и города.

Многолетние войны разрушали производительные силы страны. Чешский народ был отвлечён от мирной трудовой деятельности. Гибли урожаи, уменьшалась площадь обрабатываемой земли, ухудшалась обработка почвы, уничтожались орудия и скот. В городах разрушение производительных сил не принимало таких размеров, но и города переживали серьёзные хозяйственные затруднения, а иные приходили в полный упадок. Это не исключало, конечно, местного и относительного подъёма отдельных городских центров, например Праги, Табора и некоторых других

городов, ремесленное производство которых было непосредственно связано с удовлетворением военных нужд страны.

В период гуситских войн была нарушена регулярная торговля, как внутренняя, так и внешняя. Наметившиеся к началу XV века связи между отдельными областями и центрами ослабевали, ещё не успев окрепнуть. Уменьшался товарооборот между городами и сёлами. Экономическая блокада Чехии, установленная в 20-х и 30-х годах, тяжело отражалась на общем хозяйственном положении страны, лежавшей на скрещении важнейших торговых путей Европы. Резко возросли цены на все предметы первой необходимости — хлеб, мясо, одежду и т. п. В связи с этим наблюдалось значительное падение стоимости денег, а также резкое ухудшение качества серебряной монеты. Чеканка пражских грошей приостановилась. Выпускалась главным образом мелкая монета. Обесценение денег сильно ущемляло жизненные интересы городского и сельского люда.

В годы гуситских войн имело место и сознательное вредительство со стороны представителей господствующего класса. Феодалы нередко уничтожали свои запасы и скот, не желая, чтобы они попали в руки восставших крестьян, а городские патриции, намеренно вздувая цены, расстраивали торговлю.

В начале 30-х годов после целого ряда неурожайных лет положение населения особенно ухудшилось. Особенно тяжёлым был 1432 год, когда после небывалых морозов наступил период невиданных дождей, за которыми последовала не обычная для этих мест жара. Рушились последние надежды на урожай. Обычные последствия неурожая — голод, эпидемии, падёж скота ухудшали положение народных масс.

В ходе долголетних войн произошли значительные изменения в положении отдельных классов и слоёв чешского общества. Засилье католической церкви было сокрушено по всей стране, но церковные богатства перешли к светским феодалам, панам и отчасти земанам, а также бюргерам. При этом не только сторонники чаши, но и правоверные католики поспешили, используя подъём революционной борьбы народа, захватить владения соседних монастырей и церквей. Паны, оказавшиеся в начале движения в антикатолическом лагере, успев прибрать к

рукам огромные имущества католической церкви, уже с момента первых вооружённых выступлений народных масс стали раскаиваться в своих «еретических» заблуждениях. В дальнейшем они стремились лишь сохранить сделанные приобретения ценой измены и предательства.

Страх перед восставшими крестьянами и успехи армий Табора всё же заставляли панов не торопиться с окончательным разрывом с лагерем национально-освободительной борьбы и делали их поведение крайне неустойчивым. Типично в этом отношении поведение Вартенберка. В 1415 году он приложил свою печать под протестом против казни Гуса, а уже в 1419 году, захватив немало монастырских земель, стал орудием реакции и палачом народа. Лишь в моменты, когда ему непосредственно угрожало справедливое возмездие народа, он прибегал к маскировке и, лавируя, называл себя сторонником чаши. И другие паны-чашники проделали, быть может не столь ясно и быстро, тот же самый путь. К началу 30-х годов большинство панов, первоначально объявивших себя чашниками, уже объединилось в одном лагере со своими католическими собратьями. Эти последние, захватив под шумок огромные земли церкви, в защиту которой они лицемерно подняли оружие, с самого начала не скрывали своей ненависти к народу и своего страха перед ним.

Исключением является поведение такого пана, как Богуслав Швамберк, который из душителя народного движения превратился в одного из лучших и вернейших полководцев восставших. Другое исключение представляет потомок обедневшего панского рода, славный таборитский гетман Ян Рогач, прошедший вместе с народом весь его славный боевой путь.

Поведение земанов и пановшей целиком определялось их положением в феодальном обществе. Будучи составной частью господствующего класса, мелкая шляхта, на которой отражались все противоречия тогдашнего общества, пошла по разным направлениям и не могла выступить в ходе революционных событий как единое целое. Значительная часть, быть может даже большинство, земанов и деклассированной шляхты стала тем резервом, откуда феодально-католическая реакция черпала свои военные кадры. Они превратились в наёмников, разорвавших с родным народом и продавших свой меч врагам отечества.

Другая часть мелкой шляхты оказалась в народно-освободительном лагере. В соответствии с классовым составом этого лагеря земаны находили здесь место главным образом на правом его фланге, среди чашников, в союзе с бюргерами. Лишь небольшая часть участвовавших в гуситском движении земанов пошла вместе с народом, под знаменем таборитов. Некоторые колебались между теми и другими. В ходе гуситских войн земаны приобрели, конечно, несравненно меньше имущества, чем паны, но всё же многие земаны очень обогатились, захватывая земли и имущество церкви, враждебных панов и немцев-патрициев. Победы народа приводили к увеличению политического веса и авторитета земанства в целом.

Примыкавшие к чашникам земаны рано стали тяготиться своим союзом с народом и явились одной из сил, толкавших всё движение вправо. Земаны-табориты, ряды которых всё время таяли в жестоких боях, либо окончательно теряли свои классовые признаки и сливались с народом, бок о бок с которым сражались, либо всё более проникались соглашательскими настроениями и в таком случае начинали тяготеть к чашникам или прямо переходили на их сторону. Неустойчивость многих мелких шляхтичей особенно ясно обозначилась в момент окончательного разрыва чашников с народом. Она позволила феодально-католической реакции дезорганизовать радикальный лагерь движения, запугивая одних и привлекая других обещаниями и прямым подкупом. Героическая борьба и гибель многих сотен земанов в рядах народных армий не должны заслонять в наших глазах постепенный, но неуклонный переход всей этой социальной группы на правые позиции.

Поведение чешского бюргерства в первой трети XV века напоминает судьбу земанства, несмотря на то, что первое шло к своему будущему, а идеалы второго с каждым годом становились достоянием прошлого.

На первых этапах Великой Крестьянской войны бюргеры значительно окрепли экономически и усилились политически. Освободившееся место изгнанного немецкого патрициата в городах, и прежде всего в Праге, заняло зажиточное чешское бюргерство, представители которого также не остались в стороне при разделе церковного достояния. Верхушка чешского бюргерства выступала жестоким и корыстолюбивым эксплуататором трудящихся

масс. Поэтому она готова была вместе с панами принять минимальные уступки католической церкви и обещания своего «законного» короля — Сигизмунда, лишь бы только те милостиво согласились пощадить её туго набитые кошельки.

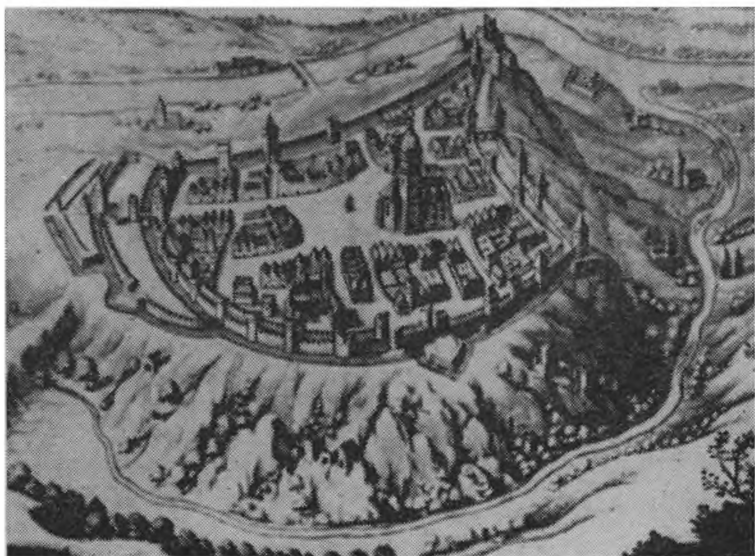
Изменения коснулись и широких слоёв рядового чешского бюргерства. В особенности показательны сдвиги в Таборе, самом молодом городе тогдашней Чехии, возникшем лишь в 1420 году. В Таборе, где первоначально вообще не признавали частной собственности, к середине 30-х годов XV века уже сложилась зажиточная прослойка бюргеров, владевших домами и ремесленными мастерскими в городе, а также землями в его окрестностях. Многие из зажиточных бюргеров владели целыми сёлами и мало чем отличались от феодалов. В Таборе появились наряду с хижинами бедноты богатые каменные дома, лавки и церкви. Изменился и быт верхов таборского населения.

Большинство бюргерства помышляло лишь о сохранении приобретённой собственности и тяготилось продолжением военных действий. Поэтому основная масса бюргерства тянулась за своей верхушкой и за своими идеологами — пражскими магистрами, которые теперь фактически сомкнулись с феодально-католическим лагерем.

Изменив народу, предав интересы народно-освободительной борьбы, чешское бюргерство тем самым обрекало себя в дальнейшем на экономическое и политическое прозябание и уже вскоре оказалось зависящим от произвола феодальных магнатов.

Главной и решающей движущей силой революционных событий в Чехии были крестьяне. Рядом с ними выступал городской плебс. Но в силу всей совокупности тогдашних экономических и социальных условий крестьянство в целом не могло свергнуть ярмо феодальной эксплуатации, не могло добиться решительного улучшения своего положения. Те крайне немногочисленные его представители, которым удавалось превратиться в собственников, уже в силу этого проникались собственнической идеологией и, присоединяясь к программе бюргерства, разделяли и его дальнейшую судьбу.

В ходе событий изменялось и положение крестьян. В годы войны продолжалась дифференциация крестьян-

Табор в 1712 году

ства, интересы зажиточной верхушки и сельской бедноты приходили всё в большее столкновение. Хотя чешское крестьянство в целом и оставалось главной революционной силой и самоотверженно сражалось до конца войны на стороне таборитов, но всё же крестьянское движение неуклонно шло на убыль. Расправа с идеологами бедноты сузила социальную базу движения и лишила крестьян руководителей, последовательно защищавших их классовые интересы. Крестьяне теряли даже те смутные перспективы, которые рисовали им хилиастические проповедники в начале войны. Классовая солидарность и воинская дисциплина удерживали крестьян в рядах таборитских армий. Но крестьяне не имели определённой положительной программы, а защита пражских статей становилась беспредметной, когда бюргеры постарались в угоду реакции выхолостить эти статьи, лишив их всей остроты социального содержания. Измена бюргерства вызвала в среде крестьян неизбежные колебания. Давала себя знать со временем и усталость, связанная с многолетней борьбой.

Наконец, и материальные трудности ведения войны тяжелей всего ложились на плечи крестьянства.

Ввиду этого крестьяне, сражавшиеся под знамёнами Табора в 1433—1434 годах, не были уже теми восторженными бойцами, которые подняли это знамя в 1419—1420 годах. Сложились боевые традиции, укрепилась дисциплина, но ослаб первоначальный энтузиазм, поблёкли, а во многих сердцах и вовсе развеялись надежды на возможность переустройства всей жизни общества на основах справедливости и братства.

Исключительно сложной была позиция плебса, что было связано с пестротой его состава и острыми внутренними противоречиями. Будучи сравнительно с крестьянами немногочисленной социальной прослойкой, плебс занимал, однако, видное место в рядах левого крыла гуситского революционного движения. Во все переломные моменты истории гуситских войн особенно велика была роль пражского плебса. Плебейские массы Чехии выдвинули из своей среды немало выдающихся руководителей и идеологов движения, не говоря уже о тысячах рядовых его участников. Среди плебса в своё время были широко распространены хилиастические учения.

В начале 30-х годов в положении всех частей и прослоек чешского плебса произошли заметные сдвиги. Немалое число разорённых в прошлом и перешедших в ряды плебса бюргеров сумело в ходе гуситских войн восстановить своё первоначальное положение, а иной раз и пробиться в ряды зажиточной бюргерской верхушки. Сравнительно многие из подмастерьев стали за эти годы самостоятельными мастерами и влились в ряды бюргеров.

Основная масса плебса — городская беднота пополняла наряду с крестьянами ряды полевых армий таборитов. Многие из неё были ещё вчера крестьянами и поэтому чувствовали свою кровную близость к делу крестьянской войны. Другие — безнадежно разорившиеся бюргеры или вечные подмастерья действовали бок о бок с ними, и все они вместе взятые составляли наиболее активную часть городского населения, боровшуюся за политические права плебса в целом. Они наложили свой отпечаток на все основные этапы социальной борьбы в чешском городе этого периода.

Что касается окончательно разложившихся люмпенских элементов, то многие из них оказались в рядах на-

ёмников пражского патрициата или даже императорских ландскнехтов¹.

Таким образом, меньшинство плебса успело перехватить кое-какие крохи и превратиться в бюргеров, а большая часть его разделила исключительно тяжёлое положение крестьянства, неуверенность и колебания, зародившиеся в его среде.

Трагедия широких народных масс чешского народа в этот период заключалась в том, что неиссякаемый родник творческих сил, который в них заключался, не мог найти должного применения. Народные массы шли к цели вслепую, ибо в чешской действительности не было класса, который мог бы возглавить их борьбу против социального и национального гнёта, за дальнейшее прогрессивное развитие.

Если победа народных масс была исторически невозможна, то это не означало ещё, что дело реакции было уже выиграно. Народные массы успели за годы войны укрепиться. Восставшие крестьяне создали сильную боевую организацию, выковали кадры отважных воинов и опытных руководителей. Таборитско-«сиротский» союз оставался летом 1433 года большой политической силой в стране. В него входило свыше 30 городов, в том числе такие крупные города, как Табор, Писек, Прахатице, Градец Кралёвый, Яромерж, Колин, Часлав, Чески Брод, Усти, Хомутов, Жатец, Бероун, Рокицани, Стршибро и другие. В Моравии его постоянные гарнизоны стояли в Моравском Крумлове, Тржебиче, Иванчице, Бржецлаве, Венгерском Броде и других. Чешские войска прочно занимали всю западную Словакию с городами Трнавой и Топольчанами и пользовались полной поддержкой и признанием местного населения. Наконец, Немча, Отмухов и некоторые другие пункты в Силезии являлись оплотом таборитов на севере.

Силы реакции, которые опирались на международную организацию католической церкви и возглавлялись импе-

¹ Ландскнехтами называли в Европе XV—XVII веков наёмников, служивших в армиях. Буйства, грабежи и насилия ландскнехтов вошли в пословицу. Ландскнехты часто переходили из одних армий в другие, прельщённые погоней за большей платой или возможностью более выгодного грабежа. Слово «ландскнехт» стало применяться для обозначения человека, лишённого твёрдых убеждений и патриотических чувств и готового служить за высокую плату кому угодно и в защиту любых целей.

ратором Сигизмундом, могли противопоставить армии таборитов прежде всего западночешский союз панов — Пльзеньский ландфрид и вооружённые отряды Рожмберков и других панов, чьи владения были разбросаны по всей стране и более всего на крайнем юге. К ним в конце войны примкнули пражские чашники, которым принадлежало несколько городов на севере и в центре страны.

Основную опасность для гуситского дела летом 1433 года представлял Пльзеньский ландфрид. Паны сумели использовать передышку, предоставленную им в результате интриг послов собора. Они успели убрать урожай и сосредоточить в укреплённом городе большие запасы продовольствия и фуража, а также обеспечили себя порохом и всем необходимым на случай длительной осады.

Таборитское командование, возглавляемое Прокопом Великим, решило уничтожить это гнездо реакции. В июле начались военные действия. Так как Пльзень был хорошо укреплён, а засевшие в нём паны-католики предупреждены об опасности, таборитам не удалось взять город сразу. Началась осада города. Готовившие уже чёрную измену, но всё ещё боявшиеся разорвать свои отношения с грозным Прокопом, пражские бюргеры прислали в сентябре подкрепление осаждавшим.

Под Пльзем стояла теперь одна из самых крупных армий, которые когда-либо были выдвинуты чехами в ходе гуситских войн. Но это уже не была народная армия прежних времён, сильная своим духом, железной дисциплиной и спаянностью. В рядах бойцов были изменники. Некоторые шляхтичи, стоявшие во главе войск, готовы были вступить на путь предательства, ожидая лишь наиболее благоприятных условий для измены. В армии было много шпионов и тайных агентов врага, распространявших панические слухи, вносивших дезорганизацию и стремившихся возбудить в массах рядовых воинов недоверие к лучшим руководителям.

Неудачная осада стала затягиваться. Это способствовало увеличению деморализации и разложения в рядах осаждавших. Кo всем бедствиям вскоре прибавился голод. Продовольствие и фураж, привезённые таборитами с собой, быстро израсходовались, а достать что-либо на месте было невозможно, так как весь урожай в окрестных сёлах забрали паны, засевшие в крепости. Для того чтобы наладить снабжение своих войск, табориты выделили отряд

во главе с Пардусом. Этот отряд направился в Баварию, но здесь потерпел поражение от местных феодалов (в конце сентября). Нужно сказать, что баварские герцоги смогли в этом случае использовать помощь своих крестьян. Дело в том, что дисциплина в отрядах таборитов теперь значительно упала и посланные на фуражировку не только нападали на феодалов, но отнимали продукты и скот у крестьян.

Пардус, вернувшийся лишь с остатками своего отряда и притом с пустыми руками, был обвинён возмущёнными воинами в измене. Его даже готовились казнить. Прокоп Великий спас его от расправы, но среди воинов, деморализованных долгой и трудной осадой, возбуждаемых всякого рода провокаторами, нашёлся человек — мясник Тварог, — который поднял руку на Прокопа. Раненый Прокоп был брошен в тюрьму, а Тварог был поставлен на его место. Правда, через несколько дней, когда страсти остыли, Прокоп был выпущен, но он, однако, отказался принять снова командование и уехал в Прагу.

Неудача под Пльзнем не могла быть возмещена последним крупным военным успехом таборитов и «сирот» в этот период. В октябре к войскам, сосредоточенным под Пльзнем, присоединился со своими отрядами Ян Чапек из Сана, вернувшийся из похода на берег Балтийского моря.

Ещё в конце мая 1433 года отряды таборитов и «сирот» двинулись на помощь Польше, ведущей упорную борьбу с Немецким орденом. Этот поход был прямым следствием договора в Пабяницах. Выполняя договор, Чапек уже в самом начале года побывал у Владислава Ягайло и заключил особое соглашение о снабжении гуситов продуктами питания, одеждой, обувью и оружием во время предстоявшего похода. В составе гуситского войска было 750 всадников, 7 тысяч пехотинцев и 350 боевых возов. Пройдя через Великую Польшу, где к ним присоединился отряд поляков во главе с Петром Шафранцем, гуситские войска вступили в начале июня в пределы Новой Марки. Здесь они заняли в короткий срок свыше десяти городов и местечек. Такие успехи таборитских отрядов были возможны лишь при сочувствии и поддержке местного населения. Действительно, по имеющимся сведениям, городской плебс открывал в ряде случаев ворота перед гуситами. При дальнейшем следовании к ним

присоединились отряды познанского гетмана Судивоя из Остророга и других польских феодалов. 6 июля союзные войска подошли к первому городу на захваченной орденской польской земле — Хойнице. Здесь к ним присоединились ещё некоторые польские отряды, но верховное командование оставалось в руках Чапека. Осаждая Хойницу, чехи и поляки испытывали недостаток в продовольствии. Тут мнения разошлись: поляки хотели довести до конца начатую по их инициативе осаду, а гуситы настаивали на продолжении похода. В августе осада была снята, и войска двинулись дальше. Взяв по пути Поплин и хорошо укрепленный Тчев, 1 сентября гуситы, наконец, подошли к Гданьску¹. Гданьск был сильно укреплен, и гуситы не рискнули осаждать один из крупнейших прибалтийских городов того времени. В тот же день они вышли на берег моря, а через четыре дня двинулись обратно.

Пока одна часть таборитов вместе со своими союзниками безуспешно осаждала Пльзень, а их боевые товарищи сражались в далёком балтийском Поморье совместно с польскими воинами, в Базеле продолжались интриги и переговоры. Борьба под Пльзнем всполошила «благочестивых отцов» церкви, но, когда они убедились, что народные армии не могут взять этот оплот католической реакции на своей собственной территории, собор приободрился и совещания возобновились в неблагоприятной для чехов обстановке. Впрочем, послы чашников заранее готовы были на уступки. Само их пребывание на соборе без представителей восставшего народа, таборитов и «сирот», было лучшим в том ручательством.

¹ Гданьск был вероломно захвачен орденом ещё в начале XIV века. Псы-рыцари превратили его в свою опорную базу на Висле, пытаясь отрезать польские земли от моря. Население города неоднократно поднималось на борьбу против захватчиков. Незадолго до этого, после славной Грюнвальдской битвы, где объединённые силы поляков, литовцев, русских и чехов нанесли сокрушительный удар ордену, в городе поднялось восстание. Хотя в начале немецкие патриции подавили движение низов, но народ всё же вынудил их передать город Польше. Вскоре патриции снова признали над собой власть ордена. В 1416 году в городе произошло новое восстание ремесленников и бедноты, поддержанное частично крестьянами соседних сёл. Хотя восставшие заняли ратушу и монетный двор, рыцари всё же сумели подавить восстание и жестоко расправились с его участниками. В 1433 году, незадолго до прихода гуситов, в окрестных владениях ордена произошло крупное восстание крестьян.

Учитывая обстановку, некоторые епископы стали восставать вообще против всяких послаблений «еретикам», но император, чувствуя свою военную слабость, дал понять, что необходимо довести переговоры до конца. После ряда заседаний уполномоченные чашников выторговали, наконец, у собора признание причащения под двумя видами. Остальные переговоры должны были вестись снова в Чехии. Вскоре новые послы собора отправились в Прагу, куда и прибыли в конце октября. Чашники оказали уполномоченным восторженный приём, на который те, помня о своём прошлом приезде в Прагу, не смели и рассчитывать. Достаточно сказать, что в знак уважения к собору чашники распорядились отпустить пленных, содержащихся в заключении.

Для окончательного завершения переговоров с собором чашники собрали очередной сейм, который обычно называется святомартинским¹. На сейме тон задавали паны Менгарт из Градца, Гануш и Бенеш из Коловрата и другие. Из таборитских руководителей упоминается Пржибик из Кленова. Об участии Прокопа Великого на сейме нет никаких сведений.

На сейме уполномоченные собора, главная роль среди которых принадлежала, как и во время предшествующих переговоров, Паломару, попытались вначале, используя несогласия среди гуситов, ограничиться признанием только той статьи, где речь шла о чаше, но в конце концов согласились совещаться обо всех четырёх статьях. 26 ноября они предложили сейму свою редакцию этих статей, которую обсуждали ещё несколько дней. Наконец, 30 ноября чашники подписали так называемые «пражские компактаты».

Пражские компактаты представляют собой значительно урезанные четыре статьи гуситов. Было постановлено, что чехи и моравы, подчиняясь во всём остальном католической церкви, получают право принимать причастие под двумя видами. Проповедь будет свободна, но священники должны назначаться епископами и подчиняться им. Преступление и смертные грехи нужно наказывать, но право карать предоставлялось не всем частным лицам, а специальным властям и притом так, чтобы лиц духовного звания судили и наказывали духовные, а

¹ Заседания сейма начались 16 ноября, в день, когда по католическому календарю празднуется день св. Мартина.

мирян — светские судьи. За духовенством признавалось право владеть имениями, управлять которыми должны были духовные же лица. Захват церковных владений объявлялся святотатством.

В такой редакции пражские статьи окончательно утрачивали свой первоначальный смысл. Все статьи, не исключая даже и той, которая разрешала причастие под двумя видами, были ограничены такими оговорками, которые по существу сводили на нет требования гуситов. Требование чаши, будучи отделено от всех остальных статей, превращалось в пустую обрядовую формальность, разрешённую чехам по особой милости собора, при условии полного подчинения католической церкви. Уже одна эта оговорка означала капитуляцию чашников и делала фактически излишними хитросплетения католических дипломатов в остальных пунктах соглашения. Компактаты настолько сужали требования самих чашников, что даже среди них начались на этой почве столкновения. Наиболее реакционные, главой которых был магистр Ян Пржибрам, стояли за полное признание компактатов. Рокицана, желая увеличить свою популярность среди населения Праги, попытался было возражать, но в скором времени помирился со своим противником и также признал компактаты.

Табориты и Прокоп Великий не признавали компактатов, но их голоса не были приняты во внимание торжествовавшей реакцией.

Окончив переговоры с собором, паны и бюргеры сделали решительный шаг к осуществлению расправы с восставшим народом. 1 декабря 1433 года сейм вручил всю полноту исполнительной власти в руки пана Алеша Бржештёвского из Ризенбурка. Полномочия Алеша были широки: ему (а в сущности не ему, а стоявшим за его спиной Менгарту из Градца и другим панам) давали полный простор в деле подавления народных масс и приведения их к покорности. Установлением власти Ризенбурка была создана организационная основа для ликвидации власти таборитских и «сиротских» гетманов и роспуска народных армий.

Антинародная сущность диктатуры панов не замедлила проявиться. Сейм послал к Пльзню специальную комиссию, члены которой предложили войскам «сирот» и таборитов разойтись по домам. Но воины полевых армий с негодованием отвергли это предложение.

В январе 1434 года делегация Базельского собора покинула Прагу. До своего отъезда Паломар успел развить активную подрывную деятельность. Он приложил все усилия, чтобы примирить чашнических теологов, вступивших было в спор друг с другом по поводу толкования компактов, а затем заключил тайные соглашения с панами из Градца и группой реакционных пражских магистров, которые превратились в наёмных агентов феодально-католической реакции. Вернувшись в Базель, Паломар недолго оставался там и вскоре по поручению собора снова двинулся в Чехию. По пути он ещё раз встретился с Менгартом из Градца и с таборитским гетманом Пржибиком и заключил также соглашения с баварскими герцогами и Альбрехтом Австрийским. Менгарту были вручены от имени собора значительные средства, собранные католической церковью в пользу пльзеньских панов.

Весной 1434 года реакция начала усиленно готовиться к открытому выступлению. Ольдржих из Рожмберка, долгое время выжидавший развития событий, выступил теперь на передний план. Он был назначен императором Сигизмундом королевским наместником в Чехии и Моравии и стал готовить войска. Менгарт из Градца с наступлением весны начал открытые военные действия против таборитов и «сирот», правда, пока ещё в незначительном масштабе.

В этот момент всё ещё тянувшаяся осада Пльзня была сорвана изменой Пржибика из Кленова. Этот таборитский военачальник, получив огромную по тем временам взятку, пропустил в осаждённый город большой обоз с продовольствием. После этого он устранился от участия в осаде и, опасаясь справедливого возмездия за свою измену, заперся в Стршибро, где заранее подготовил всё на случай осады.

В марте 1434 года силы реакции окончательно завершили свои военные приготовления. Моравские паны на сейме в Брно постановили признать Альбрехта Австрийского маркграфом Моравии и приняли драконовские законы против таборитов. Паны постановили, что территория Моравии должна быть очищена от всех таборитских гарнизонов и что каждый дворянин должен ловить и наказывать всех, кто не имеет своих господ на территории Моравии. В то же время чешские паны встретились в Хаме (в Баварии) с представителями собора, вручившими

им солидную сумму денег, собранную специально для помощи пльзеньским панам и для организации разгрома народных армий. На этот раз церковники, чуя близость победы, решили раскошелиться. Вскоре после окончания совещания в Хаме чешские паны заключили между собой военный союз. Очевидной целью этой меры был разгром таборитов и «сирот».

В такой обстановке Прокоп Великий, находившийся до этого времени в Праге, снова решился принять командование армиями таборитов и «сирот». Принятие этого решения было ускорено тем обстоятельством, что в начале мая панский союз потребовал от Нового Пражского города, чтобы он разорвал связи с таборитско-«сиротским» союзом и вошёл в Пражский союз. Получив отрицательный ответ от гуситов, паны в ночь с 5 на 6 мая 1434 года напали на Новый город и захватили его, несмотря на сопротивление бедноты, возглавленной Якубом Влком. Прокоп, Влк и ещё несколько их сторонников сумели спастись из захваченного врагом города и стали собирать войска.

Между тем девятимесячная осада Пльзня очень тяжело отразилась на состоянии армии таборитов. Голод и всякого рода заболевания уносили много жертв из лагеря осаждающих. Дисциплина упала. Голодные воины разбредались небольшими группами по соседним сёлам и занимались иной раз открытым грабежом. Этим пользовались паны, которые нападали на такие мелкие отряды и истребляли их.

После бегства из Праги Прокоп обратился к войскам с письмом. Он призывал своих соратников прекратить ставшую бесполезной осаду Пльзня, во время которой они рискуют погубить все свои силы, и идти на соединение с войсками, которые ему удастся собрать в Таборе. Встреча была назначена у Седльчан. В письме Прокоп Великий старался поднять упавший дух своих соратников и призывал их к борьбе за справедливое дело. Указывая, что при взятии Нового города панами было перебито много горожан, Прокоп писал в заключение, что лучше пасть в борьбе, чем оставить без отмщения невинную кровь погибших братьев.

Так народные армии стали в свою очередь готовиться к решительной схватке. Прокоп Великий проявил в Таборе исключительную оперативность и очень быстро со-

брал значительные силы. Это объясняется тем, что по призыву испытанного полководца всюду поднимались крестьяне и плебс. Но эти войска были уже не те полевые войска, с которыми он одерживал в прошлом свои славные победы. В отрядах Прокопа было много необученных, неопытных бойцов, были здесь и авантюристы, рассчитывавшие только на добычу.

Прокопу стало известно, что войска, осаждавшие Пльзень, сняли осаду города и двинулись на соединение с ним. Встретившись со своими соратниками у Седльчан, Прокоп двинулся дальше на север и у Праги присоединил к своим армиям войска «сирот», которые за это время собрали силы в восточной Чехии. Отсюда соединённые силы народных армий подошли к Праге, но не смогли взять столицы и отошли на восток, к Колину, рассчитывая собрать здесь дополнительные отряды.

В это время панский союз уже располагал значительными боевыми силами. В отличие от крестьянских армий таборитов они были составлены главным образом из наёмников. Паны двигались за отступавшими армиями таборитов и «сирот», выжидая удобного момента для нападения. С юга подходили войска Ольдржиха из Рожмберка, с запада — отряды пльзеньских панов и королевский гарнизон крепости Карлштейн. Паны были очень осторожны. Память о славных победах полевых войск заставляла их держаться на почтительном расстоянии, и, только уверившись в своём большом численном перевесе, войска панов осмелились приблизиться к таборитам и «сиротам».

В армии панов, которую формально возглавлял Алеш из Ризенбурка, находились Менгарт из Градца, Йиндржих из Вартенберка (сын известного Ченека), Йиржи из Подебрад (будущий король Чехии), Вилем Костка из Поступиц, Дивиш Боржек из Милетина, а также изменник Пржибик из Кленова и многие другие.

Отряды таборитов и «сирот» расположились восточнее Чешского Брода, на возвышенности у села Липаны. Их враги разбили свой лагерь у соседнего села Гржибы. Позиция таборитов была очень удачна. Их возовое укрепление стояло на высоком холме, в то время как войска панов находились в низине. Это давало преимущества артиллерии таборитов и затрудняло действия противника.

Но если позиционное превосходство было на стороне таборитов, то численное — на стороне панов. Источники свидетельствуют, что в армии Прокопа было 800 всадников, 10 тысяч пехоты и 360 возов, в то время как у панов насчитывалось несколько тысяч кавалерии, до 25 тысяч пехоты и 660 возов. В таких условиях таборитам предстояло дать бой врагу, вооружённому тем же оружием и хорошо знавшему их сильные и слабые стороны. Ведь у Липан стояли друг против друга армии, ещё недавно сражавшиеся совместно против общих врагов.

Три дня войска панов и таборитов простояли в бездействии. Паны не решались завязать бой. Наконец, 30 мая 1434 года в три часа началось сражение, исход которого имел самые губительные последствия для дальнейшей борьбы чешского народа.

Паны хорошо знали грозную силу возовой обороны и понимали, с каким опасным противником они имеют дело. Поэтому их план был рассчитан на то, чтобы выманить защитников лагеря из-за возовой ограды и подавить их численностью. Этому плану Прокоп смог из-за значительного перевеса вражеских сил противопоставить лишь план упорной обороны лагеря с расчётом перейти в удобный момент в контрнападение. Но враг был не только силен, но и опытен. Паны были хорошо знакомы с приёмами, вооружением и тактикой таборитов. Шпионы и перебежчики сообщали о военных приготовлениях, настроениях и вообще всех слабых местах таборитов. Всего этого Прокоп и таборитско-«сиротское» командование не учли в достаточной степени.

Сражение началось с того, что паны создали видимость решительной атаки. Они построили свои возы в колонну по 11 в ряд и двинулись на штурм лагеря таборитов. Во главе колонны находились пушки. Приблизившись на расстояние выстрела, атакующие обрушили на возовое укрепление таборитов и «сирот» сильный артиллерийский огонь. Осаждённые несли потери, но ответили ещё более сокрушительным обстрелом, перебили многих воинов и вывели из строя несколько вражеских пушек. После того как рассеялся дым и улеглась пыль, табориты увидели, что атакующие обратились в бегство.

Но отступление врага было только манёвром. Таборитские вожди не разгадали его смысла. Слишком много сражений было выиграно ими именно таким образом.

Они приняли притворный отход врага за действительное бегство и стремительно бросились преследовать его. Этим была ослаблена и расстроена защита возового укрепления.

В этот момент казалось, что победа и на сей раз останется за героическими народными воинами. Над полем сражения уже раздавался победный клич таборитов: «Вперёд! Враг бежит!». Но в решительный момент панская конница ударила во фланг преследующим, смяла их и напала на почти незащищённый лагерь.

Однако не всё ещё было потеряно. Если бы таборитское командование могло в свою очередь атаковать нападающих конницей, можно было бы отвлечь и остановить их, успев принять меры к обороне лагеря. Но в это время Прокоп Великий, как можно полагать, уже не имел конницы, которой командовал Чапек из Сана. Этот военачальник, по происхождению земан, был известен своей жадностью и больше всего заботился о том, как бы не потерять свои многочисленные имения и накопления. Чапек бесславно бежал к Колину, уводя с собой конницу таборитов. Была ли это преступная трусость или подлая измена — неизвестно. Важно, что в ходе сражения Чапек не принимал участия и что в самый решительный момент табориты остались без конницы.

Благоприятное время было упущено. Вслед за панской конницей на штурм лагеря таборитов двинулась наёмная пехота. Она опрокинула ослабленную линию защитников возовой обороны и прорвалась в середину её. Завязался упорный и кровопролитный бой внутри самого возового укрепления. У таборитов и «сирот» уже не было единого командования. Отдельные отряды мужественных защитников народного дела отчаянно сопротивлялись превосходящим силам врага, но ряды их таяли, подкреплений ждать было неоткуда. Численное превосходство взяло своё. К вечеру битва на Липанском поле закончилась.

В бою под Липанами было убито до двух тысяч верных защитников народного дела. Смертью храбрых пали Прокоп Великий, Прокупек и многие другие вожди таборитов и «сирот».

Победители добивали раненых, подвергали издевательствам и убивали пленных. Менгарт из Градца загнал часть пленных в сарай и там сжёг их.

После битвы Менгарт двинул свои войска к Колину, где скрылся Чапек, но не взял города, заключив перемирие с Чапекком.

Реакция немедленно оценила создавшееся после Липан положение. Войска пльзеньских панов двинулись на север, в Литомержицкий край, и открыли военные действия против находившихся там отрядов «сирот» и их союзников. Возликовала и международная реакция. Когда была снята осада Пльзня, католические церковники и светские феодалы Европы решили, что недалёк час их победы. Пльзеньские паны, эти закоренелые враги чешского народа, превратились в героев дня. Католические священники восхваляли их в проповедях. Сигизмунд всячески старался выказать им свою особую милость. Собор прислал им солидные денежные подарки. Новую волну торжества в лагере реакции вызвала весть о Липанах. Но феодально-католическая реставрация не могла осуществиться сразу и в полной мере. Слишком страшен был ещё чешский народ, понёсший поражение, но не сломленный.

После кровавых событий на Липанском поле панский союз стал господствующей силой в Чехии. Это объяснялось расстановкой классовых сил в стране. С одной стороны, паны-католики и их поповско-монашеская свора были слишком ненавистны народу, и с этим нельзя было не считаться. Сигизмунду и наиболее дальновидным организаторам Базельского собора было ясно, что преждевременный и слишком резкий крен вправо может вызвать новый подъём революционной активности побеждённого, но не покорённого чешского трудового народа. С другой стороны, препятствием для кровавого разгула реакции оставался Таборский союз, куда всё ещё входило до 20 городов Чехии: Табор, Градец Кралёвый, Писек, Прахатице, Водняны, Яромерж, Колин, Нимбурк, Часлав, а также города Лоуни, Слани, Жатец и Литомержице, где находился гетман Якубек из Вржесовице. Кроме того, таборские гарнизоны всё ещё оставались в Тржебиче и Иванчице, в Моравии, в Трнаве и Тополчанах, в Словакии, наконец, в некоторых силезских городах, в том числе в Немчи и Отмухове.

Но армия Тabora уже не представляла собою той революционной силы, какой она являлась в первые годы Великой Крестьянской войны. Здесь чётко обозначались те сдвиги, которые произошли за истекшее время внутри

всего крестьянско-плебейского лагеря. Фактически ещё задолго до Липан внутри Табора возобладали умеренные бюргерско-земанские элементы. Первым шагом на этом пути явилась кровавая расправа с крайними хилиастическими сектами в 1421 году. С этих пор каждое событие в Таборе было шагом именно в этом направлении.

К началу 30-х годов Таборский союз состоял из двух разнородных элементов — из объединения бюргеров ряда чешских городов и из полевых армий, где, несмотря на явные симптомы разложения, была сильна и попрежнему задавала тон крестьянско-плебейская революционная масса, накладывавшая свой отпечаток на союз в целом. После Липан грозные полевые армии перестали фактически существовать, а оставшиеся бюргеры вскоре остро почувствовали свою изоляцию. Это ясно выразил в своём выступлении на съезде таборитских представителей в декабре 1434 года один из бюргеров Табора. Отвечая на призыв гетмана Яна Рогача, который указывал, что не всё ещё потеряно и можно и следует продолжать борьбу, он признал, что от таборского бюргерства отошли и труженники и мелкая шляхта — первые потому, что были обременены податями, а вторые потому, что их надежды добиться богатства и власти оказались эфемерными. «Мы оттолкнули от себя почти всех бойцов, с помощью которых мы вели войны», — констатировало его устами бюргерство Таборского союза. Однако даже и теперь Таборский союз, не говоря уже об остатках полевых армий, оставался серьёзным препятствием для окончательного торжества католической реакции.

Для того чтобы оттеснить панов крайней католической группировки, с которыми они не хотели делить власть, паны-чашники соединились в этот период с земанством и богатым бюргерством Праги, идеологами которых были пражские магистры. Шляхта и бюргерство думали, что настало время пожать плоды предательства. В июне 1434 года ими был собран сейм в Праге.

Сейм показал, что политическое преобладание перешло к панам-чашникам. Хотя на сейме было весьма велико влияние Рокицаны и магистров Пражского университета, бюргерство занимало на нём подчинённое место. Это дало себя знать прежде всего в чётком разделении участников сейма по сословиям. Если в годы крестьянской войны на сейм посылали своих представителей города и

политические союзы, то теперь делегаты сейма были посланы от отдельных сословий. При этом не только фактическое господство, но и формальное первенство в органах сейма везде и во всём принадлежало высшей шляхте — панам.

Правительство Ризенбурка, впервые приобретшее действительную власть, было в сущности ширмой, за которой скрывались Менгарт из Градца, Ольдржих из Рожмберка и другие столпы реакции. Паны-чашники поспешили заключить длительное перемирие со своими католическими собратьями. В то же время был провозглашён мир между отдельными группировками внутри гуситов. Затем паны и бюргеры приложили все усилия к восстановлению расшатанного в годы крестьянской войны государственного аппарата. Во все округа были назначены наместники, которые должны были «восстановить порядок». Борьба народных масс не кончилась с поражением у Липан, крестьяне волновались, в стране было ещё много небольших таборитских и «сиротских» отрядов, которые, хотя и действовали разрозненно и без плана, всё ещё наводили трепет на феодалов. Затем сейм принял ряд решений, регулировавших действия феодальной администрации на местах и феодальных судов, которые должны были теперь оформлять расправу с участниками движения.

Во время следующего сейма, заседавшего осенью того же года, распался союз «сирот». Большая часть их городов перешла в состав Пражского союза, а идеологи «сирот» отказались от своих прежних взглядов и присоединились к чашникам. Однако некоторые из них не побоялись в этот момент открыто выражать своё сочувствие таборитам. В их лагерь перешёл Пётр Пэйн, Ян Немец из Жатца и некоторые другие «сиротские» теологи.

К этому времени ослабление Таборского союза позволило правительству Алеша из Ризенбурка удалить таборитские гарнизоны из городов Немчи и Отмухова. Крепости были переданы силезским князьям.

Укрепив своё положение внутри страны, чашники перешли к обсуждению условий восстановления власти Сигизмунда. Это было логическим продолжением всей их антинародной политики. На первых порах чашники предлагали корону Сигизмунду с некоторыми ограничениями. В марте 1435 года сейм сформулировал условия, на которых соглашался признать Сигизмунда королём. Чашники

требовали, чтобы для устранения религиозных раздоров причащение под двумя видами было установлено для всех живущих в Чехии; чтобы Сигизмунд подтвердил за панами, земанами и бюргерством все их права, включая право заседать на сейме; чтобы он обязался во время своего пребывания в Чехии принимать причастие по гуситскому обряду и чтобы так же поступала вся его свита. Кроме того, сейм постановил, чтобы в городах разрешалось жить только гуситам, а из изгнанных жителей городов могли вернуться лишь те, кому разрешали его сограждане. Наконец, сейм потребовал, чтобы Моравия была соединена с Чехией, чтобы Сигизмунд не назначал на высшие должности немцев и вообще иностранцев, а из чехов только тех, кто принадлежит к гуситам. Наконец, последним условием было объявление полной амнистии всех гуситов.

Требования чашников Сигизмунд рассматривал как чрезмерные. Он рассчитывал после Липан на полную капитуляцию Чехии и никак не хотел согласиться ни на какие ограничения прав своих сторонников — католических панов. Император стал затягивать переговоры. Между тем чашники занялись вопросом организации церковного управления. В переговорах с Базельским собором чешские уполномоченные требовали, чтобы церковное управление находилось в руках архиепископа и двух епископов, которые будут избираться духовенством и мирянами, чтобы на церковные должности в Чехии не назначались иноземцы и, наконец, чтобы запрещены были апелляции к папе на решения церковных судов в Чехии. Собор расценивал компактаты как крайнюю меру уступок и на речи чешских послов отвечал весьма туманно и уклончиво.

Наконец, Сигизмунд, который к этому времени решил внешне согласиться с требованиями сейма, приложил все усилия, чтобы получить от собора положительный ответ. Вероломный император надеялся, что, захватив власть в стране и укрепив своё положение, он сможет отказаться от всех обещаний, на которые он пока не скупился.

В результате всей этой закулисной борьбы и длительных переговоров феодально-католическая реакция решила стать на путь внешнего признания условий чашников. Правда, при этом были оставлены нужные лазейки для их нарушения. Так, хотя Сигизмунд формально обязался не восстанавливать в Чехии разрушенных церквей и монастырей и не возвращать в страну католических

попов и монахов, каждому пану или городу было предоставлено сделать это с разрешения архиепископа. В октябре 1435 года чашники избрали архиепископа и двух епископов. Архиепископом стал Рокицана. Наконец, на сейме в Ийглаве летом 1436 года были официально утверждены и обнародованы компактаты и Сигизмунд был признан королём Чехии.

20 июня император особой грамотой подтвердил компактаты и дал обязательство соблюдать условия, на которых его избрали. Королевская грамота была составлена в намеренно неясных и неопределённых выражениях. Признавая словесно компактаты и требования сейма, Сигизмунд тут же окружал каждую свою уступку такими оговорками, которые в сущности сводили на нет его высокопарные декларации. Особенно важно было то, что император получил право составлять из чешских панов специальный орган, которому предоставлялось право решать вопрос о законности или незаконности земельных владений, приобретённых во время войны. Шляхтича или горожанина, завладевшего монастырской или панской землёй, можно было лишить её.

Таким образом, предательство шляхты и бюргерства, которые на Липанском поле сражались в сущности не столько за свои, сколько за интересы Сигизмунда и феодальной реакции, не было по достоинству оценено королём. Он показал, что интересы крупных феодалов были ему ближе, так как паны и прелаты являлись его основной опорой. Католическая церковь начала готовить возвращение утраченных богатств и влияния. Всё это пагубно отразилось на дальнейшем развитии Чехии. Признанный панами и сеймом, Сигизмунд стал готовиться к въезду в страну. 26 августа 1436 года он вступил в Прагу.

Сигизмунд не собирался выполнять условия, на которых была восстановлена его власть. Он сделал наследником всех чешских земель австрийского герцога Альбрехта, кровавого палача чешского народа. Сигизмунд, несмотря на свои обещания, покровительствовал восстановлению католических церквей и монастырей. На улицах Праги снова появились стаи чёрной саранчи — монахов и монахинь; Сигизмунд медлил утвердить Рокицану в сане архиепископа и в конце концов сместил его. Вопреки принятым обязательствам император окружил себя католиками, а панам-гуситам старался не предоставлять важных

должностей и назначений. Кроме того, Сигизмунд обещал не наказывать всех выступавших против него и католического духовенства. Но очень многие участники борьбы подвергались под различными предлогами преследованиям. Император, правда, удерживал крайних сторонников реакции от необдуманных выступлений, но это было продиктовано только страхом Сигизмунда, не забывшего о многих годах военных поражений. К тому же в это время социальная атмосфера в стране была ещё очень накалена. Не все очаги крестьянской войны были подавлены феодалами до конца. Во многих местах действовали отдельные отряды таборитов.

После битвы при Липанах команду над уцелевшими отрядами таборитских полевых войск принял на себя гетман Ян Рогач. В декабре 1434 года в Таборе происходил таборитский сейм, на котором Ян Рогач пытался ободрить дезорганизованных поражением представителей городов и вдохновить их на продолжение борьбы. Но бюргерство Табора считало войну проигранной и уже вынашивало планы соглашения с Сигизмундом. Большинство богатых бюргеров хотело только сохранить своё положение и богатство и готово было предать интересы народа. Как и пражане, таборитские бюргеры не понимали, что этим самым они предадут свои собственные классовые интересы.

Яну Рогачу не удалось получить эффективную поддержку, и он со своими верными соратниками отошёл к Градцу Кралёвому. В городе власть находилась в руках городского плебса, во главе которого стояли старый сподвижник Жижки — священник Амброж и верный друг Желивского — священник Якуб Влк. Народным вождям, опиравшимся на поддержку городских низов, удалось организовать прочную оборону города. Неоднократные нападения и даже длительные осады, предпринятые войсками панского союза, оканчивались провалом. Император бросил под Градец значительные силы, которыми командовал Дивиш Боржек из Милетина. Но осаждавшие не смогли взять город, были разбиты и обращены в бегство. После неудачных попыток взять Градец силой Сигизмунд направил туда своего посла. Последний был, однако, там заключён в тюрьму (это был один из бывших таборитских военачальников — Бедржих из Стражниц).

Однако и в Градце Кралёвом измена бюргерства скоро сделала невозможным дальнейшее сопротивление. В ночь

с 3 на 4 марта 1437 года богатые горожане Градца Кралёвого, ещё ранее завязавшие сношения с Сигизмундом, подняли мятеж. Сторонники Амброжа были вынуждены бежать. Во время бегства Амброж, неудачно прыгнувший с городской стены, сломал руку и ногу и был взят в плен вместе с не желавшими оставить его товарищами, среди которых находился и Якуб Влк. Вскоре Амброж был казнён. Градец признал власть Сигизмунда.

К весне 1437 года были ликвидированы последние остатки таборитов в Жатецком крае. При этом в руки Сигизмунда попали старые участники революционных боёв — Коранда и перешедший к таборитам Пэйн. Обстоятельства вынудили Сигизмунда сохранить им жизнь. Пэйн был выслан из Чехии, а Коранда под страхом смертной казни должен был безвыездно жить в Таборе и прекратить всякие проповеди и выступления. Один из учеников Пэйна был посажен в темницу.

Сам Табор в это время уже признал власть Сигизмунда. Ещё в 1436 году большинство таборского бюргерства вступило в переговоры с императором и вскоре пришло к соглашению с ним. Платой за предательство таборских бюргеров было признание за Табором прав королевского города и новый герб, присвоенный городу императором. Табор примирился со своим злейшим врагом Ольдржихом из Рожмберка. А ведь совсем недавно этот могущественный феодал выпрашивал у Сигизмунда помощь для борьбы против Табора.

В эти дни последним оплотом восставшего чешского народа оставалась крепость Сион, построенная на неприступной горе недалеко от Малешова — места славной победы Жижки. Сион являлся символом решимости лучших сынов родины не складывать оружия в борьбе против феодальной реакции. На Сионе укрепился гетман восставшего народа, славный сподвижник великого Жижки — Ян Рогач.

Ян Рогач из Дубы прошёл с народом его боевой путь. Ему была знакома и радость побед и тяжёлое горе поражений. В Сионе с ним находились лучшие сыны чешского народа, стойкие и мужественные борцы за свободу, предпочитавшие смерть измене тому знамени, под которое они встали в борьбе за счастье народа. Здесь же был небольшой польский отряд во главе с шляхтичем Вышеком Рачицким.

Несмотря на то, что засевшие в Сионе войска были немногочисленны, Сигизмунд придавал взятию этой крепости особое значение. Призрак новой крестьянской войны вставал перед его глазами при одном воспоминании о том, что есть ещё в Чехии уголок, где гордо реет овейанный победами стяг таборитов. Он боялся, что неприступный Сион станет тем очагом, искры которого разожгут новую крестьянскую войну. Поэтому в июне 1437 года большой отряд императорских войск подступил к стенам Сиона. Отрядом командовал пан Гинек Птачек.

В этом последнем сражении Великой Крестьянской войны осаждённые проявили чудеса храбрости, мужества и воинской доблести. Но силы были слишком неравны. После долгой и героической обороны знамя с красной чашей, много лет вдохновлявшее чешский народ на борьбу против феодалов и иноземных захватчиков, рухнуло. Это было 6 сентября 1437 года. Эту дату можно считать концом Великой Крестьянской войны в Чехии.

Защитники последней твердыни таборитов сражались самоотверженно. Израненный гетман и несколько воинов попали в руки врагов. Никакие пытки не могли сломить стойкости и мужества народных героев, отказавшихся признать Сигизмунда королём Чехии. 9 сентября все они были повешены на Староместской площади в Праге. На самом верху огромной виселицы, сооружённой по специальному приказу императора, среди 52 боевых друзей на золотой цепи был повешен последний гетман народного войска.

Сигизмунд видел в казни отважных героев народной войны свою окончательную победу. Но торжествовать ему пришлось недолго. Уже в конце сентября часть панов-чашников выступила против императора, правление которого в Чехии не оправдало их надежд. Наглое нарушение Сигизмундом своих обещаний вызывало всеобщее возмущение.

Вскоре положение Сигизмунда стало настолько тяжёлым, что император, несмотря на болезнь, решил оставить Чехию. Трусливый палач чешского народа умер по дороге в Венгрию в декабре 1437 года.

В Венгрии, где Сигизмунд надеялся укрыться от революционных бурь, к этому времени назрел подъём антифеодального и антицерковного движения, непосредственно связанного с Великой Крестьянской войной в Чехии. Идеи гуситов распространялись по всей территории Венгрии и находили наибольшее количество сторонников на юге

страны, в словацких землях на севере и в Трансильвании, входивших тогда в состав Венгерского королевства. Венгерские крестьяне в первой половине XV века страдали помимо непосильного феодального гнёта и от постоянных турецких вторжений. Кое-где в крестьянской среде сохранились традиции прежних еретических учений — богомилства и других. Ещё в 1436 году в Венгрию прибыл особый уполномоченный римского папы для борьбы против гуситов и других «еретиков». Католическое духовенство Венгрии всеми мерами содействовало чёрному делу ищеек инквизиции. Заподозренные в сочувствии к гуситам, а также в тайной приверженности к так называемому восточному православию подвергались допросам, пыткам и казням. Даже мёртвых выкапывали из могил, чтобы надругаться над ними. За короткий период папский уполномоченный со своими палачами объехал многие районы Венгрии. Но никакими мерами террора нельзя было приостановить назревшее народное восстание.

Папские инквизиторы записали показания некоторых «еретиков»-венгров. Подобно чешским гуситам они проповедовали, что папа не должен иметь большего авторитета, чем любой простой священник; они отрицали особые права и привилегии духовенства и считали, что любой человек, даже женщина, может проповедовать и причащать верующих. Венгерские «еретики» считали католическую иерархию строением дьявола, а лживую церковь именовали «источником и породительницей всего злого». Они выступали против десятин и всякого рода церковных поборов, не почитали икон, мощей и прочих «священных» в глазах верующих предметов. Распространение этих учений подготовляло вспышку крестьянского восстания в Венгрии.

Ещё во время крестьянской войны в Чехии на территории Венгерского королевства произошёл целый ряд антифеодальных выступлений. Особенно сложным и напряжённым было положение в Трансильвании, где массы валашского, молдавского и отчасти венгерского крестьянства стонали под игом местных и немецких феодалов. Социальный гнёт тесно переплетался здесь с национальным. В 1437 г. в Трансильвании поднялась волна подлинной крестьянской войны. Восстание началось одновременно в разных местах и вскоре охватило большую часть Трансильвании и часть восточной Венгрии. Среди восставших были и проповедники-гуситы, прибывшие из Чехии.

Повстанческий отряд под руководством Кардоша напал на город Сасфелд. Другой отряд, во главе которого стоял крестьянин Мартон, действовал в районе Ньиршего, но вскоре был разбит феодалами, а Мартон и другие вожди казнены.

Одновременно с восстанием Мартона отряды восставших трансильванских крестьян собрались на горе Бабыльна близ села Альпарет. Собравшиеся на горе крестьяне стремились подражать первоначальной организации таборитов. Подобно последним они пытались осуществить общность имущества и организовать общественное потребление и уравнилельное распределение. Однако венгерским крестьянам не удалось создать стройную боевую организацию. Неорганизованность крестьян выразилась в том, что они не приступили к решительным действиям в то время, когда феодалы ещё не успели собрать свои силы.

Из лагеря на горе Бабыльна крестьяне отправили послов к трансильванскому воеводе для переговоров. Воевода Чаки обезглавил послов, но не мог сломить мужества восставших. В начале июля 1437 года плохо вооружённые крестьянские отряды при поддержке мелкопоместного дворянства одержали крупную победу при Десе. Феодалы были вынуждены вступить в переговоры с восставшими венгерскими и валашскими крестьянами. В июле в Клуже было заключено соглашение, по условиям которого феодалы вынуждены были подтвердить право свободного перехода крестьян, но лишь при условии выплаты крестьянином всех недоимок. Некоторые феодальные поборы были отменены. Все участники восстания и его руководители получали амнистию. Кроме того, по условию соглашения представители крестьян и дворян должны были ежегодно собираться на горе Бабыльна для проверки обоюдного соблюдения условий соглашения.

Наиболее важным завоеванием крестьян была отмена десятины. Чинш и барщина сохранились, но их размеры были сокращены или строго определены.

Клужское соглашение очень скоро было нарушено феодалами. Заклучая его, идя на уступки, феодалы хотели выиграть время, с тем чтобы стянуть силы для подавления восстания. Клужский епископ объявил соглашение недействительным. В сентябре 1437 года венгерские феодалы и немецкие бюргеры заключили союз в Капольне против венгерских и румынских крестьян. В битве при Апати войска феодалов снова потерпели поражение и

снова вынуждены были пойти на переговоры. В октябре в Апати было заключено второе соглашение.

Второе соглашение обеспечивало более благоприятные условия для господствующего класса. Это объяснялось тем, что многие крестьяне, поверив первому соглашению, разошлись по домам и, таким образом, силы крестьянского лагеря уменьшились. От крестьян откололись и мелкопоместные дворяне.

Феодалы не стали соблюдать и второго соглашения. Несмотря на то, что на этот раз феодалы собрали ещё более крупные силы, они не смогли воспрепятствовать тому, чтобы крестьяне, соединившись с плебейскими элементами, заняли город Клуж. Решающее сражение произошло недалеко от Клужа в середине декабря 1437 года.

Крестьяне потерпели поражение. Вождь их Антал Надь из Буды погиб в сражении. Его тело было изрублено озверевшими феодалами на куски. После этой битвы крестьяне вынуждены были перейти к обороне. Часть их оттянулась в город Надъэньед, но долго они там продержаться не смогли. Большая часть их укрепилась в Клуже и стойко обороняла город в течение длительного времени. Отдельные разрозненные крестьянские отряды продолжали вести борьбу в Трансильвании ещё в 1439 году.

Прежде чем было подавлено восстание в Трансильвании, многие трансильванские крестьяне бежали от феодального гнёта и террора инквизиции в соседнюю Молдавию. Это православное воеводство, не подчинявшееся Риму, стало пристанищем для многих участников Великой Крестьянской войны в Чехии и антифеодального движения в Венгрии. Так, например, мы находим здесь освобождённого крестьянами из лап инквизиции венгерского гусита — священника Валента, одного из переводчиков библии на венгерский язык. В Молдавии имелся славянский перевод так называемой гуситской библии. Так как в Молдавии крестьянам жилось не легче, чем в соседних странах, то и здесь в 1440 году под непосредственным воздействием антифеодальной борьбы в Чехии и Венгрии поднялось восстание. Восстание началось в северной Молдавии и прилегающих к ней областях так называемого Покутья. В восстании принимали участие крестьяне всех народностей, населявших этот район: молдаване, поляки, украинцы, а также беженцы — чехи и венгры. Отряды восставших под руководством Мухи вско-

Табор в XVIII веке

ре достигли нескольких тысяч человек, и их действия распространились на соседние районы польского государства. Вскоре сказалась недостаточная организованность восставших и превосходство сил феодалов. С помощью специально прибывших к валашским боярам и польским панам рыцарей Тевтонского ордена восстание под руководством Мухи в 1442 году было подавлено.

В те годы, когда отзвуки крестьянской войны будили и поднимали на борьбу эксплуатируемых в соседних и даже отдалённых странах, в самой Чехии движение неуклонно шло на убыль. После падения Сиона только отдельные, разрозненные и мелкие отряды крестьян продолжали в разных концах Чехии борьбу против феодалов. Во многих местах крестьяне убивали своих господ, поджигали имения, расправлялись с попами и снова появившимися в Чехии монахами. Но пламя крестьянской войны уже угасало, рассыпаясь иной раз сотнями искр, но уже не имея сил озарить всю страну.

Что касается Табора, то он, уже давно изменившийся, окончательно превратился теперь в обычный крупный феодальный город. Богатые купцы вели торговлю, ремесленники трудились в своих мастерских, и только в памяти подмастерьев и городской бедноты жили ещё воспоминания о тех днях, когда крестьяне окрестных сёл собирались на горы, чтобы послушать пламенные речи народных проповедников.

Впрочем, иногда горожане Табора ещё пытались повлиять на ход событий в стране. В 1438 году Табор отказался признать королём Чехии Альбрехта Австрий-

ского, предпочитая ему польского королевича Казимира. Осада города войсками Альбрехта ни к чему не привела. Город отстоял своё существование и в дальнейшем вёл почти непрерывную десятилетнюю войну со своим старым врагом паном из Рожмберка. В 1452 году богатые бюргеры открыли ворота города перед ставленником панов Йиржи Подебрадом, тогдашним правителем Чехии. Укрепившись в Таборе, паны поспешили расправиться с последними оставшимися в живых активными участниками крестьянской войны. Без всякого суда они были брошены в смрадные тюрьмы. Это были: бывший таборитский епископ Микулаш Бискупец из Пельгржимова, священник Лаврентий Немец из Рейхенбаха и, наконец, Вацлав Коранда. Так человек, имя которого вписано на первой странице истории Великой Крестьянской войны чешского народа, попал и на её последний, скорбный лист.

* *

Развалины Сиона ещё дымились, когда остатки полевых армий чешского народа собрались под командованием русского князя Фёдора Острожского на границе словацких земель и Польши у Чорштына. Появление табсритов, как и в прежние годы, активизировало борьбу словацкого народа. Начало движения словацких крестьян относится к 40-м годам XV столетия. К сожалению, о нём не сохранилось достаточных сведений. В 1446 году левицкий земан Вацлав Чех вместе с другими мелкими шляхтичами, а также крестьянами, среди которых были и словаки и венгры, напал на монастырь премонстратов и разгромил его. Затем восставшие обрушились на другие монастыри в Спишском и Шаришском комитатах¹. Одновременно городское население стало отказываться от уплаты десятины духовным феодалам.

Особенно увеличился размах классовой борьбы словацких крестьян, поднявшихся против своих эксплуататоров, когда во главе восставших стал талантливый полководец и организатор Пётр Аксамит, родом из южной Чехии. Под руководством Аксамита собрались значительные крестьянские армии. Число повстанцев доходило до

¹ Комитат — территориально-административный округ в средневековом Венгерском королевстве. Территория словацких земель также делилась на ряд комитатов (по-словацки комитаты назывались жу-пами).

нескольких тысяч человек. Повстанцы называли себя «братчиками». Они усвоили ряд черт таборитской военной организации и действовали весьма успешно. Им удалось занять такие города и крепости, как Илава, Шаришский Поток, Грушов, Орава, Ликава. Движение перебралось и на собственно венгерскую территорию. Там к нему присоединились венгерские крестьяне. Принимало в нём участие и украинское население Закарпатья. Основную силу «братчиков» составляли крестьяне и мелкая шляхта, но к ним присоединялись и горожане. В Европе с вождём восставших вынуждены были считаться, как с серьёзной политической силой.

Об организации «братчиков» сохранилось мало сведений, но в источниках упоминается о том, что они соединялись в «таборы» по чешскому образцу и распределяли военную добычу между собой поровну. Женщины пользовались у них равными правами с мужчинами.

Особенно большое влияние приобрели «братчики» в первой половине 50-х годов. В 1456 году произошло восстание в Земплинской и в Абоуйской жупах. Однако объединённым силам феодалов удалось организовать наступление против восставших. В 1458 году в битве с врагами погиб Аксамит, а в 1462 году был ликвидирован очаг восставших в Поважье. С конца 60-х годов движение пошло на убыль. Последнее упоминание о «братчиках» относится к 1474 году.

Так словацкий народ, оторванный от своего чешского брата, внёс свою долю в совместную борьбу чехов и словаков против феодально-католической реакции. В жестоких боях с врагами выковывались славные традиции освободительной борьбы братских народов, борьбы, которая завершилась в наши дни созданием Чехословацкой Народно-Демократической Республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуситские войны явились важнейшим этапом истории чешского народа в эпоху феодализма. Здесь сосредоточились, как в фокусе, все сложные противоречия эпохи — противоречия, в которых отразились и общие закономерности и особенности развития феодальной Чехии. Впервые народные массы всей страны поднялись на вооружённую борьбу за освобождение от эксплуатации и нищеты. Гуситские войны являются ключом к пониманию дальнейшей истории народов Чехословакии.

В ходе гуситских войн обнаружили основные, непримиримые противоречия тогдашнего чешского феодального общества и столкнулись в острой и напряжённой борьбе все классы феодальной Чехии. Гуситские войны превратились в событие международного масштаба. Это была «национально-чешская крестьянская война» (Маркс), направленная против феодального гнёта, против злейшего и коварнейшего врага трудящихся, всеевропейского оплота мракобесия и реакции — против католической церкви, а также против иноземного засилья в стране.

В жестоких схватках гуситских войн ярко выразилась неиссякаемая творческая активность народных масс — главного творца истории. Именами многих героев гуситских войн справедливо гордится не только чешский народ, но и всё прогрессивное человечество. Неувядаемой славой овеяны имена Яна Гуса, Иеронима Пражского, Микулаша из Гуси, Яна Жижки, Яна Желивского, Проккопа Великого, их сподвижников и соратников. Источ-

ником величия и силы этих народных героев была органическая, неразрывная связь их с народом, из рядов которого они вышли, близость к которому поддерживала их в трудные годы борьбы, интересы и чаяния которого они выражали, в борьбе за дело которого они не щадили своих сил и отдали свою благородную жизнь.

Главной движущей силой гуситских войн было чешское крестьянство и примкнувшие к нему низы городского населения. Крестьяне Чехии, составлявшие подавляющее большинство населения страны, являлись в то время главными производителями материальных благ, за счёт которых существовали все классы общества. Крестьяне были и решающей силой в славных армиях восставшего чешского народа, героически сражавшегося против численно превосходивших сил феодально-католической реакции.

В великих битвах крестьянской войны XV века трудящиеся Чехии не смогли добиться победы. Полная и окончательная победа народа стала возможной только в XX веке, при совершенно изменившихся исторических условиях, когда победоносная социалистическая революция навсегда разбила оковы эксплуатации и открыла перед народными массами путь к бесклассовому, коммунистическому обществу.

События XV века нельзя рассматривать как буржуазную революцию. Для такой революции в Чехии тогда ещё не было необходимых предпосылок. Недостаточным был уровень развития производительных сил и всей совокупности вырастающих на их основе социально-экономических отношений. Внутри Чехии феодальный способ производства в XV веке ещё не изжил себя. Лишь дальнейшее поступательное развитие могло до предела обострить свойственные феодальной формации противоречия и привести производственные отношения феодализма в несоответствие с уровнем производительных сил, превратить феодализм в тормоз для всего развития страны. Поэтому объективный смысл героической борьбы народных масс Чехии состоял в этот период в том, что она направляла страну на путь дальнейшего развития, в наибольшей степени благоприятствующий росту товарного производства и сопряжённый с возможностью относительно раннего вызревания предпосылок для зарождения капиталистических отношений. Народные массы Чехии боролись, таким образом, за более прогрессивный путь развития своей

страны, чем та крайне медленная и мучительная для народа дорога, на которую толкали его в своих узкокорыстных интересах крупные феодалы.

В начале XV века крупные феодалы были ещё слишком сильны. Они сохраняли господство во всех сферах экономической и общественно-политической жизни. Слишком слабым и в силу этого робким и непоследовательным оказалось в этот период, ввиду полного и долгого господства в городах инонациональных элементов, чешское бургерство — этот трусливый и нерешительный предшественник буржуазии. В ходе своей самоотверженной борьбы народные массы оказались в конце концов одинокими. Трагедия народных масс Чехии заключалась в том, что они, отдавая свои силы и не щадя жизни в борьбе против феодальной эксплуатации и национального угнетения, сражаясь против феодалов и католической церкви, прокладывали путь, на ближайшем этапе которого могла победить лишь буржуазия. Но в XV веке в Чехии ещё не оформился и не сложился класс буржуазии. Поэтому и для такой победы в чешской действительности того времени не сложились ещё необходимые предпосылки.

Чешская крестьянская война XV века не могла привести к победе народных масс, хотя и была более мощной, продолжительной и организованной, чем все предшествовавшие ей крестьянские восстания на Руси, во Франции, в Англии и в других странах. Общие причины поражения всех этих выступлений заключаются прежде всего в низком уровне экономики. Известно, что крестьянские восстания вообще «могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»¹. В Чехии XIV—XV веков не было, да и не могло быть, рабочего класса. Сами крестьяне и городская беднота не в состоянии были добиться победы в борьбе против объединённой, организованной силы феодалов, имевшей в своём распоряжении мощный аппарат подавления — феодальное государство и его органы.

Отрицательно сказывалось отсутствие чёткой положительной программы гуситского движения, которая при тогдашнем уровне развития и не могла быть выработана. Положение восставших народных масс Чехии крайне

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

осложнялось тем обстоятельством, что они имели перед собой не только своих собственных феодалов, но столкнулись с бешеным сопротивлением всех сил международной феодально-католической реакции, которые сплотились против «мятежников и еретиков» вокруг императора Священной Римской Империи под благословляющей десницей римского папы. Император, папа и все чёрные силы феодальной Европы являлись постоянным источником внутренней чешской реакции. С их помощью она пополняла свои резервы в то время, когда силы восставшего народа изматывались в жестоких кровопролитных боях, затянувшихся на многие годы.

Гуситские войны были грандиозным актом борьбы народных масс за дальнейшее прогрессивное развитие своей родины и всего человечества. Революционное выступление чешского народа явилось прологом к началу всемирно-исторической борьбы буржуазии против феодалов — к реформации XVI века, кульминационным пунктом которой была крестьянская война в Германии, названная Марксом «самым радикальным фактом немецкой истории».

В Чехии первой половины XV века борьба восставших крестьян была направлена в первую очередь против феодальной реакции, против католического духовенства, против угрозы иноземного порабощения. В ходе борьбы обнаружились и самые заветные, самые сокровенные, хотя и не всегда ясно осознанные и отчётливо сформулированные чаяния и стремления трудового народа, выдвинувшего идею полного переустройства мира. Тогда эта идея могла быть лишь мечтой, благоприятные предпосылки для осуществления которой сложились много веков спустя, в других исторических условиях.

Великая Крестьянская война в Чехии имела ярко выраженный национальный характер. У Жижковой горы и у Чешского Брода, у Усти, у Тахова и у Домажлице в боях с иноземными захватчиками решался вопрос о дальнейшем, независимом существовании чешского народа, о целостности его территории. Именно самоотверженная борьба народных масс против внешних врагов и иноземного засилья внутри страны была одной из необходимых предпосылок для формирования в дальнейшем чешской буржуазной нации.

Марксизм-ленинизм учит, что нации складываются в эпоху поднимающегося капитализма, но что элементы

наций складываются исподволь, «еще в период докапиталистический»¹. Отстаивая от иноземных захватчиков родную страну, добиваясь революционным путём её объединения и предохраняя её от расчленения, угрожавшего Чехии в случае победы феодально-католической реакции, чешский народ отстаивал вместе с тем одну из предпосылок дальнейшего территориального и экономического единства Чехии. В жестоких битвах с врагами решался вопрос о форме существования, даже о самом существовании чешского языка и самобытной чешской культуры. В долголетних войнах формировались и крепили такие черты чешского национального характера, как стойкость, мужество и патриотизм.¹ Славные традиции великой освободительной борьбы помогали чешскому народу устоять и в дальнейшем — в тяжёлые годы габсбургского ига, в мрачные периоды засилья иезуитов и австрийских чиновников.

Упорная и многолетняя борьба чешского народа способствовала формированию в будущем словацкой нации: в совместных боях крепла дружба чехов и словаков, росло сознание единства и общности их исторических судеб, подготавливался исторический акт воссоединения их в едином Чехословацком государстве.

Национальная борьба обострила и социальные противоречия в Чехии накануне и в годы гуситских войн. Она усиливала классовую борьбу и вместе с тем ослабляла весь класс эксплуататоров-феодалов в целом. Хотя чешская крестьянская война была, как и все антифеодальные выступления крестьян в средние века, в значительной степени стихийной, развернувшаяся в тесной связи с нею национально-освободительная борьба помогала крестьянам преодолевать свою неорганизованность.

Гуситские войны, будучи кульминационным пунктом национально-освободительной борьбы чешского народа в средние века, составили вместе с тем важный этап в многовековой борьбе всех славянских народов против иноземной агрессии. Гуситскими войнами, в частности, надолго были ослаблены силы наиболее жестоких и упорных врагов славян — реакционных германских феодалов. Угроза порабощения свободолюбивого чешского народа германским императором, немецкими князьями и прелатами

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

была к началу XV века вполне реальна и очень велика. Величайшее значение гуситских войн состояло в том, что они предотвратили тогда эту грозную опасность.

В ходе гуситских войн был нанесён сокрушительный удар католической церкви, являвшейся в средние века «наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией существующего феодального строя»¹. Католическое духовенство в Чехии, владевшее накануне крестьянской войны едва ли не половиной всех земель страны, лишилось на долгие годы своего имущества и доходов, а прелаты, попы и монахи оказались изгнанными за пределы Чехии. Гуситские войны расшатали устои католической церкви во всей Европе и нанесли непоправимый ущерб авторитету папства — этого постоянного центра самой чёрной реакции, мракобесия и изуверства.

Чешская реформация начала XV века явилась, таким образом, всеевропейским событием величайшего значения. Глубокое социальное содержание идей реформации прикрывалось в связи с условиями того времени религиозной оболочкой, которая накладывала на него свой уродливый отпечаток. Но и в таком виде идеология чешской реформации XV века составляла необходимую подготовительную ступень в созревании всеевропейской реформации — первого, по словам Энгельса, акта борьбы европейской буржуазии против феодализма. Эту преемственную связь живо ощущали деятели реформации в XVI веке. Мартин Лютер в первые годы своих выступлений неизменно называл себя последователем великого Яна Гуса, изучал, переводил и распространял в Германии его произведения. Образ Яна Жижки, неумолимого врага католического духовенства, восхищал Ульриха фон Гуттена.

Сложное соединение различных направлений и взглядов, выражавших в конечном счёте несовпадавшие интересы различных классов и социальных групп, — сочетание, которое представляло собой идейную основу чешской реформации XV века, имело своим исходным пунктом учение бюргерского реформатора Яна Гуса.

Пражские магистры — идеологи чашников по мере бурного подъёма революционной активности народных масс отходили всё дальше от требований, сформулированных Гусом. Выражая интересы бюргерства и шляхты,

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 34.

они не пытались развивать антифеодальную сторону учения Гуса, а, напротив, неуклонно шли на сближение с феодальной реакцией и католической церковью.

В противоположность этому крестьяне и плебс, вдохновляемые и руководимые народными проповедниками, стремились максимально использовать учение Гуса как орудие в своей антифеодальной борьбе. Учение Гуса было дополнено творчеством народных масс. Именно эксплуатируемые массы трудового народа и в первую очередь хилиастические проповедники раннего Тabora развивали дальше учение Гуса в условиях крестьянской войны и общенародной борьбы против иноземных захватчиков.

Антифеодальная и антикатолическая идеология чешских крестьян своей религиозной формой принадлежала прошлому, но по своему содержанию предвосхищала будущее. Несмотря на незрелость и наивность мечтаний чешских революционных сектантов эпохи крестьянской войны, их глубоко выстрадавшие, хотя и смутные мечты о светлой жизни для всех трудящихся явились одним из величайших достижений чешского народа в средние века.

Трудно преувеличить значение гуситских войн и для развития чешской национальной культуры. Не говоря уже о сравнительно широком распространении образования среди народных масс и подъёме чешской народной литературы, музыки и песенного творчества, следует особенно выделить в числе величайших культурных достижений Чехии XV века зарождение, пусть в туманной и неопределённой форме, идеалов переустройства общества. В сокровищницу мировой прогрессивной, революционной мысли внесли свой вклад, пусть скромный вследствие условий того времени, такие сыны чешского народа, как Мартин Гуска и Пётр Каниш, словак Лукаш из Нового Града и многие другие, отдавшие свою жизнь за благородное дело освобождения трудящихся.

Поражение восставших чешских крестьян имело тяжёлые последствия для всей дальнейшей истории чешского и словацкого народов, затормозило дальнейшее прогрессивное развитие производительных сил Чехии. Во всех сферах экономической, политической и культурной жизни впоследствии возобладали тёмные силы феодальной реакции.

Больше всех выиграли от чешской реформации крупные феодалы. Чешские паны, расправившиеся с помощью

иноземной реакции с народными массами, усилились и обогатились за счёт захвата монастырских и церковных земель, за счёт ограбления мелкой шляхты, за счёт принижения бюргерства. После подавления вооружённого сопротивления народа паны получили возможность ещё больше увеличить свои богатства путём непомерной эксплуатации крестьянства. После многолетних войн, после зверской расправы с «мятежниками» во многих местах страны вотчинникам ощутительно недоставало рабочих рук. Боязнь нового выступления крестьян заставляла феодалов всеми способами укреплять своё социальное и политическое господство, сурово и бдительно следя за всякой попыткой крестьян сплотиться для новой борьбы. Крепостное право рассматривалось феодалами как наиболее удобный способ сохранения феодальной собственности. Католическая церковь со своей стороны объявляла крепостное состояние естественным положением крестьянина. Прямым следствием победы феодальной реакции явилось торжество крепостническо-барщинного пути аграрного развития. Только намечавшаяся в самых общих чертах к началу XV века тенденция развития Чехии по пути, наиболее мучительному для народных масс, связанному с наименее быстрым темпом развития производительных сил, — тенденция вторичного закрепощения, заявлявшая о себе резким увеличением к концу XIV века отработочной ренты на севере и в центре Чехии, теперь восторжествовала по всей стране. Победе этой тенденции способствовали перемещение европейских торговых путей в связи с великими географическими открытиями и революция цен в Европе. В XVI и особенно в XVII веке, после Белогорской катастрофы и опустошений Тридцатилетней войны, в чешских землях устанавливаются самые варварские формы второго издания крепостничества.

Творческие возможности народа были скованы цепями крепостного права. Положение крестьян было чрезвычайно тяжёлым. Для них не было защиты ни в судах, ни в органах габсбургской администрации. Они были лишены самых элементарных человеческих прав, а материальное их положение граничило с катастрофой. Войны, поборы, эпидемии, засухи и всякие стихийные бедствия постоянно стояли за спиною чешских крестьян и удерживали их на грани физического вымирания. В таких условиях чешское крепостное село могло представлять собой очень узкий

внутренний рынок, ёмкость которого возрастала чрезвычайно медленно. Крестьянин мог быть потребителем продуктов городского ремесла лишь в незначительных размерах. Это тормозило развитие товарно-денежных отношений в недрах феодального способа производства, задерживало вызревание элементов капиталистических отношений.

В результате поражения крестьянской войны чешские города понесли непоправимый урон, и темп развития их хозяйства замедлился. Всесильные паны дезорганизовали торговлю системой бесконечных ограничений, регламентацией пошлин и штрафов. Во многих местах феодалы совершенно оттеснили бюргеров от оптовой и даже розничной торговли. Поэтому на городской жизни и на всём хозяйстве Чехии особенно болезненно отразились последствия великих географических открытий и революции цен.

Зарождение капитализма в Чехии происходило в крайне неблагоприятных условиях, а кризис феодальных отношений наступил только в конце XVIII и первой половине XIX века. Ещё более задержалось социально-экономическое развитие Словакии, находившейся под гнётом своих, венгерских и австрийских феодалов. Только в наше время народно-демократическая революция в Чехословакии навсегда уничтожила последние пережитки феодализма.

Если в сфере экономики победа феодальной реакции проявилась в замедлении роста производительных сил, обнищании и разорении крестьян, в известной дезорганизации городского ремесла и торговли, то в области политической она привела к торжеству центробежных тенденций, носителями которых были крупные паны. Ослабленная в экономическом и политическом отношении, Чехия уже к началу XVI века потеряла своё ведущее место в Центральной Европе. Нельзя понять дальнейшую судьбу народов Центральной Европы без учёта тяжёлых последствий поражения чешского народа в Великой Крестьянской войне XV века. Белогорская катастрофа в XVII веке была подготовлена злобещей победой сил реакции над восставшим чешским народом на Липанском поле.

Поражение чехов в Великой Крестьянской войне привело к тому, что католическая церковь в Чехии сравнительно быстро восстановила свои позиции. Уже в 1437 году на улицах Праги можно было увидеть рясы католических

монахов и сутаны патеров. Во второй половине XV века церкви и монастыри снова завладели частью утраченных в годы гуситских войн имений. С переходом Чехии под власть Габсбургов католическое духовенство получило нового сильного союзника в лице австрийской феодальной монархии. С середины XVI века в Чехии появились иезуиты, а после Тридцатилетней войны католическая реакция праздновала свою победу, уничтожая последние, как ей казалось, следы «еретичества и непокорности».

Укрепление католической церкви в Чехии имело отрицательные международные последствия. Уже ко второй половине XV века выяснилось, что силы феодально-католического лагеря всё ещё велики, что международный оплот мракобесия — престол св. Петра — хотя и пошатнулся, но устоял. Реформация XVI века и Великая Крестьянская война в Германии пробили ещё более широкую брешь в здании католического фанатизма и изуверства, но и они не сумели окончательно свалить папство и его союзников. Однако было бы неправильно умалять значение удара, нанесённого католической иерархии и всему церковному зданию в XV веке восставшим чешским народом. Можно сказать без всякого преувеличения, что борьба чешских крестьян подготовила почву и наметила путь для первой всеевропейской битвы буржуазии против феодализма и его оплота — католической церкви.

Историческое значение гуситских войн определяется размахом многолетней героической борьбы народных масс, восставших против феодальной эксплуатации, католического мракобесия и национального угнетения. Международное значение гуситских войн было очень велико. Вожди крестьянских масс постоянно мечтали о том, чтобы распространить идеи чешской реформации по всему миру. Эти мотивы звучали уже в проповедях пламенного трибуна восставшего пражского плебса — Яна Желивского. О них свидетельствовали манифесты таборитов — эти замечательные образцы агитационной литературы XV века. Гуситские войны способствовали подъёму классовой борьбы крестьян и городской бедноты во многих странах феодальной Европы, в первую очередь в тех областях, где, пренебрегая опасностью и ежеминутно рискуя жизнью, действовали самоотверженные проповедники чешского народа — соратник Гуса Иероним Пражский, побывавший среди русских людей в Пскове, распространители

антикатолических и антифеодальных взглядов Табора, бесстрашно восходившие на костры во Фландрии, Шотландии и Каталонии. Везде, где народ страдал под гнётом феодалов и попов, слова гуситской проповеди находили себе путь к сердцам простых людей, а известия о победах их чешских братьев по классу наполняли верой в возможность успеха и решимостью бороться за своё освобождение. Во многих случаях распространение идей крестьянской войны совпадало с открытыми народными восстаниями, облегчало и ускоряло их развязывание, порой даже вызывало их.

Большое значение имела антифеодальная борьба в Словакии, зародившаяся ещё в годы пребывания крестьянских армий таборитско-«сиротского» союза на территории страны и достигшая наивысшего подъёма в конце 40-х и 50-х годов XV века, когда плечом к плечу с словацкими и чешскими крестьянами сражались украинцы, поляки и венгры. Относительная отсталость словацких земель не позволила этому движению приобрести такую силу и размах, какие имели гуситские войны в Чехии, но оно навсегда вошло славной страницей в историю словацкого народа и явилось убедительным доказательством тесных связей двух братских народов.

Гуситские войны заметно отразились и на истории соседней Польши. Немало польских крестьян, плебеев и мелких шляхтичей принимало непосредственное участие в событиях крестьянской войны, сражаясь на стороне восставшего чешского народа. В ряде мест на территории польских земель народные массы поднимались с оружием в руках против своих угнетателей. Так, в начале революционных событий в Чехии восстала беднота Вроцлава. Это движение было подавлено. Сочувствие польского народа восставшим чехам выражалось в массовой поддержке гуситских войск на территории Силезии и Великой Польши и в присоединении к таборитам отдельных отрядов, среди которых были не только поляки, но и русские, и литовцы.

При участии польского и украинского народов происходило в 1440—1442 годах крестьянское восстание в Северной Молдавии, направленное против местных бояр и польских панов. И в этом восстании мы снова встречаемся с совместными действиями крестьян, принадлежавших к разным народностям, против феодалов и их пособников.

Крупное крестьянское восстание, притом непосредственно связанное с крестьянской войной в Чехии, произошло в Трансильвании (1437—1438 годы). Валашские, молдавские, венгерские, словацкие и немецкие крестьяне дружно сражались здесь против феодалов и католических попов, воспламенённые речами гуситских проповедников.

Грозным напоминанием о Великой Крестьянской войне в Чехии явилось для феодальной Европы мощное крестьянское восстание в Венгрии в 1514 году. В ходе этого восстания, во главе которого стоял герой венгерского народа Дьердь Дожа, венгерские и словацкие крестьяне потрясли основы феодального Венгерского государства. Венгерские повстанцы не только свято чтили память великого Гуса, погибшего за столетие до этого времени, но среди них были и гуситские проповедники, агитация которых сыграла немалую роль в деле подготовки самого восстания. В первой венгерской хронике, составленной на родном языке Иштваном Секей Бенцеди (XVI век), Гус сопоставлялся с Мюнцером, и притом оба они оценивались как святые мученики, борцы за правду.

Гуситские войны оказали огромное революционизирующее воздействие и на Германию. Трудящиеся массы Германии приветствовали героическую борьбу чешских крестьян. Ведущая роль в восприятии революционных традиций чешского народа принадлежала немецкому крестьянству, в то время как бюргерство крупных немецких городов относилось к событиям в Чехии и в XV веке и впоследствии гораздо более сдержанно. В Германии многие выходцы из плебса были активными сторонниками таборитов. Несмотря на запугивания и ложь феодалов и попов, народные массы германских земель оказывали помощь гуситским армиям, действовавшим на немецкой территории, и порой вливались в их ряды. Под влиянием чешских событий происходили восстания крестьян в ряде округов юго-восточной Германии: в Баварии, Тюрингии и Саксонии. Крестьянские волнения происходили и в Австрии.

После подавления крестьянской войны в Чехии славные традиции таборитов были восприняты и продолжены крестьянами Германии, восстававшими во второй половине XV века, которые донесли их до времени Великой Крестьянской войны в Германии (1525 год). Значение этих традиций прекрасно сознавали передовые люди

Германии того времени. Вожди Великой Крестьянской войны в Германии, особенно Томас Мюнцер, с большим уважением и любовью относились к памяти Яна Гуса и его последователей, а себя считали наследниками и продолжателями их дела. Известно, что в 1521 году Томас Мюнцер специально ездил в Прагу, чтобы установить связи с последователями гуситского движения.

Отзвуки гуситских идей вместе с манифестами Праги и Табора распространялись в самых отдалённых от Чехии странах феодальной Европы. Никакие репрессии феодалов не могли воспрепятствовать росту сочувствия трудящихся масс Германии чехам, поднявшим оружие против злейшего врага всех народов Европы.— папы и католического духовенства. Имеются сведения о распространении гусизма в Англии и во Фландрии, во Франции и в Испании, в Италии и в других странах.

Поэтому есть все основания считать гуситские войны не только выдающимся событием в истории одного чешского народа, но важным этапом истории всего европейского крестьянства, в истории его многовековой борьбы против феодальной эксплуатации.

Велико значение гуситских войн и в истории военного искусства. Сам характер многолетней крестьянской войны, массовость и классовый состав чешских армий требовали иной организации вооружённых сил, чем обычная организация и тактика феодальных армий XV века. Организация и тактика гуситов были выработаны в ходе войны на основе соединения лучших образцов отечественного боевого опыта с творчески применёнными достижениями европейского феодального военного искусства. В то же время гуситскими полевыми армиями были органически усвоены формы вековой борьбы народных масс против феодалов. В ходе войны восставшие массы сумели сплотиться и организовать свой ударный отряд — постоянные войска таборитов и «сирот», крестьянские по составу своих бойцов. Народ выдвинул в эти годы из своей среды талантливых полководцев и организаторов, которые выигрывали сражение у превосходивших сил значительно лучше вооружённого врага. Имена Яна Жижки и Прокопа Великого вошли в пантеон выдающихся деятелей мирового военного искусства. Но они были не одиноки. В ходе войны выдвинулись многочисленные кадры военачальников, смелых, инициативных, решительных, выигравших

не одну жестокую схватку с врагом. Величие гения народных полководцев состояло в их неразрывной связи с народом.

Военное искусство гуситских армий являлось в XV веке вершиной военного искусства феодальной Европы. Вместе с тем в нём содержались уже элементы такой военной организации и тактики, развитие которых в ту пору могло быть только делом будущего. Военное искусство гуситов впервые включало в себя использование значительных масс пехоты, применение подвижной полевой артиллерии, использование возов в качестве тактической и боевой единицы. Большим достижением армий Табора было чёткое взаимодействие всех видов оружия. Гуситские военачальники руководствовались в войнах, которые им приходилось вести, продуманными планами, координировали действия отдельных подразделений своих армий, сочетали различные роды оружия, умели определить и осуществить направление главного удара. Это было возможно не только потому, что военачальники таборитов обладали выдающимися способностями, но главным образом потому, что их крестьянские армии решительно отличались от рыцарских ополчений и наёмных армий. Армии гуситов пополнялись за счёт повстанцев, глубоко убеждённых в правоте и справедливости своего дела, пламенных патриотов, способных на самоотверженные подвиги. Поэтому армии таборитов смогли создать небывалую прежде дисциплину и отличались высоким моральным духом.

Неожиданные военные успехи «мятежного мужичья» были сначала непонятны их врагам, но затем их опыт стал изучаться за рубежом. Вскоре выяснилось, что недостаточно рабски копировать военные приёмы таборитов, так как сила их заключалась не только и не столько в этих приёмах, сколько в породивших их революционном подъёме и воодушевлении, охвативших широкие народные массы. Поэтому плодотворное усвоение боевого опыта гуситских армий оказалось возможным лишь там, где народные массы принимали активное участие в военных действиях и видели в них своё кровное дело. Так, воинские традиции таборитов были усвоены и получили дальнейшее развитие в многолетней борьбе венгерского народа против турецких полчищ. Эти традиции сознательно поддерживались великим полководцем Венгрии Яношем Гуниади,

возглавлявшим в середине XV века упорную борьбу венгерского народа против турецких феодалов-аггессоров. Славные боевые традиции гуситских народных армий живут и ныне в армии народно-демократической Чехословацкой Республики, стоящей рядом с героической Советской Армией и вооружёнными силами других народно-демократических государств на страже мира во всём мире.

Неумирающие традиции Великой Крестьянской войны XV века составляют один из неиссякаемых источников животворного патриотизма чешского и словацкого народов. На протяжении многовековой истории народов Чехословакии они являлись знаменем борьбы за социальное и национальное освобождение. Представители сил реакции, наследники тех, кто избивал пленных на Липанском поле, хотели навсегда сломить боевой дух чешского народа, вытравить из его сердца память о славных страницах его истории. Но напрасно католические прелаты и паны сжигали летописи и разрушали памятники славы борьбы народа, напрасно усердствовали габсбургские администраторы и иезуиты, преследуя чешский язык, уничтожая книги, закрывая школы, напрасно распинались продажные слуги буржуазии — историки вроде Пекаржа, пытавшиеся исказить и оболгать героическое прошлое чешского народа. Чешский народ пронёс сквозь века память о своих бессмертных предках — бойцах крестьянского Тabora.

Многочисленные крестьянские восстания, вспыхивавшие в Чехии в XVI—XVIII веках, проходили под прямым воздействием гуситских традиций. Участники крестьянского восстания 1775 года приносили клятвы в верности своему делу на могильном камне Прокопа Великого. Они сознательно подчёркивали этим свою связь с таборитами и преемственность их идей. Национальное возрождение Чехии и Словакии в XIX веке связано с гуситскими традициями. Представители левого демократического крыла в период революции 1848 года в Чехии стремились использовать гуситские традиции и пропагандировали их. Рабочее движение Чехии восприняло традиции борьбы за социальную справедливость, начертанные на знамени Тabora, наполнило их новым содержанием и превратило в мощное оружие в руках рабочего класса. Коммунистическая партия Чехословацкой Республики подняла их на качественно

Памятник Гусу в Праге

новую ступень. В тяжёлые годы немецко-фашистской оккупации они помогали бороться с врагом, а в настоящее время помогают строить социализм.

Именно поэтому трудящиеся массы народной Чехословакии бережно хранят воспоминание о событиях далёкого прошлого. Трудно отыскать в Чехии хоть один сколько-нибудь значительный населённый пункт, где нет улицы или площади, носящих славные имена Гуса, Жижки и других героев крестьянской войны, где не было бы воздвигнутых в их честь памятников или мемориальных досок. Но самым лучшим и самым прочным памятником является благодарность и любовь народа. Ежегодно 30 мая собираются на Липанском поле десятки тысяч трудящихся. Тут присутствуют и сидящие учёные, и ученицы начальной школы, и остравские шахтёры, и рабочие Праги, и крестьяне из окрестностей Тахова или Усти. Многочисленные экскурсии рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции направляются в Козий Град и посещают дом, где жил Гус. Каждый год 6 июля по всем

деревням и городам Чехии зажигаются костры, напоминающие о гибели Гуса и о великих освободительных традициях чешского народа, навсегда прочно связанных с его именем. В этих патриотических демонстрациях принимают участие чехи и словаки, ныне равноправные и свободные граждане народно-демократической Чехословацкой Республики.

В годы гуситских войн создавались и крепили традиции совместной борьбы угнетённых масс разных национальностей против эксплуататоров. На полях битв Великой Крестьянской войны сражались плечом к плечу чехи и словаки, поляки и русские, немцы и венгры. Это являлось одним из источников силы гуситского революционного движения. Традиции совместной борьбы трудящихся независимо от национальной принадлежности укрепляют в наше время традиции пролетарского интернационализма народов народно-демократической Чехословацкой Республики.

Гуситские войны всегда пользовались сочувствием русского, украинского и белорусского народов.

Трагическая судьба чешских повстанцев волновала передовых сынов России, Украины и Белоруссии. О дружбе и братском союзе освобождённых славянских народов мечтали декабристы. Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко выразил любовь и уважение братских народов Украины, России и Белоруссии к славным традициям гуситов в своей поэме «Еретик». Рисуя величественный образ Гуса, павшего жертвой феодально-католической реакции, великий народный поэт Украины высказал глубокую уверенность в том, что зажжённая Гусом

Искра пламени большого
И не погасает,
Ждёт поджога, точно мститель
Часа ожидает.

Гениальным пророчеством звучало сокровенное пожелание поэта:

Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды,

того солнца правды, которое народы нашего времени видят в бессмертных идеях ленинизма, осветивших народам

нашей Родины и всего мира путь к счастью — путь к построению коммунизма. Именно в братском единении славянских народов и трудящихся всех стран видел великий сын украинского народа залог светлого будущего своей Родины, которая стоит ныне в первых рядах строителей коммунизма, являясь составной частью тех прогрессивных сил, которые, по словам Шевченко,

Принесут они навеки
Миру мир и славу!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Чехия на рубеже XIV—XV веков	7
<i>Глава II.</i> Обострение социальных и национальных противоречий в Чехии в начале XV века	52
<i>Глава III.</i> Чешская реформация и её социальная сущность. Ян Гус	82
<i>Глава IV.</i> Начало крестьянской войны в Чехии. Табориты и чашники (1419—1420 годы)	120
<i>Глава V.</i> Первый крестовый поход феодально-католической реак- ции и его разгром. Хилиасты в Таборе (1420—1421 годы)	149
<i>Глава VI.</i> Разгром второго и третьего крестовых походов. Ян Жиж- ка. Разрыв между таборитами и чашниками (1421—1424 годы)	181
<i>Глава VII.</i> Разгром четвёртого крестового похода. Переход чаш- ников к соглашению с реакцией (1424—1427 годы)	209
<i>Глава VIII.</i> Табориты за пределами Чехии. Разгром пятого кре- стового похода. Прокон Великий. Переход чашников в лагерь реакции (1427—1433 годы)	237
<i>Глава IX.</i> Липаны и конец крестьянской войны (1433—1437 годы)	274
<i>Заключение</i>	306

Редактор *И. Оводова*

Оформление художника *А. Соколова*

Технический редактор *А. Данилина*

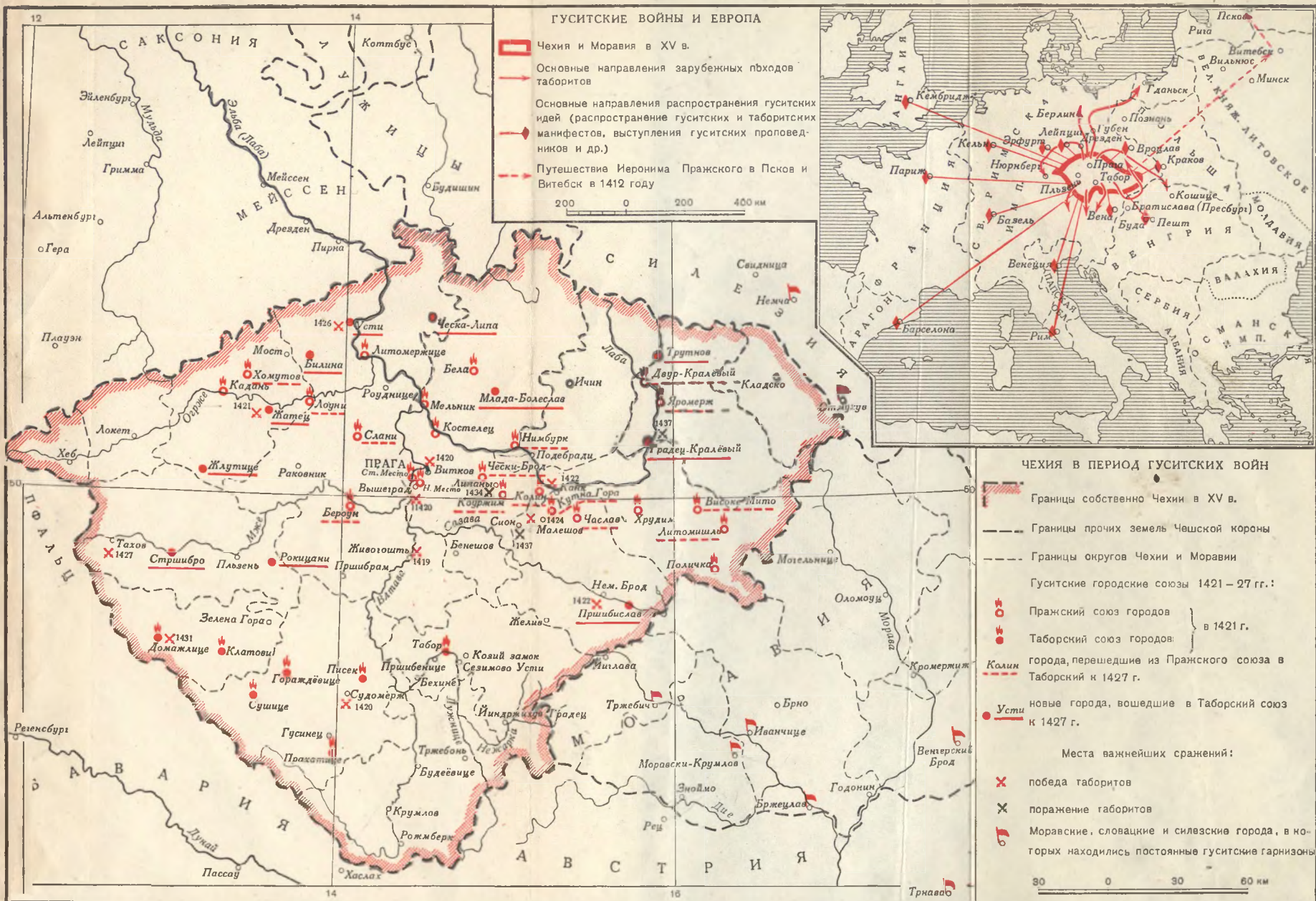
Ответственные корректоры *А. Зотова* и *Л. Кованова*

Сдано в набор 30 марта 1953 г. Подписано в печать 25 июня 1953 г.
Формат 81×108 $\frac{1}{32}$ Физ. печ. л. 10 $\frac{1}{8}$ + (2 вклейки) $\frac{3}{16}$. Услови. печ. л. 16,92.
Учетно-изд. л. 17,1 Тираж 20 тыс. экз. А 02543. Заказ № 309 Цена 5 р. 55 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валаовая, 28.

ГУСИТСКИЕ ВОЙНЫ (1419—1437 гг.)

5 р. 55 к.

ГОСНОЛИТИЗДАТ

1955